

солдатъ кинулся къ намъ и остановилъ лошадей утверждая, что Хамра его собака. Насъ вмигъ окружила цѣлая толпа зѣвакъ. Я велѣлъ возницѣ ѣхать дальше, но китаецъ кричалъ жестикулировалъ и бросался плашмя передъ колесами арбы, требуя свою собаку.

Пришлось пойти на компромисъ. Порѣшили, что, если Хамра пойдетъ за китаецемъ, значитъ она его, а если за нами — наша. Едва собаку отвязали, она стрѣлой кинулась по дорогѣ впередъ и исчезла въ облакѣ пыли. Храбрый китаецъ остался съ носомъ, и наградой за хлопоты былъ ему только всеобщій смѣхъ.

День выдался сѣрый, пасмурный, небо хмурилось, вѣтра не было, но въ воздухѣ висѣла туманная мгла, застилавшая видъ. Между ивами, окаймлявшими дорогу, кромѣ того клубилась пыль, поднимаемая конными и пѣшими; трактъ этотъ очень бойкій.

Въ Кызыль-су почти не было воды, да и та, что была, замерзла. Мы свернули на востокъ, и рѣка оказалась у насъ по лѣвую руку. Лишь къ 9 часамъ вечера, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды въ потьмахъ, достигли мы селенія Яманъ-іеръ (дурное мѣсто). Мы четверо помѣстились на постояломъ дворѣ, а возницамъ предоставили ночевать въ арбахъ, чтобы стеречь багажъ отъ воровъ.

18 февраля, миновавъ нѣсколько мѣстечекъ, достигли мы Файзабада (обитель благодати), самаго значительнаго пункта на трактѣ между Кашгаромъ и Мараль-баши. День пришелся какъ разъ базарный, и узкія улицы, наполненные пестрой, суетливой толпой, отличались необычнымъ оживленіемъ.

Сюда стекались жители всѣхъ окрестныхъ селеній, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ на цѣлую недѣлю.

По дорогѣ мы также встрѣчали и нагоняли множество пѣшихъ и конныхъ людей съ разными продуктами сельскаго хозяйства, съ овцами, козами, курами, плодами, сѣномъ, топливомъ, разной утварью и проч. На длинной базарной улицѣ стоялъ шумъ и гамъ, толкотня и брань, слышались громкіе выкрики торговцевъ. Тамъ и сямъ мелькали женщины въ большихъ бѣлыхъ тюрбанахъ съ бѣлыми чадрами, виднѣлись китайцы въ голубыхъ кофтахъ, пробивались сквозь толпу караваны ословъ, — настоящій муравейникъ.

Файзабадскій базаръ замыкается на обоихъ концахъ деревянными воротами, но самое мѣстечко стѣнами не обнесено. Всего въ немъ, если считать и разбросанные кругомъ дворы, дворовъ 700 — 800. Большая часть населенія принадлежитъ къ сартскому племени (джагатай-тюркскому); кромѣ того здѣсь много дунганъ и небольшое число китайскихъ поселенцевъ. Мѣстечко производитъ хлопокъ, рисъ, пшеницу и проч., яблоки, груши, виноградъ, дыни, огурцы и разные другіе овощи.

19 февраля. Вокругъ насъ разстилается ровная сѣровато-желтая безконечная равнина, покрытая толстымъ слоемъ сухой, мелкой пыли (лѣса), которая взвивается столбомъ отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка и набивается повсюду, даже въ шубы, въ мѣшки, находящіеся внутри арбъ, и слоями осѣдаетъ на ихъ крышахъ. Чтобы защититься отъ нея, мы накрыли арбу парусиной отъ палатки; полы ея были спущены спереди настолько, чтобы не закрывать намъ вида. Ѣхать по этой мягкой настилкѣ мягко, точно по перинѣ; колеса арбъ такъ и тонутъ въ ней. Поэтому подвигаемся въ нашихъ тяжело нагруженныхъ экипажахъ очень медленно.

Если идти пѣшкомъ, ноги тоже тонутъ въ пыли, и только кучки ея отмѣчаютъ слѣды. Бѣдныя лошади выбивались изъ силъ; бока ихъ лоснились отъ пота. Пыль выкрасила ихъ всѣхъ подъ одну масть — грязно-сѣрую. Одна лошадь впрягается въ оглобли, а три остальные бѣгутъ впереди въ длинныхъ постромкахъ. Первая лошадь поддерживаетъ равновѣсіе арбы, и, чтобы не слишкомъ обременять животное, арба должна быть хорошо уравновѣшена кладью. Случись лошади упасть — дѣло будетъ плохо.

Вскорѣ послѣ полудня, мы сдѣлали четырехчасовой привалъ въ караванъ-сараѣ Янги-абада (новое мѣсто). Во дворѣ стояло множество арбъ, нагруженныхъ топливомъ, нарубленнымъ въ ближайшемъ дженгелѣ (лѣсу). Затѣмъ, мы ѣхали въ потьмахъ всю ночь отъ 5 ч. вечера до 5 ч. утра. Качка арбы скоро убаюкиваетъ, и мы спали себѣ, зарывшись въ подушки, тулупы и войлока.

20 февраля. Ночью мы сбились съ пути, такъ какъ и возницы ухитрились временами вздремнуть. Послѣ шумныхъ поисковъ дороги, гиканья, тпруканья, едва-едва не перевер-

нувшись вмѣстѣ съ арбами, мы выѣхали на настоящую дорогу. Около города Кара-юлгунъ (черный тамарискъ) мы переѣхали по деревянному мосту черезъ Кашгаръ-дарью. Городъ Яй-булакъ (лѣтній источникъ) получилъ свое названіе отъ того, что рѣка здѣсь выходитъ лѣтомъ изъ своихъ ровныхъ, низкихъ береговъ и заливаешь ихъ на далекое пространство. И теперь, на равнинѣ виднѣлись густо обросшія камышомъ замерзшія болота.

Въ теплое время года большая проѣзжая дорога и дѣлаетъ значительный крюкъ, во избѣжаніе затопленныхъ мѣстъ. Около пяти часовъ пополудни мы доѣхали до мѣста, гдѣ дорога пересѣкалась такимъ замерзшимъ разливомъ рѣки. Лошади бѣжали во всю прыть, выѣхали на ледъ, и онъ затрещалъ и подломился подъ нашей арбой, а сама послѣдняя завязла по ступицы. Выпрягли лошадей изъ другой арбы, припрягли ихъ сзади арбы и послѣ долгихъ усилій удалось таки вытащить ее на сушу.

Попробовали затѣмъ перебраться по льду въ другомъ мѣстѣ, и моя арба переѣхала благополучно, но другая вѣзлась въ ледъ однимъ колесомъ. Пришлось вытаскивать изъ нея весь багажъ и переносить его на рукахъ на другой берегъ. Погода была холодная, непріятная, и Исламъ-бай развелъ для меня на другомъ берегу большой костеръ, у котораго я и грѣлся, пока остальные возились еще съ часъ съ арбою. Въ два часа утра мы добрались до мѣстечка Урдаклика, гдѣ и остановились.

21 февраля. Сейчасъ за станціей начинается рѣденькій тополевыи лѣсокъ, который дальше понемногу становится чаще. Дорога мѣстами глубоко вѣзлась въ лѣсъ, мѣстами вьется между низкими конусовидными холмами, поросшими тамарискомъ и другими кустарниками. Дунганъ-мазаръ (могила дунганъ) — лянгаръ т. е. постоянный дворъ, съ дворомъ, окруженнымъ навѣсомъ изъ вѣтвей кустарниковъ. Самая могила отмѣчена „тугомъ“, увѣшаннымъ тряпьемъ. Мѣсто нашего дневного привала, Кара-курчинъ, находилось уже въ значительномъ разстояніи отъ рѣки.

22 февраля. Весь день ѣхали лѣсомъ, слышущимъ за убѣжище тигровъ, волковъ, лисицъ, оленей, антилопъ и зайцевъ. Рабатъ Тшурга находится приблизительно въ 7 километрахъ отъ Кашгаръ-дарьи.

Станціонные дворы съ кучами топлива и сѣна, сараями и арбами часто бываютъ очень живописны. Рогатый скотъ, овцы, кошки, собаки и куры очень оживляютъ ихъ; яйца, молоко и хлѣбъ можно достать вездѣ. На этомъ трактѣ преобладаютъ караваны ословъ, перевозящихъ между Кашгаромъ и Акъ-су хлопокъ, чай, ковры, кожи и пр. Разстояніе между этими двумя городами достигаетъ почти 550 верстъ, раздѣленныхъ на 18 „эртенговъ“ — станцій или дневныхъ перегоновъ. Караванъ или арба не можетъ за день сдѣлать больше одного эртенга. Китайская почта, если везетъ важныя депеши, проѣзжаетъ, однако, весь этотъ путь въ 3½ дня.

На каждой станціи есть китаецъ смотритель, завѣдующій почтой, и три магометанина курьера; одинъ изъ нихъ обыкновенно исполняетъ обязанности слуги при смотрителѣ, а два другихъ несутъ почтовую службу. Почтовая сумка доставляется только до ближайшей станціи, откуда ее тотчасъ-же отправляютъ съ новымъ курьеромъ до слѣдующей и т. д. На каждой станціи держатъ болѣе 10 лошадей, и вообще почта отличается быстротой и аккуратностью.

Почтовое сообщеніе между Кашгаромъ и Акъ-су, а также между этимъ послѣднимъ, Карашаромъ и Урумчи, Хами, Сачжоу и Лянь-чжоу-фу, однако, потеряло свое значеніе съ проведеніемъ китайскимъ правительствомъ, по требованію Англіи, телеграфной линіи. И странно видѣть вытянутые правильной линіей телеграфныя столбы въ этой азіатской глуши. Когда китайцы проводили линію, ихъ сопровождали цѣлыя обозы; сарты снабжали работающихъ и продовольствіемъ и орудіями.

23 февраля. Лѣсъ прерывается на значительномъ разстояніи отъ Маралъ-баши, и дорога портится, а ландшафтъ оголяется и теряетъ всякую живописность. Еще разъ переѣхавъ сухое теперь русло Кашгаръ-дарьи по узкому деревянному мосту, мы миновали китайскую крѣпость Маралъ-баши, обнесенную зубчатою стѣною изъ обожженного кирпича, съ башенками по угламъ; гарнизонъ крѣпости состоитъ, говорятъ, изъ 300 чел. Главная базарная улица идетъ съ запада на востокъ, очень длинна, пряма и грязна. По обѣ стороны ея тянутся китайскія и сартекія лавки и ворота караванъ-сараявъ. Мы нашли пристанище себѣ и своимъ мѣшкамъ въ какой-то жалкой лачугѣ.

24 февраля. Въ Маралъ-баши вмѣстѣ съ окрестными кышлаками насчитывается до тысячи дворовъ. Мѣсто это называется иначе Долонъ, и на южныхъ трактахъ, напр. въ Яркендѣ, это названіе въ общемъ употребленіи. Обозначаетъ оно: „дикій лѣсной трактъ“ т. е. область, лишенная городовъ, и примѣняется, слѣдовательно, въ отличіе отъ Кашгара и Акъ-су. Жители гордятся тѣмъ, что они „долоны“*), но, по языку, обычаямъ и религіи это тѣ же восточные туркестанцы, хотя типомъ отъ послѣднихъ и отличаются, обнаруживая свое чисто уйгурское происхожденіе.

Я прогулялся по этому ничтожному городку, который, подобно Файзабаду, имѣетъ двое маленькихъ воротъ, тоже находящихся на обоихъ концахъ базара; одни ворота называются Кашгаръ-дервазе, другія Акъ-су-дервазе. Обѣ главныя мечети имѣютъ простые глиняные фасады и деревянные галереи, обращенныя во дворъ; называются мечети одна Долонъ, другая Музафиръ. Долонъ расположена вблизи воротъ Акъ-су-дервазе, за которыми находится кладбище (габристанъ). Тутъ-же оказалась и Кашгаръ-дарья; воды въ ней было очень мало, и та почти стоячая. Изъ нея выведено нѣсколько арыковъ, приводящихъ въ движеніе мельницы.

Мы посѣтили одну изъ нихъ. Это былъ по просту соломенный навѣсъ на столбахъ. Въ одномъ углу его молотось зерно, между горизонтальными жерновами, привезенными изъ Кашгара и стоимыми 100 тенегъ (1 теньга = 20 эре = 10 к.); теперь молоты маисъ (конакъ) и пшеницу (богдай). Мельникъ получаетъ за помоль $\frac{1}{16}$ смолотой муки, а смолоть можетъ отъ 32 до 40 чэрекъ въ день.

Въ другомъ углу обдирали рисъ (шалы — сырой рисъ съ шелухой; гручъ — очищенный, бѣлый рисъ безъ мякины). Водяное колесо на горизонтальной оси приводитъ въ движеніе деревянные молотки, ударяющіе въ косо поставленные жолоба, куда кладется рисъ; непрерывнымъ постукиваніемъ молотками рисъ и очищается отъ шелухи. Просѣявъ рисъ, его опять кладутъ въ жолоба и такъ до трехъ разъ, пока вся мякина не будетъ выброшена. Мельникъ за обдирку получаетъ одну десятую очищенного риса и можетъ заработать до 15 чэрекъ въ

*) У Пржевальскаго „дуланы“.

день. Чэрекъ рису стоилъ въ Маралъ-баши четыре тенги, такъ что мельникъ зарабатываетъ 6 тенегъ. Въ этой мѣстности воздѣлываютъ много рису, маису и пшеницы.

Утромъ насъ посѣтилъ китайскій чиновникъ и четыре бека, привѣтствовавшіе меня отъ имени амбана. Беки были очень учтивы, разговорчивы и нашли мой планъ пересѣчь пустыню Такла-маканъ выполнимымъ. Они рассказали, что нѣкогда въ пустынѣ между Яркендъ-дарьей и Хотанъ-дарьей былъ большой городъ Такла-маканъ, но уже давно засыпанъ песками. Теперь всю пустыню называютъ его именемъ, сокращенно-же иногда по просту Таканъ.

Кромѣ того они сообщили, что въ пустынѣ по слухамъ „не чисто“, и что тамъ есть башни, стѣны и дома, въ которыхъ навалены слитки золота и серебра. Но кто отправится туда съ караваномъ и навьючитъ верблюдовъ золотомъ, никогда не выберется изъ пустыни, — духи пустыни не выпустятъ. Только побросавъ все золото, можно еще спастись. Беки полагали, что, запасшись водой и слѣдуя, сколько можно, вдоль Мазаръ-тага, удастся пересѣчь пустыню; но лошади скоро околѣютъ.

25 февраля. Изъ Маралъ-баши я сдѣлалъ экскурсію на лежащій въ днѣ пути къ востоку отдѣльный кряжъ Мазаръ-тагъ. Сопровождали меня только возница мой, Исламъ-бай и Джолданъ, и легко нагруженная арба быстро мчала насъ по дорогѣ. Часа черезъ два, сквозь густой, пыльный туманъ стала мелькать темная масса съ зазубреннымъ гребнемъ. Мы свернули съ большой дороги, ведущей въ Акъ-су, направо по степи, покрытой рѣдкими кочками, а затѣмъ дорога пошла между двумя отрогами кряжа, изъ которыхъ правый — дикій, сильно разрушенный вывѣтриваньемъ и размывомъ кряжъ изъ свѣтлозеленыхъ кристаллическихъ сланцевъ, гораздо массивнѣй лѣваго. У подошвы отроговъ видна кое кака я растительность, и тамъ и сямъ разбросаны маленькіе кышлаки.

Неподалеку отъ сѣверо-восточнаго подножія кряжа находится Улугъ-мазаръ (большая могила), окруженный сѣрой стѣной изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича. Сначала попадаешь на большой четырехугольный дворъ; посреди растетъ кустъ, а вокругъ него рядъ воткнутыхъ въ землю шестовъ. Какъ послѣдніе, такъ и кустъ, увѣшаны маленькими флагами

— красными, голубыми, бѣлыми съ красными каемками, вырѣзанными зубцами и фестонами и проч.

Черезъ ворота входишь въ „ханка“ или „домъ молитвы“ устланный половиками. Въ глубинѣ его деревянная перегородка, и за нею самая могила — обыкновенный могильный камень посреди четырехугольнаго темнаго помѣщенія, украшеннаго тугами, флагами, рогами оленей и дикихъ барановъ. Самое зданіе, увѣнчанное куполомъ, возведено изъ обожженнаго кирпича; каждую пятницу его посѣщаютъ благочестивые пилигриммы. На наружномъ дворѣ находится ашпазъ-хана или кухня, гдѣ пилигриммы трапезуютъ.

Мы нашли пріютъ въ одномъ гостепріимномъ домѣ въ кышлакѣ Мазаръ-алды (передъ святой могилой), гдѣ насъ посѣтили мѣстные жители, отъ которыхъ мы получили много важныхъ свѣдѣній. Они сообщили, что Яркендъ-дарья дѣлится здѣсь на два рукава и что по близости есть три большихъ богатыхъ рыбой озера, которыя сильно разливаются во время половодья.

Особенно заинтересовало насъ сообщеніе, что отъ Мазаръ-тага идетъ отрогъ на юго-востокъ черезъ песчаную пустыню къ самой Хотанъ-дарьѣ.

Положиться на это сообщеніе, однако, было трудно, такъ какъ ни одинъ изъ рассказчиковъ самъ не видалъ, какъ далеко заходитъ отрогъ въ пустыню. Одни изъ нихъ называли пустыню Деккенъ-декка, такъ какъ по преданію тамъ погребены подъ пескомъ „тысяча и одинъ“ городъ; золота и серебра тамъ множество. Пробраться по пустынѣ можно на верблюдахъ; воду, можетъ быть, удастся найти въ ложбинахъ и впадинахъ.

26 февраля. Надо было составить себѣ понятіе объ этомъ кражѣ, и мы отправились въ своей арбѣ съ проводникомъ вдоль восточнаго его подножія. На лѣво у насъ было болото, по берегу котораго шли бесплодные, песчанья дюны. Черезъ три часа мы добрались до Кудай-дарьи (Лебединая рѣка) сѣвернаго рукава Яркендъ-дарьи, шириной около 110 метр. Хрупкій ледъ могъ сдержать пѣшехода, но ломался подъ арбой. Во льду обмерзла лодка; долоны пользуются ею, когда вода бываетъ высока. Во время лѣтняго половодья оба рукава несутъ огромное количество воды, сливаются, образуя родъ

озера, и затопляютъ большіе участки лѣсовъ, расположенныхъ по правому берегу Яркендъ-дарьи.

На правомъ берегу Кудай-дарьи находилось нѣсколько лачужекъ. Въ началѣ апрѣля нѣкоторые долоны приходятъ сюда со своими стадами и проводятъ здѣсь половину года въ хижинахъ изъ камыша, построенныхъ на мѣстахъ, не подвергающихся затопленію. Эти лѣтніе поселки называются у нихъ айлаками. Такимъ образомъ это полукочевой народъ.

Дальше проѣхать съ арбой было невозможно, и я продолжалъ путь на лошади съ однимъ спутникомъ. Мы перебрались черезъ Мазаръ-тагъ по довольно затруднительному для проѣзда перевалу, а затѣмъ обогнули кражъ вдоль западнаго его подножія; тутъ находится озеро Шоръ-куль, т. е. „Соленое“; вода въ немъ, однако, совершенно прѣсная; озеро изобилуетъ тростникомъ и гусями. Самый кражъ сложенъ здѣсь изъ грубозернистой эруптивной породы, а подошва его окаймлена большими отторженцами самыхъ причудливыхъ формъ.

Шоръ-куль — типичная лагуна — находится на лѣвомъ берегу Яркендъ-дарьи. Дно рѣчного ложа постепенно подымается вслѣдствіе наноса ила и пр. матеріала, уровень воды повышается и, при всякой прибыли воды, ближайшіе береговые участки затопляются. Вернулись мы назадъ черезъ Улугъ-мазаръ. Мазаръ-тагъ сложенъ вообще изъ кристаллическихъ сланцевъ, порфира и сіенито-подобной горной породы. Возвышается онъ на площади между сливающимися здѣсь Кашгаръ-дарьей и Яркендъ-дарьей и видомъ напоминаетъ развалины мазара.

27 февраля. Направляясь къ NNO, мы вернулись на ведущую въ Акъ-су большую дорогу около Чаръ-бага (четыре сада). Дорога опять пересѣкала Кашгаръ-дарью, развѣтвляющуюся здѣсь на нѣсколько рукавовъ, черезъ которые были перекинута деревянные мостики. Изъ пыльной мглы, застилавшей видъ, скоро проглянулъ на лѣво небольшой отдѣльный кражъ Оку-мазаръ-тагъ. На одной изъ его вершинъ возвышается мазаръ Хазретъ-Али. Утромъ было вѣтряно, а къ полудню восточный вѣтеръ разыгрался еще больше; все заволокло непроницаемыми клубами пыли, подымаемой и вѣтромъ и нашими арбами и лошадьми. Изрѣдка мелькали въ этой пыльной мглѣ деревья, кусты дома или мѣстечки. Всѣ

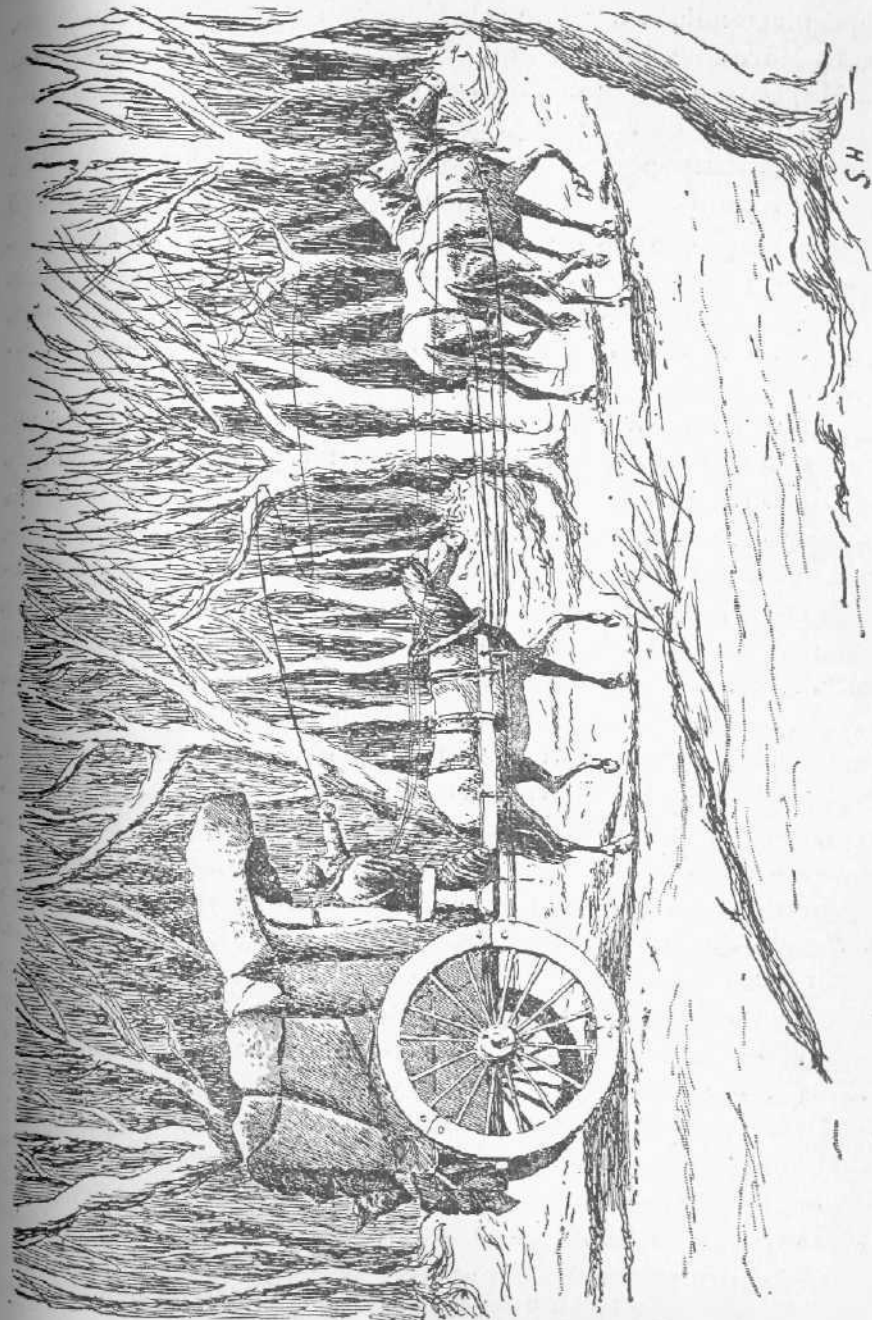
предметы виднѣлись словно сквозь мутную воду. Въ такую погоду въ дорогу, какъ видно, пускались немногіе.

Направо выступилъ кряжъ Тумшукъ (коса) съ четырьмя скалистыми отрогами, обращенными на сѣверъ. Здѣсь много развалинъ домовъ и стѣнъ, расположенныхъ амфитеатромъ; онѣ лѣпились по уступамъ, не превышавшимъ, однако, высоту 20—25 м., словно ласточкины гнѣзда. Ясно можно было различить, что постройки эти принадлежали къ двумъ различнымъ періодамъ. Старѣйшія постройки были возведены изъ обожженного краснаго кирпича, а позднѣйшія изъ высушенной на солнцѣ глины. Въ равнинѣ внизу также много различныхъ развалинъ. Это остатки древняго города; на горѣ же, вѣроятно, была воздвигнута для защиты его цитадель. Мѣстность эта теперь бесплодна и необитаема; причиной, должно быть, измѣненіе теченія Кашгаръ-дарьи.

28 февраля. Въ часѣ ѣзды къ сѣверо-западу отъ станціи Тумшукъ также находятся развалины, извѣстныя подъ названіемъ Эски-шаръ (старый городъ); мы посѣтили и ихъ. Лучшее всего сохранилось какое-то четырехугольное зданіе; каждая изъ его стѣнъ, обращенныхъ одна къ сѣверу, другая къ югу, третья къ востоку и четвертая къ западу, имѣла въ ширину 10 метр.; въ стѣнѣ, обращенной на югъ, были ворота. Материаломъ для этой постройки, должно быть, мечети, послужилъ обожженный твердый кирпичъ. Внутренніе углы были украшены лѣпными орнаментами, а ворота орнаментами, высѣченными на кирпичѣ и бывшими, вѣроятно, въ былое время покрытыми эмалью.

Отъ небольшого кряжа по близости идутъ два параллельныхъ отрога на сѣверо-востокъ. Здѣсь мы также нашли развалины кирпичныхъ стѣнъ. Стиль этихъ магометанскихъ построекъ обличаетъ, что давность ихъ не превышаетъ 1150 г.

Буря продолжалась весь день. Около полудня солнце померкло, точно передъ грозой; песокъ и пыль подымались столбомъ и неслись по дорогѣ. Мы поэтому поторопились повернуть назадъ въ Чаръ-багъ. Пренеприятное было возвращеніе: съ каждымъ вдоханьемъ въ ротъ набивалось удручивою пылью; временами даже лошадей впереди арбы не было видно; мы были буквально облѣплены пылью, когда вернулись къ себѣ.

Одна изъ мѣстныхъ арбъ въ Кашгаръ-дарьинскихъ лѣсахъ.
(Съ рисунка автора).

1 марта. Буря улеглась, и мы въ прекрасную погоду вернулись въ Мараль-баши, гдѣ ожидала меня радость —

корреспонденція съ родины. Моимъ почтовымъ курьеромъ былъ Магометъ Якубъ, старый сартъ изъ Оша; я видѣлъ его на Мургабѣ и взялъ пока къ себѣ на службу.

Одинъ 80-тилѣтній старикъ, услыхавъ, что мы собираемся отправиться въ пустыню Такла-маканъ, явился ко мнѣ сообщить, что знавалъ въ молодости одного человѣка, который дорогой изъ Хотана въ Акъ-су сбился съ пути, углубился въ пустыню и набрелъ на древній городъ; въ развалинахъ домовъ онъ нашелъ безчисленное множество китайскихъ башмаковъ, но какъ только дотрогивался до нихъ, они рассыпались прахомъ.

Другой путникъ отправился изъ Аксакъ-марала въ пустыню и тоже набрелъ на развалины города, гдѣ и нашелъ много слитковъ серебра. Онъ набилъ ими карманы и мѣшокъ, но, когда хотѣлъ направиться въ обратный путь, откуда ни возмись, выскочила цѣлая стая дикихъ кошекъ и такъ перепугала его, что онъ побросалъ все и убѣжалъ. Когда страхъ его прошелъ, онъ хотѣлъ опять попытать счастья, но уже не могъ найти того мѣста: песокъ снова поглотилъ таинственный городъ. Мулла изъ Хотана оказался счастливымъ. Онъ запутался въ долгахъ и отправился въ пустыню искать смерти. Въмѣсто того онъ нашелъ тамъ золото и серебро и сталъ богатымъ человѣкомъ. Безчисленное множество людей отправлялись съ тою-же цѣлью въ пустыню и больше не возвращались. Старецъ увѣрялъ, что прежде нужно отогнать злыхъ духовъ и тогда только искать скрытыхъ сокровищъ, теперь-же злые духи околдовываютъ несчастныхъ смѣльчаковъ: голова у нихъ начинаетъ кружиться, и они, сами того не зная, бродятъ все вокругъ одного мѣста, по своимъ слѣдамъ. Такъ они ходятъ, ходятъ, пока не выбьются изъ силъ и не умрутъ отъ жажды.

По окраинамъ пустыни шляется много разнаго безпутнаго люда въ надеждѣ рано или поздно добраться до скрытыхъ сокровищъ. Всѣ эти искатели золота очень подозрительный народъ, котораго надо остерегаться. Обыкновенно это лѣнтяи, надѣющіеся сразу поймать счастье за крылья, а пока промышляющіе воровствомъ и грабежомъ и являющіеся настоящимъ бичомъ мирныхъ окрестныхъ жителей.

Но откуда же берутся такіа легенды? Чѣмъ объяснить эти согласныя указанія на погребенные въ пустынѣ города и на

большой древній городъ Такла-маканъ? Случай-ли создалъ эти сказанія, переходящія изъ устъ въ уста по всей области отъ Хотана — черезъ Яркендъ и Мараль-баши — до Акъ-су? Безъ всякихъ-ли основанийъ всѣ называютъ древній городъ этотъ однимъ и тѣмъ-же именемъ? Что побуждаетъ туземцевъ съ такими подробностями описывать видѣнные ими развалины домовъ, увѣрять, что прежде въ глубинѣ пустыни были большіе лѣса, гдѣ водились мускусныя кабарги и другія животныя? Одно желаніе заинтриговать чужестранцевъ?

Не думаю, чтобы всѣ рассказы были игрой случая; они должны имѣть основаніе и источникъ. За ними, гдѣ-то далеко, навѣрно, скрыта истина, служащая имъ основаніемъ, и нельзя пренебрегать ими.

Я заслушивался этихъ легендарныхъ рассказовъ, какъ ребенокъ; они придавали все большую и большую заманчивость опасному путешествію, на которое я рѣшился. Они гипнотизировали меня, я сталъ глухъ и слѣпъ ко всѣмъ опасностямъ, я былъ околдованъ духами пустыни! Даже песчаные вихри, бравшіе начало въ глубинѣ пустыни, казались мнѣ величественными, очаровательными.

Тамъ, на горизонтѣ, рисовались красивыя, мягкія формы песчаныхъ грядъ; я не уставалъ любоваться ими; за ними покоилась мертвенно-тихая невѣдомая, волшебная страна, о существованіи которой ничего не могли сказать самые древніе источники, и я хотѣлъ быть первымъ, вступившимъ въ нее.

2 марта, уладивъ всѣ дѣла, я покинулъ Мараль-баши и направился на юго-западъ въ селеніе Хамалъ (вѣтеръ), расположенный на лѣвомъ берегу Яркендъ-дарьи. Дорога шла по слегка пересѣченной мѣстности, покрытой травой, кочками и рѣдкимъ кустарникомъ. Въ Хамалѣ живутъ 30 семей, которыя воздѣлываютъ пшеницу и маисъ; орошаются поля арыками. Во время лѣтняго половодья вода затопляетъ большіе участки на берегахъ. Весенняя прибыль воды, вызываемая таяніемъ зимняго льда на рѣкѣ, также способствуетъ значительному переполненію русла, въ чемъ мы могли убѣждаться ежедневно.

3 марта. Наши скрипучіе экипажи уносили насъ все дальше и дальше вдоль лѣваго берега Яркендъ-дарьи, между чащами кустарниковъ и тростника, по тополевымъ рошицамъ,

по песку и болотамъ, ледъ на которыхъ готовился разойтись. Въ чащахъ водятся дикіе кабаны, производящіе большія опустошенія на окрестныхъ поляхъ. Чтобы защищать жатву отъ потравъ, туземцы строятъ около полей караульные шалашики, въ которыхъ и поселяются, когда подходит время жатвы.

Маралъ-башинскій амбанъ заранѣе распорядился, чтобы онъ-баша (десятники) разныхъ мѣстечекъ и городовъ встрѣчали меня на всемъ пути подобающимъ образомъ. Такъ и было. Всюду, гдѣ мы останавливались, намъ отводили помѣщеніе и снабжали всѣмъ необходимымъ.

Въ Аксакъ-маралѣ (хромой олень) 30 домовъ, обитаемыхъ по большей части долонами; они держатъ рогатый скотъ и овецъ, воздѣлываютъ пшеницу и маисъ. Зимы здѣсь холодныя, но снѣгу выпадаетъ немного; весною дуютъ сильныя вѣтры, дожди выпадаютъ вообще въ небольшомъ количествѣ и какъ разъ осенью въ пору жатвы, такъ что часто вредятъ послѣдней.

Ночью, когда въ воздухѣ тихо и холодно, атмосфера становится чище. Такъ было и сегодня. Небо было пепельно-сѣрое; вечеромъ, однако, проглянулъ мѣсяцъ; дальше-же, на горизонтѣ все казалось подернутымъ дымкой. Утромъ чистое голубое небо тоже виднѣлось лишь прямо надъ головой, а дальше переходило въ сѣрое.

4 марта. Путь шелъ по обширному болоту, по которому китайскія власти лѣтъ семь тому назадъ велѣли проложить дорогу. Матеріаломъ для гати послужили сваи, брусья, прутья и земля. Словно узкая лента вьется дорога по болоту. Мѣстами гать прерывается, и дорога идетъ по деревяннымъ мостамъ, перекинутымъ черезъ протоки, поддерживающіе сообщеніе водой. Иногда, въ іюнѣ, въ іюлѣ и въ августѣ дорогу всетаки заливаютъ, и тогда ѣдутъ черезъ Кашгаръ. Болото является, въ сущности, мелкою лагуною, и никто не запомнитъ даже, когда оно образовалось. Называется оно Чирайлыкъ-тограктасы-куль (красивое озеро съ тополими).

Слѣдующая станція Ала-айгыръ (пѣгая кобыла) — кышлакъ, обитаемый 25 семьями долоновъ. Тотъ-же климатъ, тѣ же условія жизни, что и въ предыдущихъ поселкахъ; и

здѣсь весною дуетъ сильный вѣтеръ съ востока. Вообще трактъ между Маралъ-баша и Яркендомъ очень оживленъ; здѣсь ходятъ китайская почта, караваны ословъ, скрипятъ арбы; верблюдовъ же здѣсь рѣдко увидишь.

Ала-айгыръ расположенъ въ километрѣ разстоянія отъ Яркендъ-дарьи; во время лѣтнаго половодья вода, однако, подходитъ къ самому кышлаку. Два года тому назадъ береговая линія рѣки и зимою шла подъ самымъ городомъ; съ тѣхъ поръ рѣка обнаружила уклоненіе къ востоку.

5 марта. Сегодня ѣхали 10 часовъ по крайне неудобной дорогѣ, мѣстами залитой водой; колеса арбъ глубоко вязли въ песокъ и илѣ. Миновали три селенія, а въ четвертомъ, Майнетѣ, остановились въ необычайно опрятномъ лянгарѣ (постоялый дворъ). На стѣнѣ было вывѣшено крупныхъ размѣровъ объявленіе на китайскомъ и тюркскомъ языкахъ слѣдующаго содержанія: „Я (императоръ) слышалъ, что нѣкоторые беки обложили народъ непомѣрными налогами, захватили въ свои руки рыбную ловлю, и желаю, чтобы на такія превышенія власти жаловались ближайшему дао-таю. Если-же послѣдній не внемлетъ жалобамъ, пусть народъ обратится прямо ко мнѣ. Куангъ-Тси.“

Вѣднѣй императоръ! Онъ никогда не слышалъ о кышлакѣ Майнетѣ, и мало ему нужды до рыбной ловли въ Яркендъ-дарѣ.

Въ Майнетѣ 15 домовъ. Поясъ лѣсной растительности, имѣющій здѣсь въ ширину всего нѣсколько километровъ, переходитъ затѣмъ въ пустыню. Волковъ здѣсь много, и они очень вредятъ стадамъ. Тигры въ этой области, напротивъ, повывелись вотъ уже много лѣтъ; только около Ала-айгыра держался одинъ два года тому назадъ.

6 марта. Сначала мы ѣхали нѣсколько километровъ по довольно большому тополевому лѣсу, затѣмъ выѣхали прямо на рѣку, текущую здѣсь двумя большими и нѣсколькими маленькими рукавами. Она была покрыта рыхлымъ льдомъ; только около береговъ виднѣлась открытая вода.

Лайлыкъ (грязное, глинистое мѣстечко) — цѣль сегодняшняго дня — послѣднее селеніе на этомъ трактѣ, подчиненное власти Маралъ-башинскаго амбана, и граничитъ на югѣ съ Яркендской областью. Здѣсь проживаютъ 15 долонскихъ семей. Въ рѣкѣ водится рыба; максимумъ глубины рѣки въ

половодье превышаетъ, говорятъ, человѣческой ростъ въ 4 раза. Скорость теченія также въ эту пору велика, однако „не догонитъ коннаго“. Конному нужно всего 4 дня, чтобы добраться отсюда до Мараль-баши, а теченію цѣлыхъ 10.

7 марта. Лайлыкъ сталъ съ нѣкотораго времени нашею главною квартирою, такъ какъ намъ предстояло сдѣлать разныя приготовленія къ предстоявшему путешествію по пустынѣ. Главною нашею заботою было обезпечить себѣ верблюдовъ. Кашгарскіе купцы надули насъ, увѣряя, что въ Мараль-баши легче всего найти хорошихъ верблюдовъ, — мы во всемъ городѣ едва-ли видѣли одного верблюда. Оставалось попытаться добыть верблюдовъ въ Кашгарѣ, что я и поручилъ Магометъ-Якубу, котораго все равно надо было послать въ Кашгаръ отвезти мои письма и привезти оттуда корреспонденцію на мое имя. Въ Яркендѣ верблюдъ средняго достоинства стоилъ объ эту пору 500 тенегъ, а въ Кашгарѣ 400. Якубъ повезъ письма консулу и аксакалу консульства съ просьбой помочь въ закупкѣ нужныхъ мнѣ верблюдовъ. Черезъ 10 дней Якубъ долженъ былъ вернуться обратно въ Лайлыкъ съ 8 верблюдами и 2 людьми.

Наши возницы съ арбами были отпущены, получивъ за провозъ 200 тенегъ. Они собирались въ Яркендъ, искать заработковъ, и хотѣли по пути нагрузить въ послѣднемъ лѣсномъ участкѣ свои арбы топливомъ. Въ Яркендѣ вязанка топлива, которая составляетъ обычный вьюкъ осла, стоитъ 3 теньги, а въ арбу входитъ 10 такихъ вязанокъ, такъ что каждый возница рассчитывалъ заработать по 60 тенегъ.

Исламъ-баю я поручилъ съѣздить въ Яркендъ закупить разныхъ нужныхъ предметовъ: желѣзныхъ резервуаровъ для воды, хлѣба, рису, веревокъ, разныхъ инструментовъ, какъ напримеръ кирокъ, топоровъ, затѣмъ кунжутнаго масла, и кунжутныхъ отжимокъ. Масло это идетъ на кормъ верблюдамъ въ пустынѣ. Если давать верблуду въ день по $\frac{1}{2}$ литра масла, онъ мѣсяцъ можетъ обходиться безъ другой пищи. Но еще лучше, разумѣется, если по пути найдется подножный кормъ, на которомъ животныя могли-бы немного подкрѣпиться. Кромѣ того, именно въ мартѣ и въ апрѣлѣ верблюды неохотно идутъ безъ воды долѣе трехъ дней; зимою-же, да по ровной мѣстности, идутъ и шесть и семь дней, если нужно.

Свиту мою, такимъ образомъ, словно вѣтромъ развѣяло; остался одинъ миссіонеръ Іоганнъ.

8 марта я отправился лѣскомъ къ рѣкѣ, чтобы произвести кое-какія наблюденія. Тутъ устроена переправа на паромѣ; отталкиваясь шестами, переправляются на другой берегъ въ 70 секундъ. Поднимаетъ паромъ 7 лошадей, 60 ословъ и 20 человѣкъ.

Берега не похожи одинъ на другой. Лѣвый отлогій, ровный, голый, изобилуетъ песчаными отмелями; правый крутой, размытый теченіемъ, богатъ лѣсною растительностью; корни тополей и тамариска высовываются изъ тонкаго аллювіальнаго матеріала. Рѣка сильно размываетъ и напираетъ на правый берегъ. Водная масса, впрочемъ, дѣлаетъ безпрестанно изгибы и повороты, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильнѣе размытъ лѣвый берегъ, но въ общемъ все-же меньше праваго.

Поясъ лѣсной растительности на правомъ берегу приподнятъ надъ водой на 1.84 м. и все-таки вода затопляетъ его въ іюлѣ. Ширина рѣки доходитъ до 61.4 м., максимальная глубина до 1.9 м., скорость теченія до 80.6 сантим. въ сек., а притокъ воды равняется 86.6 куб. метр. въ сек., что является крайне незначительнымъ количествомъ въ сравненіи съ той массой воды, которая несется въ Лобъ-норъ лѣтомъ. Температура равнялась 8.3°; льду не было видно, и вода была прозрачна всего до глубины 5 сант.

XX.

Паломничество.

9 марта. Желая съ пользой употребить время, пока мои люди были въ отсутствіи, я рѣшилъ предпринять съ опытнымъ проводникомъ экскурсію на мазаръ Урданъ-Падишахъ, находящійся въ песчаной пустынѣ въ двухъ дняхъ пути на западъ отъ Лайлыка.

Въ 8 ч. мы сѣли на лошадей и рысью пустились на WNW, сначала по лѣсу, который мало по малу рѣдѣлъ и смѣнился кустарникомъ, затѣмъ по степи, которая въ свою очередь не-

решла въ песчаную пустыню. Песокъ здѣсь, однако, еще не глубокъ, барханы незначительной высоты; крутые склоны ихъ обращены на западъ, что указываетъ на господство здѣсь въ это время года восточныхъ вѣтровъ.

Было очень интересно проѣхать по тракту, на который еще не ступала нога европейца. Оставивъ большое селеніе Моголь (монголь) вправо, мы сдѣлали привалъ въ Таримъ; мѣстный бекъ предоставилъ въ наше распоряженіе свое жилище. Мѣста намъ, впрочемъ, не много было надо, такъ какъ мы взяли съ собою въ путь лишь самое необходимое да пару лошадей. Селенія Таримъ и Моголь имѣютъ каждое по 200 дворовъ; управляются бекомъ и 8 онъ-баши; кромѣ того въ одномъ изъ нихъ проживаетъ китайскій сборщикъ податей. „Таримъ“ означаетъ „пашня“, т. е. воздѣланное мѣсто, и жители говорятъ, что въ былыя времена мѣстность эта дѣйствительно славилась богатыми жатвами и обильнымъ орошеніемъ. Сюда со всѣхъ сторонъ стекались люди для закупки зерна. Измѣненіе этихъ условій, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ измѣненіемъ теченія рѣки. Нынѣ мѣстность орошается большимъ арыкомъ „Ханъ-арыкъ“, который, словно артерія, несетъ живительную влагу изъ рѣки Гезъ и, оросивъ селенія Тазгунъ и Ханъ-арыкъ, простираетъ концы своихъ отпрысковъ сюда.

Притокъ воды, однако, недостаточенъ, неравномеренъ и непостояненъ, что часто и вызываетъ недородъ. Китайскія власти строго соблюдаютъ правила относительно пользованія Ханъ-арыкомъ, и каждому селенію предоставляется отводить изъ него воду лишь во время извѣстнаго срока. Таримъ уже пользовался своимъ правомъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ; черезъ 12 дней воду должны были запрудить, и жителямъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ предстояло обходиться водою изъ колодезь. Въ концѣ-же лѣта имъ опять на 34 дня предоставлялось получить свою долю живительной влаги.

10 марта въ 8 часовъ утра мы покинули Таримъ и направились дальше къ западу, по степи, пустырямъ или болотамъ. Я открылъ здѣсь четыре большихъ высохшихъ русла въ 80—100 метр. ширины каждое; направленіе ихъ было NNO. Это могли быть только прежнія русла Яркендъ-дарьи.

Бай-ханъ-куль (озеро богатаго хана) мелководно, содер-

житъ соленую воду и имѣетъ тонкіе, поросшіе камышемъ берега; мы то и дѣло увязали здѣсь съ лошадьми. Сюда достигаешь вода изъ арыковъ Янги-гиссара. Зимой озеро, покрытое льдомъ, имѣетъ наибольшіе размѣры, тогда какъ лѣтомъ почти пересыхаетъ.

На тракѣ Кызыль-джи мы переѣхали по мосту еще черезъ одинъ рукавъ Янги-гиссарскихъ арыковъ. По близости находится могила святого, называемая Кызыль-джи-ханымъ. Названіе это возбуждаетъ интересъ, такъ какъ встрѣчается у Эдризъ*. Около того мѣста, гдѣ собственно начинается песчаная пустыня, и барханы имѣютъ уже около 8 метр. высоты, находится незначительное селеніе Лянгаръ. Здѣсь проживаетъ во время большихъ годовыхъ праздниковъ дервишъ, который беретъ подъ свой присмотръ лошадей пилигримовъ. Кромѣ того онъ продаетъ путникамъ маисъ и доставляетъ топливо на могилу Урдана.

Отсюда барханы идутъ уже непрерывными грядами, вытянутыми въ направленіи SSW — NNO. Намъ надо было на SSW, поэтому мы часто пользовались промежутками между ними, гдѣ была обнажена твердая глинистая почва.

Въ часъ пути отъ мазара мы обогнали партію въ 45 пилигримовъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, шедшихъ изъ Лянгара на поклоненіе святынѣ. Пятнадцать мужчинъ несли „туги“ — длинные шести съ разноцвѣтными и бѣлыми лоскутками въ видѣ знаменъ. Во главѣ ѣхалъ музыкантъ, игравшій на флейтѣ, а по сторонамъ его шли два барабанщика, изо всѣхъ силъ колотившіе по своимъ инструментамъ. Время отъ времени, всѣ пилигримы разомъ восклицали во все горло: „Алла!“ Дойдя затѣмъ до мѣста, они съ тѣми-же дикими возгласами: „Алла!“ поклонились шейху, а несшіе „туги“ столпились около самаго мазара и стали исполнять религиозный танецъ. Въ сумерки мы добрались до „ханка“ (домъ молитвы). Тутъ же находилось селеніе, обитаемое 25 семействами, большинство изъ которыхъ, однако, проживаетъ здѣсь лишь временно; только четыре семьи живутъ здѣсь круглый годъ для присмотра за могилой. Главный шейхъ, въ вѣдѣніи котораго находится также могила Хазретъ Бегамъ, былъ въ настоящее время

*) Арабскій географъ XII вѣка.

въ Янги-гиссарѣ. Такъ какъ онъ долженъ постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, то въ каждомъ пунктѣ и имѣеть по женѣ.

Одинъ изъ постоянныхъ здѣшнихъ жителей говорилъ мнѣ, что за зиму на могилѣ перебивается 10,000 — 12,000 пилигримовъ, лѣтомъ-же только тысячъ 5, что объясняется лѣтними жарами и недостаткомъ воды. Пилигримы, пришедшіе съ нами изъ Лянгара, принесли пару мѣшковъ маиса, который и былъ высыпанъ въ большой котелъ, находящійся въ особомъ помѣщеніи при молельнѣ. Маисъ пошелъ затѣмъ на обѣдъ сторожамъ и пилигримамъ, но самый актъ этого жертвоприношенія долженъ былъ обезпечить пилигримамъ урожайный годъ.

Въ селеніи 8 домовъ, расположенныхъ двумя рядами; между ними пролегаетъ по направленію съ востока на западъ улица. Къ сѣверу выглядываютъ еще нѣсколько домовъ изъ бархановъ, которые угрожаютъ и самому селенію.

Мнѣ отвели необычайно уютную комнатку въ верхнемъ этажѣ страннопріимнаго дома. Въ комнатѣ было окно съ деревянной рѣшеткой, изъ котораго открывался видъ на югъ, на песчаное море. Всю ночь на улицѣ шла невѣроятная суетня и шумъ. Пилигримы расхаживали въ торжественной процессіи взадъ и впередъ, играли на флейтахъ, распѣвали, били въ барабаны и размахивали руками. Шумъ, впрочемъ, мало беспокоилъ меня. Я спалъ хорошо и только утромъ меня разбудилъ бѣшеный песчаный вихрь, влетѣвшій ко мнѣ сквозь рѣшетку окна и закрутившійся по комнатѣ.

11 марта посвящено было ближайшему ознакомленію съ этимъ оригинальнымъ пунктомъ паломничества, который былъ посѣщенъ лишь однажды майоромъ Белью (въ апрѣлѣ, 1874 г.). Онъ прибылъ сюда съ запада, я съ востока, и такимъ образомъ наши изслѣдованія взаимно дополняютъ одно другое.

Кромѣ главнаго шейха постоянный персоналъ священнаго мѣста составляютъ имамъ, мутеваллій и двадцать супп, или слугъ. Содержатся они исключительно на счетъ пилигримовъ. Последніе жертвуютъ по мѣрѣ силъ и средствъ: лошадей, овецъ, коровъ, куръ, яйца, хлѣбъ, плоды, халаты и другія полезныя вещи. Всѣ пожертвованія, исключая живот-

ныхъ, кладутся въ самый большой жертвенный котелъ, называемый Алтынъ-дашъ, или „Золотой камень“.

Всѣхъ-же жертвенныхъ котловъ 5; они вмазаны въ глиняный шестокъ въ „Казанъ-хана“ или „Котельномъ домѣ“. Алтынъ-дашъ изъ бронзы и имѣеть полметра въ діаметрѣ. Говорятъ, что онъ сохраняется со временъ самого Урдана-Падишаха. Затѣмъ идетъ красивый мѣдный котелъ, 1 метра въ діаметрѣ, пожертвованный на могилу Якубъ-бекомъ, который самъ являлся сюда на поклоненіе три раза. Остальные котлы поменьше и разной величины.

При значительномъ стеченіи пилигримовъ „ашъ“ или „палау“ (рисовая каша) варится заразъ для всѣхъ въ самомъ большомъ изъ котловъ. При меньшемъ стеченіи народу, кушанье варится въ котлахъ поменьше, глядя по числу ртовъ. Котельный домъ выстроенъ два года тому назадъ; старый-же наполовину засыпанъ пескомъ надвинувшагося бархана, серповидный рогъ котораго находится всего въ 4 метрахъ отъ новаго дома и грозитъ и ему. Вѣтры, обуславливающіе направленіе бархановъ, дуютъ съ сѣверо-запада.

На навѣтренной сторонѣ ближайшаго бархана, изъ песку выглядываетъ до половины могильный холмъ съ тугами. Говорятъ, что холмъ этотъ существуетъ 710 лѣтъ и скрываетъ прахъ шаха Якубъ-шейха. Судя по тому направленію, по которому движутся барханы, могила скоро должна выступить изъ подъ нихъ совсѣмъ. Барханы имѣютъ въ ширину самое большее 120 метр., а въ высоту 5 м., и такимъ образомъ превышаютъ кровли всѣхъ домовъ въ мѣстечкѣ. Промежутокъ между подвѣтренной стороною этого бархана и юговосточнымъ сосѣдомъ равняется 155 метр. Промежутокъ этотъ представляетъ полосу глины, свободной отъ песку; на ней и возведенъ небольшой поселокъ. Въ сильную бурю песокъ переносится надъ нимъ съ одной гряды бархановъ на другую. Ханка или домъ молитвы заключаетъ залъ для молитвы съ обращенной на востокъ галлереей о шестнадцати колоннахъ. Около сѣверной окраины селенія бьетъ прѣсный ключъ Джевадъ-ханымъ, образующій довольно чистый водоемъ, обнесенный деревянною загородкой. Разъ въ годъ водоемъ очищается отъ песку. Ключъ бьетъ слабой струею, и при большомъ стеченіи народа въ праздники воды не хватаетъ; приходится прибѣгать къ находяще-

муса въ десяти минутахъ ходьбы дальше солонатовому источнику Чешме (персидское слово, обозначающее источникъ).

Въ двадцати минутахъ дальше на сѣверо-западъ возвышается самый мазаръ, высокое, оригинальное сооруженіе. Это въ сущности частоколъ изъ нѣсколькихъ тысячъ „туговъ“ съ флагами, имѣющій форму Эйфелевой башни и стремящійся къ небу. Видно его издалека, такъ какъ онъ стоитъ на гребнѣ песчаного холма, въ 12 метр. высоты. Холмъ этотъ попытались закрѣпить, натыкавъ въ песокъ вокругъ мазара вязанокъ камыша; попытка эта удалась лишь до нѣкоторой степени, такъ какъ та часть холма, на которой находится мазаръ, образуетъ на сѣверо-западѣ, т. е. съ навѣтренной стороны, выступъ, которому, теперь угрожаетъ ближайшій сосѣдній барханъ.

Песчаный вихрь все продолжался, и тысячи флаговъ на „тугахъ“ развѣвались и хлопали такъ, что трескъ стоялъ. Туги приносятся сюда пилигримами, и частоколъ все растетъ, да растетъ. Чтобы его не повывергало вѣтромъ, онъ закрѣпленъ поперечными перекладинами. Частоколъ изъ тугъ поменьше образуетъ вокругъ могилы наружную четырехугольную ограду, высотой въ 30 метровъ.

Имамъ сообщилъ, что Урданъ-Падишахъ, настоящее имя котораго султанъ Али-Арсланъ-ханъ, воевалъ 800 лѣтъ тому назадъ съ народомъ Тогда-рашидъ-Нокта-рашидъ, желая обратить его въ исламъ. Въ самый разгаръ битвы „кара-буранъ“ или черный песчаный ураганъ похоронилъ его и все его войско. Въ исторіи восточно-туркестанскихъ сказочныхъ героевъ Урданъ и донинѣ играетъ большую роль.

Вечеромъ мы отправились черезъ селенія Достъ-булакъ (источникъ друга), Хорасанъ и Псэнь прямо на сѣверъ въ Ачикъ (горькій). Тамошній юзъ-баши принялъ насъ очень ласково и сообщилъ мнѣ много свѣдѣній относительно климата и дорогъ.

12 марта. До Тарима оставалось ѣхать 8 часовъ. Мы сѣли на коней рано утромъ и двинулись, несмотря на сильный сѣверо-западный вѣтеръ. Мѣстность между этими двумя селеніями носитъ степной характеръ. Тамъ и сямъ попадаются густыя заросли тамариска, репейника и травяныя кочки; послѣднія, высохнувъ вырываются часто вѣтромъ, скатываются имъ въ шары, и въ такомъ видѣ носятся по землѣ.

Верхній, почвенный слой представляетъ тонкій сухой подвижный матеріалъ; вѣтеръ подымаетъ его и гонитъ, какъ дымъ. Часто приходилось также ѣхать по топи, образованной застоявшимися арычными водами, а иногда и дѣлать объѣзды, чтобы не завязнуть въ болотѣ. Нѣсколько разъ сбивались съ пути, но опять выбирались на дорогу, благодаря указаніямъ пастуховъ, пасшихъ овецъ и козъ.

Солнце такъ и не показывалось; небо было желто-огненного цвѣта, переходившаго мѣстами въ пепельный. Миновавъ поселокъ Кѣттекликъ (мертвый лѣсъ), мы, наконецъ, достигли Тарима; какъ мы, такъ и лошади наши, были совершенно сѣры отъ насѣвшей на насъ пыли.

13 марта. Буря все продолжается, но вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, перешелъ сначала въ сѣверный, потомъ въ сѣверо-восточный. Это былъ, слѣдовательно, трехдневный, такъ называемый сарыкъ-буранъ (желтый вихрь), завлакивающій небо желтой мглой.

Изъ Тарима мы направились къ юго-востоку въ селеніе Терекъ-лянгаръ (тополевыи заѣзжій дворъ) на Яркендъ-дарьѣ. Пришлось ѣхать рысью девять часовъ по „ала-куму“, т. е. по мѣстности, гдѣ степные участки перемежаются песчаными. Неподалеку отъ рѣки, мы переѣхали по мосту черезъ большой Ханды-арыкъ, выведенный изъ Яркендъ-дарьи въ одномъ дневномъ переходѣ отсюда и снабжающій водой много селеній. Девять лѣтъ назадъ онъ былъ исправленъ по приказанію китайскихъ властей; говорятъ, надъ нимъ работало одиннадцать тысячъ человѣкъ.

Сооруженіе этого гигантскаго канала, вѣроятно, было значительно облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ проложенъ по одному изъ прежнихъ руселъ Яркендъ-дарьи. Между арыкомъ и рѣкой ясно видно нѣсколько старыхъ береговыхъ линій, и здѣшніе жители увѣряли меня, что рѣка прежде текла подлѣ самого города, находящагося теперь въ разстояніи трехъ километровъ отъ нея. Они, впрочемъ, очень довольны такимъ капризомъ рѣки, такъ какъ могутъ расширить свои поля за счетъ аллювіальныхъ рѣчныхъ наносовъ.

14 марта песчаный буранъ стихъ немного, такъ какъ вѣтеръ перешелъ въ восточный. Я часто замѣчалъ, что бураны начинаются съ запада, затѣмъ завертываютъ черезъ сѣ-

веръ къ востоку. Мы повернули на сѣверо-востокъ, къ Лайлыку и долго ѣхали вдоль рѣки по самому берегу, который мѣстами сильно размытъ, возвышается отвѣсной стѣной, имѣющей высоту до 4 метр. и обнаруживающей горизонтальные слои тонкаго желтаго матеріала — пыли, песку и аллювія, закрѣпленные безчисленными корнями растений, свѣшивающихся иногда въ самую воду.

Первая половина пути лежала черезъ цѣлый рядъ селеній. Затѣмъ, мѣстность приняла пустынный характеръ, сохранившійся до самаго

Дервишъ изъ Восточнаго Туркестана.
(Съ рисунка автора).

лѣса около Лайлыка, куда мы прибыли тотчасъ послѣ полудня и нашли все въ наилучшемъ порядкѣ подлѣ присмотромъ Иоганна.

15 марта. Настало время долгаго испытывающаго терпѣніе ожиданія. День проходилъ за днемъ, а о верблюдахъ не было ни слуха, ни духа. Я могъ-бы совершенно обойти эти 25 дней молчаніемъ, но нахожу въ своемъ дневникѣ нѣсколько записей, не лишенныхъ интереса.

Пользуясь временемъ, мы собирали всевозможныя свѣдѣнія о пустынѣ, находящейся на востокъ.

И вотъ, однажды, намъ рассказали о двухъ жителяхъ селенія Янтакъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ отправились по правому берегу рѣки прямо на востокъ, захвативъ съ собою продовольствія на 12 дней. На третій день они пришли къ очень глубокому, каменистому рѣчному ложу, черезъ которое былъ перекинутъ полуразрушившійся деревянный мостъ. Переходъ по мосту былъ невозможенъ, и они сперва порѣшили идти вверхъ по руслу, но, не найдя въ этомъ направле- нии воды, повернули и пошли внизъ по руслу; по пути они

видѣли много залежей нефрита и черезъ семь дней тяжелаго пути добрались до кряжа Мазаръ-тага, гдѣ ростъ камышъ и можно было дорыться до грунтовой воды.

Въ легендахъ живетъ еще одинъ таинственный городъ Шаръ-и-катакъ, или по просту Ктакъ, также волнующій фантазію мѣстныхъ жителей. Мѣстоположеніе его указывается различно. Въ Лайлыкѣ утверждали, что онъ лежитъ въ разстояніи 5 потаевъ (потаи — собственно путевые знаки, отстоящіе другъ отъ друга приблизительно на 4 версты) на западъ отъ селенія, и что одинъ человекъ много лѣтъ тому назадъ видѣлъ тамъ его развалины; съ тѣхъ-же поръ, сколько его ни искали, все тщетно. По рассказамъ лайлыкскихъ жителей только одинъ Аллахъ можетъ указать путь къ этому городу; иначе его не найти и во вѣки вѣковъ.

Затѣмъ, мнѣ сообщили, что какъ разъ на этихъ дняхъ намѣревалась выступить изъ Яркенда въ пустыню партія изъ 12 человекъ на поиски золота. Для такихъ экскурсій вообще выбираютъ весеннее время, полагая, что весенніе песчаные вихри обнажаютъ золото. Мѣсяць тому назадъ, отправился туда еще одинъ человекъ, но до сихъ поръ не вернулся. Въ Яркендѣ рассказываютъ, что путники время отъ времени слышатъ въ пустынѣ голоса, зовущіе ихъ по имени, но стоять пойти на такой голосъ, чтобы заблудиться и погибнуть отъ жажды.

Интересно сравнить эти рассказы съ тѣмъ, что говоритъ о великой пустынѣ Лобъ венеціанецъ Марко Поло. „Объ этой пустынѣ рассказываютъ диковинныя вещи, напр., что, если кому изъ путниковъ случится ночью отстать или заснуть и т. п., то, догоняя затѣмъ товарищей, онъ слышитъ голоса духовъ, разговаривающихъ голосами его товарищей. Иногда духи называютъ его по имени, и путникъ, сбитый ими съ толку, часто совсѣмъ теряетъ слѣды товарищей. Такимъ образомъ погибаютъ многіе“.

Вернулся изъ Яркенда Исламъ-бай и привезъ четыре челека (железные водохранилища), шесть бурдюковъ, масла и кунжутныхъ отжимокъ для верблюдовъ, керосина, хлѣба, талкана (поджаренная мука), гомана (макаронны), меда, мѣшковъ, лопатъ, кирокъ, кнутовъ, уздечекъ, посуду — все въ надлежащемъ количествѣ.

18 марта. Я имѣлъ за это время достаточно случаевъ убѣдиться въ зависимости инсоляціи отъ большей или меньшей насыщенности атмосферы пылью. Такъ, когда воздухъ былъ почти чистъ, инсоляція доходила до 46° , а послѣ сильнаго песчанаго бурана понизилась до 20.6° (16 марта), затѣмъ воздухъ мало-по-малу снова прочистился, и 17 марта инсоляція дошла уже до 27.6° , а на слѣдующій день до 36.6° .

Въ то же время минимальный термометръ понижается за ночь послѣ прекращенія бурана и проясненія атмосферы. До бурана минимальный термометръ показывалъ напр. -6° , послѣдній день бурана обнаружилъ повышение -0.4° , а по прекращеніи упалъ опять до -2° , а затѣмъ до -3.5° . Иными словами, лучеиспусканіе увеличивается по мѣрѣ того, какъ пыль осѣдаетъ на землю или уносится вѣтромъ. Точно такъ же температура воздуха въ полдень въ тѣни обнаруживаетъ повышение, соотвѣтственно проясненію атмосферы. Такъ 16, 17 и 18 марта она съ 5.4° поднялась до 7.4° и до 11° . Атмосферная пыль оказываетъ, слѣдовательно, значительное вліяніе на показаніе метеорологическихъ приборовъ.

19 марта мы собрались въ большое селеніе Меркетъ на правомъ берегу Яркендъ-дарьи, откуда предполагали выступить съ караваномъ въ пустыню. Утромъ и явилась цѣлая толпа жителей Меркета, чтобы проводить насъ въ свое селеніе. Самъ бекъ Магометъ-Ніазъ явился съ дарами — курицей, яйцами и дастарханомъ. Это былъ высокій человѣкъ, съ жиденькой бѣлой бородой и строгимъ энергичнымъ взглядомъ. Для перевозки нашего багажа были взяты вьючные лошади, и, щедро расплатившись и деньгами и подарками съ Лайлыкскимъ онъ-баши и его славной женой, которые оба оказывали мнѣ всякое вниманіе во время моего пребыванія въ ихъ гостепріимномъ домѣ, мы направились къ парому, который и перевезъ насъ съ нашей многочисленной свитой и багажомъ въ четыре приѣма.

На югѣ таяніе льда явно прекратилось, такъ какъ уровень воды въ рѣкѣ понизился съ 8 марта на 28 сант. и продолжалъ понижаться.

Черезъ четверть часа ѣзды въ юговосточномъ направле-

ніи, мы миновали селеніе Ангытлыкъ, орошаемое восточнымъ рукавомъ Яркендъ-дарьи. Черезъ часъ мы были въ селеніи Чамгырлыкъ, а еще черезъ три четверти часа прибыли въ Меркетъ. Мѣстный бекъ предоставилъ въ наше распоряженіе свой домъ, и мы расположились по домашнему въ большомъ, удобномъ, устланномъ коврами покоѣ съ нишами въ стѣнахъ.

Меркетъ вмѣстѣ съ окрестными кышлаками насчитываетъ тысячу дворовъ; 260 изъ нихъ расположены вблизи базара. Въ селеніи Янтакъ, лежащемъ неподалеку, 300 дворовъ. Вмѣстѣ съ Ангытлыкомъ и Чамгырлыкомъ Янтакъ составляетъ бекство, тогда какъ Меркетъ имѣетъ своего отдѣльнаго бека.

Въ Меркетѣ живутъ два сборщика податей, десять китайскихъ купцовъ и четыре индусскихъ ростовщика изъ Шикарпура. Область эта плодородна; здѣсь хорошо родятся пшеница, маисъ, овесъ, бобы, рѣпа, огурцы, дыни, свекла, виноградъ, абрикосы, персики, тутовья ягоды, яблоки, груши и хлопокъ. Въ урожайные годы большое количество зерна всякаго рода вывозится въ Кашгаръ и Яркендъ, зато въ неурожайный приходится привозить хлѣбъ изъ Яркенда.

Меркетъ, хотя и лежитъ такъ близко отъ Яркендъ-дарьи, не пользуется для орошенія своихъ полей и капель воды изъ нея, получая всю нужную влагу изъ рѣки Тызнапа, текущей параллельно Яркендъ-дарьѣ. Когда притокъ воды незначителенъ, рѣка эта доходитъ только до Янтака, въ другое-же время она течетъ далеко на сѣверъ и образуетъ два небольшихъ озера, которыя лишь въ половодье наполняются водой. По правому берегу тянется полоса лѣса шириною самое большее въ 20 килом.

Зимы здѣсь холодныя и малоснѣжныя; снѣгъ быстро таетъ; лѣто бываетъ очень жаркое. Дожди выпадаютъ равномерно въ теплое время года и иногда размываютъ плоскія крыши домовъ. Сѣверо-восточный вѣтеръ обычное явленіе. Бури длятся отъ двухъ до четырехъ дней и всегда сопровождаются пыльными туманами и осадками, которые покрываютъ растительность словно сѣро-желтымъ пухомъ.

Замѣчательно, что Меркета до сихъ поръ никогда не посѣщалъ ни одинъ европеецъ. Самое названіе его впервые

встрѣчается въ описаніи путешествія генерала Пѣвцова*) (онъ пишетъ „Мекетъ“), который, однако, не могъ пробраться туда по случаю высокой воды. Китайцамъ-же это мѣсто давно извѣстно; оно упоминается въ изданномъ въ 1823 г. трудѣ „Сию-шуй-дао-ци, подѣ именемъ Май-ге-те. По китайской транскрипціи Янтакъ (или Янтакыкъ) становится Янъ-ва-ли-ке, а Тызнапъ — Тигъ-ца-бу. Авторъ китайскаго труда сообщаетъ, что рѣка эта (Тызнапъ) соединяется съ Яркендъ-дарьей. Такъ оно и должно было-бы быть, если-бы воды ея не отводились арыками и не терялись въ маленькихъ озерахъ. 80 же лѣтъ тому назадъ описаніе китайцевъ и могло соответство-вать истинѣ.

И тутъ есть золотоискатели. Одинъ человѣкъ рассказывалъ, что онъ вмѣстѣ съ другими цѣлыхъ 20 дней бродилъ пескамъ. Они взяли съ собой провизіи и воды на ослахъ. Послѣ по семи дней пути на ОНО по мощнымъ дюнамъ, они достигли обширнаго кряжа. Кое-гдѣ они видѣли кусты тамариска и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могли докопаться до воды. Человѣкъ этотъ, какъ и многіе другіе, каждый годъ отправлялся въ пустыню попытать счастья, но пока еще не находилъ ничего. Тутъ называли пустыню „Такла-маканъ“ и полагали, что съ хорошими, сильными верблюдами мы навѣрно пройдемъ ее поперекъ до Хотанъ-дарьи.

Вечеромъ у насъ былъ общій пріемъ. Бекъ Нязъ и онъ-баши изъ Ангитлыка, Тогда-ходжа, подарили намъ по барану, а индусы щедро снабдили насъ картофелемъ и масломъ, особенно желанными для насъ продуктами. Кромѣ того насъ угостили музыкой, меланхолическими звуками цитры и „калына“ (родъ гусель).

20 марта. Тогда-ходжа, славный почтенный человѣкъ, навѣщалъ меня очень часто и засиживался въ бесѣдѣ со мной цѣлыми часами. Когда я, все не слыша ничего о верблюдахъ, начиналъ терять терпѣніе, онъ успокаивалъ меня, повторяя самымъ спокойнымъ и убѣжденнымъ тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій: „келхеды, келхеды“ (придутъ, придутъ). Но они все не приходили, а дорогое время уходило. Я съ горечью предчувствовалъ, что мы такимъ образомъ сами накликаемъ бѣду на свои головы, такъ какъ весна все болѣе

*) „Труды Тибетской Экспедиціи“, изд. Русскаго Географическаго Общества, т. I, стр. 77.

и болѣе вступала въ свои права, а въ жаркое время пустыня становится раскаленной печью.

Тогда-ходжа снабжалъ меня тѣмъ временемъ цѣнными свѣдѣніями. Такъ однажды онъ сообщилъ мнѣ, что жители Меркета долоны и, какъ по языку, такъ и по типу, тѣ-же кашгарцы; лишь нѣкоторыя слова у нихъ различны. Но зато Тогда-ходжа находилъ, что жители Меркета очень непохожи на своихъ сосѣдей правомъ. Они жестоки, холодны и такъ злопамятны, что какаянибудь пустячная ссора вырастаетъ съ годами въ настоящую вражду.

Религіозныя постановленія ислама соблюдаются строго. Такъ одинъ человѣкъ въ послѣдній базарный день, пришедшійся въ серединѣ поста, поѣлъ до захода солнца. Его тотчасъ же арестовали, наказали палками и, затѣмъ, со связанными руками, на веревкѣ провели по всему базару, чтобы всѣ могли смѣяться и глумиться надъ нимъ вдоволь. На каждомъ углу базара ему предлагали вопросы: Ты ѣлъ? — Да! — А ты будешь еще такъ дѣлать? — Никогда! — Иногда такому грѣшнику еще вымазываютъ сажей все лицо, прежде чѣмъ вести его по улицамъ.

21 марта я посѣтилъ базаръ. Онъ очень обширенъ, каждому товару отведено свое мѣсто. Разъ въ недѣлю, въ базарный день, прилавки и лотки съ товарами выносятъ изъ домовъ и разставляютъ на площадяхъ передъ ними. На площадкахъ сидятъ также массы женщинъ и шьютъ. Женщины ходятъ здѣсь безъ покрывалъ, обыкновенно съ непокрытыми головами, и носятъ свои длинные густые черные волосы заплетенными въ двѣ косы; иногда надѣваютъ также маленькія круглыя шапочки. Особенно любимое занятіе ихъ — искать другъ у друга въ головѣ, и часто видишь, какъ то одна, то другая уткнется головой въ колѣни товарки.

Около самого города тянется съ SSW на NNO барханъ, высотой отъ 8 до 10 метр., такой правильной формы, точно искусственная насыпь. Съ вершины его, гдѣ возвышается мазаръ Чимъ-дере, открывается великолѣпный видъ на весь городъ, на его покрытые плоскими кровлями дома, обнесенные небольшими четырехугольными дворами.

22 марта, наконецъ, вернулся изъ Кашгара Магометъ-Якубъ съ объемистой почтой, но безъ верблюдовъ. Итакъ,

встрѣчается въ описаніи путешествія генерала Пѣвцова*) (онъ пишетъ „Мекеть“), который, однако, не могъ пробраться туда по случаю высокой воды. Китайцамъ-же это мѣсто давно извѣстно; оно упоминается въ изданномъ въ 1823 г. трудѣ „Синь-шуй-дао-цзи, подъ именемъ Май-ге-те. По китайской транскрипціи Янтакъ (или Янтаклькъ) становится Янъ-ва-ли-ке, а Тызнапъ — Тинъ-ца-бу. Авторъ китайскаго труда сообщаетъ, что рѣка эта (Тызнапъ) соединяется съ Яркендъ-дарьей. Такъ оно и должно было-бы быть, если-бы воды ея не отводились арыками и не терялись въ маленькихъ озерахъ. 80 же лѣтъ тому назадъ описаніе китайцевъ и могло соответствовать истинѣ.

И тутъ есть золотоискатели. Одинъ человѣкъ рассказывалъ, что онъ вмѣстѣ съ другими цѣлыхъ 20 дней бродилъ пескамъ. Они взяли съ собой провизіи и воды на ослахъ. Послѣ по семи дней пути на ОНО по мощнымъ дюнамъ, они достигли обширнаго края. Кое-гдѣ они видѣли кусты тамариска и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могли докопаться до воды. Человѣкъ этотъ, какъ и многіе другіе, каждый годъ отправлялся въ пустыню попытать счастья, но пока еще не находилъ ничего. Тутъ называли пустыню „Такла-маканъ“ и полагали, что съ хорошими, сильными верблюдами мы навѣрно пройдемъ ее поперекъ до Хотанъ-дарьи.

Вечеромъ у насъ былъ общій пріемъ. Бекъ Ніазъ и онъ-баши изъ Ангытлыка, Тогда-ходжа, подарили намъ по барану, а индусы щедро снабдили насъ картофелемъ и масломъ, особенно желанными для насъ продуктами. Кромѣ того насъ угостили музыкой, меланхолическими звуками цитры и „калына“ (родъ гусель).

20 марта. Тогда-ходжа, славный почтенный человѣкъ, навѣщалъ меня очень часто и засиживался въ бесѣдѣ со мной цѣлыми часами. Когда я, все не слыша ничего о верблюдахъ, начиналъ терять терпѣніе, онъ успокаивалъ меня, повторяя самымъ спокойнымъ и убѣжденнымъ тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій: „келхеды, келхеды“ (придутъ, придутъ). Но они все не приходили, а дорогое время уходило. Я съ горечью предчувствовалъ, что мы такимъ образомъ сами накликаемъ бѣду на свои головы, такъ какъ весна все болѣе

*) „Труды Тибетской Экспедиціи“, изд. Русскаго Географическаго Общества, т. I, стр. 77.

и болѣе вступала въ свои права, а въ жаркое время пустыня становится раскаленной печью.

Тогда-ходжа снабжалъ меня тѣмъ временемъ цѣнными свѣдѣніями. Такъ однажды онъ сообщилъ мнѣ, что жители Меркета долоны и, какъ по языку, такъ и по типу, тѣ-же кашгарцы; лишь нѣкоторыя слова у нихъ различны. Но зато Тогда-ходжа находилъ, что жители Меркета очень непохожи на своихъ сосѣдей нравомъ. Они жестоки, холодны и такъ злопамятны, что какаянибудь пустячная ссора вырастаетъ съ годами въ настоящую вражду.

Религіозныя постановленія ислама соблюдаются строго. Такъ одинъ человѣкъ въ послѣдній базарный день, пришедшій въ серединѣ поста, поѣлъ до захода солнца. Его тотчасъ же арестовали, наказали палками и, затѣмъ, со связанными руками, на веревкѣ провели по всему базару, чтобы все могли смѣяться и глумиться надъ нимъ вдоволь. На каждомъ углу базара ему предлагали вопросы: Ты ѣлъ? — Да! — А ты будешь еще такъ дѣлать? — Никогда! — Иногда такому грѣшнику еще вымазываютъ сажей все лицо, прежде чѣмъ вести его по улицамъ.

21 марта я посѣтилъ базаръ. Онъ очень обширенъ, каждому товару отведено свое мѣсто. Разъ въ недѣлю, въ базарный день, прилавки и лотки съ товарами выносятся изъ домовъ и разставляются на площадяхъ передъ ними. На площадкахъ сидятъ также массы женщинъ и шьютъ. Женщины ходятъ здѣсь безъ покрывалъ, обыкновенно съ непокрытыми головами, и носятъ свои длинные густые черные волосы заплетенными въ двѣ косы; иногда надѣваютъ также маленькія круглыя шапочки. Особенно любимое занятіе ихъ — искать другъ у друга въ головѣ, и часто видишь, какъ то одна, то другая уткнется головой въ колѣни товарки.

Около самого города танется съ SSW на NNO барханъ, высотой отъ 8 до 10 метр., такой правильной формы, точно искусственная насыпь. Съ вершины его, гдѣ возвышается мазаръ Чимъ-дере, открывается великолѣпный видъ на весь городъ, на его покрытые плоскими кровлями дома, обнесенные небольшими четырехугольными дворами.

22 марта, наконецъ, вернулся изъ Кашгара Магометъ-Икубъ съ объемистой почтой, но безъ верблюдовъ. Итакъ,

мы не подвинулись ни на шагъ съ начала мѣсяца. Тутъ ужъ вступился въ дѣло мой славный Исламъ-бай. На слѣдующій же день онъ отправился въ Яркендъ, рѣшивъ, что не вернется безъ верблюдовъ. Счастье еще, что метеорологическія и астрономическія наблюденія, привезенная почта и старый Тогдаходжа помогали мнѣ коротать время.

Миссіонеръ Иоганнъ, напротивъ, доставлялъ мнѣ мало радости. Онъ принадлежалъ къ числу современныхъ болѣзненно религіозныхъ людей, которые не допускаютъ, чтобы истинное христіанство могло уживаться съ жизнерадостностью и хорошимъ настроеніемъ духа. Вѣроятно, причиной такихъ взглядовъ являлось отчасти то обстоятельство, что онъ былъ обращенный въ христіанство магометанинъ; такіе прозелиты часто становятся куда нетерпимѣе своихъ учителей. Вообще же онъ былъ малый услужливый, но, повидимому, очень скучалъ.

Нѣсколько дней спустя, у меня сдѣлалась мучительная опухоль въ горлѣ — „горкакъ“, обычная здѣсь болѣзнь. Полосканье, по совѣту бека, теплымъ молокомъ не помогало, и бекъ предложилъ мнѣ прибѣгнуть къ содѣйствію заклинателей — „пери-бакши“. Я сказалъ, что не вѣрю въ такіе фокусы-покусы, но что во всякомъ случаѣ готовъ принять „пери-бакши“.

Въ сумеркахъ, когда комната моя освѣщалась только свѣтомъ углей на шесткѣ, ко мнѣ вошли трое высокихъ бородастыхъ мужчинъ въ длинныхъ бѣлыхъ покрывалахъ. У каждого было по барабану („дуффъ“), обтянутому крѣпкой телячьей кожей. Они выбивали на барабанахъ дробь пальцами, ударяли по нимъ ладонью плашмя и колотили кулаками, производя въ общемъ такой шумъ, что, я думаю, за версту было слышно.

Они обрабатывали свои барабаны съ необычайной быстротой, притомъ удивительно дружно. Такъ, послѣ нѣкотораго перебирания пальцами, они всѣ разомъ хлопали ладонью, а затѣмъ нѣсколько разъ равномерно ударяли кулаками, опять перебирали пальцами и т. д. безъ малѣйшаго перерыва, не сбиваясь съ лада. При этомъ они то сидѣли, то вдругъ, воодушевленная своей своеобразной музыкой, вскакивали и пускались въ плясъ, то подбрасывали барабаны кверху и съ трескомъ ловили ихъ. Каждый такой пріемъ продолжался пять минутъ, и слѣдовали они въ известномъ порядкѣ, что и обуславливало стройность исполненія. Для того же, чтобы обратить въ бѣгъ-

ство злого духа, надо проиграть весь мотивъ девять разъ, и, разъ заклинаніе началось, невозможно остановить заклинатель прежде, чѣмъ они доведутъ его до конца.

Услугами заклинателей пользуются, главнымъ образомъ, больныя женщины и родильницы, такъ какъ женщины куда суевѣрнѣе мужчинъ. Заклинатель, входя въ помѣщеніе, гдѣ находится больная, внимательно вглядывается въ пламя свѣтильника, по которому, какъ онъ говоритъ, онъ узнаетъ, одержима-ли женщина злымъ духомъ. Затѣмъ онъ начинаетъ обрабатывать свой барабанъ въ присутствіи родныхъ и друзей больной, толпящихся въ помѣщеніи и за дверями.

Церемонія этимъ не кончается. Послѣ того, какъ отбить послѣдній тактъ, заклинатель остается наединѣ съ больной и накрѣпко вгоняетъ въ земляной полъ палку, верхушка которой обмотана привязанной къ потолку крѣпкой веревкой. Больная изо всѣхъ силъ тянетъ за веревку, а заклинатель продолжаетъ барабанить. Наконецъ, ей удается оборвать веревку, и, значитъ, злой духъ выгнанъ.

Такую же силу приписываютъ соколамъ, почему и называютъ ихъ „кушь-бакши“ (соколъ-заклинатель). „Пери“, или злые духи, боятся его. Рассказываютъ, что женщина во время родовъ видитъ, какъ вокругъ нея вьются злые духи, причиняющіе ей мученія; другой же никто не можетъ видѣть ихъ кромѣ сокола; его поэтому впускаютъ въ комнату, и онъ сразу изгоняетъ ихъ. Дѣло, вѣроятно, по-просту въ томъ, что какъ соколъ, такъ и барабаны и веревка съ палкой, отвлекаютъ вниманіе больной отъ ея страданій, и она до нѣкоторой степени забываетъ о нихъ.

26 марта. Бекъ Ніазъ держитъ на дворѣ судъ и расправу, и иногда довольно громко. Самъ онъ сидитъ около столба, подпирающаго крышу галлерей, и ведетъ допросъ съ ужасно строгимъ видомъ. Рядомъ, на площадкѣ, сидитъ его „мирза“ и записываетъ показанія, вокругъ стоятъ слуги и исполнители правосудія съ длинными прутьями, а передъ бекомъ сами преступники.

Сегодня разбиралось нѣсколько своеобразныхъ дѣлъ. У одного человѣка было пять женъ. Самая младшая, молодая, красивая, крѣпко сложенная женщина взяла, да бѣжала отъ мужа въ Кашгаръ съ другимъ. Бекъ увѣдомилъ кашгарскія

власти, женщину задержали и отправили обратно въ Меркетъ. Послѣ того, какъ женщина призналась въ нарушеніи супружеской вѣрности, бекъ далъ ей двѣ пощечины, и женщина принялась вопить. Въ оправданіе свое она могла сказать одно, что ей не въ мочь было уживаться съ четырьмя другими женами. У нея былъ при себѣ ножъ, и бекъ спросилъ для чего она его носитъ; на это женщина отвѣтила, что рѣшила умертвить себя, если ее принудятъ вернуться къ мужу. Въ наказаніе ее отправили на нѣкоторое время къ мулламъ для исправленія, а потомъ пусть съ миромъ вернется домой.

Затѣмъ, была приведена молодая женщина съ окровавленнымъ, издарапаннымъ лицомъ; ее сопровождалъ мужъ. И эта бѣжала отъ мужа, но онъ самъ поймалъ ее и жестоко расправился съ нею. Многіе свидѣтели утверждали, что у него при этомъ была въ рукахъ бритва, но онъ отрицалъ это. Чтобы заставить его признаться, бекъ приказалъ связать ему руки за спиною и подвѣсить за руки къ вѣткѣ дерева. Виновный не замедлилъ сознаться. Тогда его сняли и угостили 40 ударами по мягкимъ частямъ. Но такъ какъ онъ утверждалъ, что и жена била его по спинѣ, то его раздѣли и, не найдя знаковъ, прибавили еще порцію.

Вообще правосудіе въ этомъ глухомъ углу вещь очень растяжимая. Если обвиняемый можетъ хорошо заплатить, то онъ избѣгаетъ наказанія, а бекъ во всякомъ случаѣ получаетъ нѣсколько денегъ за труды. Если жалобщикъ не доволенъ судомъ, онъ можетъ прибѣгнуть къ высшей инстанціи — ближайшему китайскому мандарину, которому бекъ и долженъ дать отчетъ. Китайцы вообще поступаютъ умно, предоставляя туземцамъ самоуправленіе по мѣстнымъ законамъ и обычаямъ, установившимся еще въ правленіе Якубъ-бека.

Нарушенія супружеской вѣрности, однако, не рѣдки, и не особенно строго наказываются. Обыкновенно женщинъ вымазываютъ сажей все лицо, сажаютъ на ослицу, лицомъ къ хвосту, связываютъ ей на спинѣ руки и провозятъ по всѣмъ улицамъ и базарамъ. Одноженство вообще правило; многоженство — рѣдкое исключеніе. Женщина, вступившая въ бракъ съ китайцемъ или европейцемъ, считается оскверненной, и по смерти ее не хоронятъ на общемъ кладбищѣ: трупъ жившей съ тѣмъ, кто „ѣлъ свинину“, можетъ осквернить другія могилы.

„Калымъ“ здѣсь такъ-же узаконенъ обычаемъ, какъ и у киргизовъ. Размѣры его зависятъ отъ средствъ и положенія жениха; уплачиваютъ его родителямъ невѣсты. Богатый женихъ платитъ 2 ямбы (около 180 рублей). Бѣдный женихъ отдѣливается угощеніемъ и платьями невѣстѣ. Размѣръ калыма опредѣляютъ родители невѣсты по своему усмотрѣнію; красота и другія физическія достоинства невѣсты играютъ меньшую роль, нежели у киргизовъ. Если молодые люди полюбили другъ друга и хотятъ жениться, а родители не даютъ согласія, то парочка часто перебирается въ другое селеніе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они, однако, въ большинствѣ случаевъ возвращаются къ родителямъ и приглашаютъ ихъ къ себѣ въ гости, послѣ чего все улаживается къ общему удовольствію.

Въ другой разъ беку пришлось судить двухъ людей, игравшихъ на деньги. У одного изъ нихъ была глубокая рана около уха, и лицо все въ крови. Оказалось, что онъ проигралъ другому семь денегъ и общалъ добыть деньги на базарѣ, но выигравшій требовалъ ихъ немедленно. Тогда проигравшій выхватилъ ножъ и ударилъ себя въ ухо, крича: „Вотъ тебѣ вмѣсто денегъ!“ Бекъ присудилъ выигравшаго къ хорошей публичной поркѣ; другого-же порка ожидала послѣ того, какъ заживетъ рана. Выигрышь, разумѣется, пошелъ въ пользу бека.

XXI.

Въ пустыню.

8 апрѣля, наконецъ, вернулись Исламъ и Якубъ. Большихъ хлопотъ и торговъ стоило имъ купить въ Каргалыкѣ восемь отличныхъ, тщательно выбранныхъ верблюдовъ по 120 кронъ (около 60 рублей) за голову. Мѣстные жители узнали о томъ, что верблюды намъ необходимы, и подняли цѣны вдвое, втрое, что очень и затруднило покупку.

Кромѣ того требовались именно верблюды, привычные ходить по пустынѣ, по песку, по жарѣ, безъ воды и корма.

Поэтому люди мои не столько обращали вниманіе на наружный видъ и общія достоинства верблюдовъ, сколько именно на указанныя спеціальныя качества. Утромъ я далъ верблюдамъ имена и измѣрилъ ихъ, опоясавъ туловище между горбами, чтобы знать потомъ, какъ отзовется на нихъ странствованіе по пустынѣ. Вотъ перечень ихъ:

	Возрастъ.	Объемъ туловища.
Акь-тюя (бѣлый верблюдъ)	8 лѣтъ	2.37
Богра (верблюдъ двугорбый)	4 „	2.35
Нэръ (самецъ)	2 „	2.25
Баба (старикъ)	15 „	2.28
Чонъ-кара (большой черный)	3 „	2.23
Кичикъ-кара (маленькій черный)	2 „	2.22
Чонъ-сарыкъ (большой желтый)	2 „	2.30
Кичикъ-сарыкъ (маленькій желтый)	1½ „	2.14

Мало подозрѣвали мы тогда, что лишь одинъ верблюдъ Чонъ-кара переживетъ это путешествіе. Правда, и Акь-тюя прошелъ черезъ пустыню, но околѣлъ отъ изнуренія. Это былъ славный бѣлый верблюдъ, выступавшій во главѣ каравана, по-званивая колокольчикомъ, съ большимъ тяжелымъ желѣзнымъ языкомъ. Богра, мой верховой верблюдъ, былъ удивительно статенъ, выносливъ и кротокъ. Нэръ былъ забіяка, порывавшійся укусить или лягнуть каждаго, кто подходилъ къ нему. Баба, самый старыи изъ верблюдовъ, сѣрой масти, палъ первымъ. Остальные три верблюда были молодыя рѣзвыя животныя, которыя долго отдыхали и теперь, видимо, охотно пользовались случаемъ поразмяться.

Все верблюды находились какъ разъ въ періодѣ линія; густая теплая шуба сваливалась съ нихъ большими клоками, что очень безобразило ихъ. Все были осѣдланы большими, мягкими вьючными сѣдлами, набитыми сѣномъ и соломой. Исламъ-бай купилъ также цѣлую связку аркановъ (веревки изъ верблюжьей шерсти) для перевязыванья вьюковъ и три большихъ караванныхъ колокольчика.

Верблюды стояли на привязи во дворѣ бека и отъѣдались — въ послѣдній разъ въ жизни — сочнымъ сѣномъ. Пріятно было смотрѣть на своихъ собственныхъ чудесныхъ верблюдовъ, жевавшихъ душистое сѣно, и видѣть въ ихъ большихъ

черныхъ глазахъ выраженіе полнѣйшаго благополучія. Собаки наши, Джолдашъ и Хамра, были, однако, другого мнѣнія. Онѣ, въ особенности Джолдашъ, терпѣть не могли верблюдовъ. Послѣдній лаялъ на нихъ до хрипоты, кидался на нихъ и былъ, повидимому, очень доволенъ самимъ собой, если ему удавалось выхватить у нихъ клочекъ шерсти.

Въ Яркендѣ Исламъ-бай нанялъ двухъ надежныхъ людей. Одинъ былъ Магометъ-шахъ, 55 лѣтній старикъ, съ сѣдой бородой, опытный вожакъ верблюдовъ; его одного только неукротимый Нэръ и подпускалъ къ себѣ, не кусая. У него были въ Яркендѣ жена и дѣти; пустыни онъ не боялся ничуть, и вообще былъ отличный, надежный человѣкъ. Я, какъ сейчасъ, вижу его передъ собою. Чисто философское спокойствіе не оставляло его никогда; онъ продолжалъ сохранять свое хорошее расположеніе духа и какую-то добродушную усмѣшку вокругъ рта и тогда, когда надъ нашимъ умирающимъ караваномъ спустились грозовыя тучи несчастья. Даже, когда онъ лежалъ въ предсмертномъ бреду, глаза его свѣтились тѣмъ же неземнымъ спокойствіемъ, а отъ высохшаго коричневаго лица вѣяло миромъ.

Другой — Касимъ-ахунъ, 48 лѣтъ, неженатый, уроженецъ Акь-су, проживавшій въ Яркендѣ, караванъ-баши по ремеслу. На немъ лежала обязанность помогать въ уходѣ за верблюдами. Роста онъ былъ средняго, крѣпкаго сложенія, съ черной бородой, серьезный, никогда не смѣялся, въ обращеніи былъ ласковъ и задушевенъ, но нерѣдко нуждался въ напоминаніи о своихъ обязанностяхъ.

Намъ, однако, нуженъ былъ еще одинъ человѣкъ, и бекъ Нязъ нашелъ намъ Касима-ахуна изъ Янги-гиссара. Онъ былъ однихъ лѣтъ съ Магометъ-шахомъ и шесть лѣтъ подъ ридъ хаживалъ весною дней на 10—14 въ пустыню искать золота. Всякій разъ онъ бралъ съ собою хлѣба на вьючномъ ослѣ и не заходилъ въ пустыню дальше такихъ мѣстъ, гдѣ еще можно было дорыться до грунтовой воды. Звали мы его то Джолчи, то Кумчи (пустынножитель) въ отличіе отъ другого Касима. Въ Меркетѣ, куда онъ переселился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у него были жена и взрослые дѣти.

Ему отчасти были мы обязаны тѣмъ, что съ нами случилось. Онъ былъ грубъ, горячъ, и остальные товарищи, кото-

рыми онъ пытался командовать, скоро не влюбилъ его. Въ силу своего знанія пустыни онъ принялъ властный тонъ и особенно не жаловалъ Исламъ-бая за то, что тотъ считался „караванъ баша“, или предводителемъ каравана, а другіе должны были подчиняться ему. Многіе изъ жителей Меркета предостерегали насъ насчетъ этого человѣка, говоря, что онъ нѣсколько разъ былъ наказанъ за воровство. Но было уже поздно; мы кромѣ того, нуждались въ немъ, такъ какъ онъ одинъ во всемъ селеніи зналъ пустыню по опыту.

Кромѣ верблюдовъ и собакъ, мы брали съ собой трехъ

Верблюдъ въ зимней шубѣ и съ вьючнымъ сѣдломъ.
(Съ рисунка автора).

овецъ, десять куръ и пѣтуха, который будилъ насъ по утрамъ. Въ первые дни мы всегда находили по одному, по два яйца въ куриной клѣткѣ, возвышавшейся на одномъ изъ вьючныхъ верблюдовъ, но когда у насъ оказался недостатокъ въ водѣ, куры перестали нестись. Пѣтухъ былъ большой живчикъ и весельчакъ; ему не нравилась ѣзда на верблюдѣ, и онъ во время пути всегда ухитрялся высвободиться изъ клѣтки. Постоявъ съ минуту, раскачиваясь на верхушкѣ, онъ съ громкимъ крикомъ слеталъ на землю. На бивуакахъ куръ всегда выпускали погулять, и онѣ очень оживляли нашъ лагерь въ пустынѣ,

разыскивая въ пескѣ брошенные имъ зерна.

9 апрѣля были сдѣланы послѣднія приготовленія. Парамѣшковъ съ заказаннымъ заранѣе хлѣбомъ были увязаны, четыре желѣзныхъ резервуара наполнены свѣжей, рѣчной водой. Въ нихъ входило: 80, 86, 87 и 122 литра, да въ бурдюки 80 литровъ, итого 455 литровъ, которыхъ должно было хватить на 25 дней пути. Эти продолговатые четырехугольные резервуары, употребляющіеся для перевозки меда изъ Индіи въ Яркевдъ, помѣщаются въ крѣпкихъ деревянныхъ рѣшетчатыхъ ящикахъ, чтобы предохранить тонкое

листовое желѣзо отъ пробоинъ. Въ ящики люди насовали травы и тростника, чтобы вода не такъ скоро согрѣвалась на солнцѣ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о самомъ планѣ путешествія. Пржевальскій, Кэри и Дальглейшъ были первыми европейцами, видѣвшими (1885 г.) кряжъ Мазаръ-тагъ на лѣвомъ берегу Хотанъ-дарьи. Первый пишетъ объ этомъ такъ: „Черезъ три небольшихъ перехода (отъ Тавекъ-каля) внизъ по Хотанъ-дарьѣ мы достигли того мѣста, гдѣ въ восточный берегъ описываемой рѣки упирается обрывистымъ мысомъ невысокій хребетъ, или правильнѣе, горная гряда, извѣстная туземцамъ подъ именемъ Мазаръ-тага. Эта гряда, въ восточной части имѣетъ не болѣе 1½—2 верстъ въ ширину, при высотѣ около 500 фут. надъ окрестностями, и состоитъ изъ двухъ параллельныхъ рѣзко по швѣту между собою различающихся слоевъ: южный—красная глина съ частыми прослойками гипса, сѣверный—бѣлый алебастръ. Въ тѣхъ-же горахъ, верстахъ въ 25 отъ Хотанъ-дарьи добываютъ, какъ намъ говорили, кремь, который и вывозится на продажу въ Хотанъ. Описываемая двухцвѣтная гряда уходитъ изъ глазъ въ песчаную пустыню, заворачивая притомъ къ сѣверо-западу и повышаясь немного къ срединѣ, и тянется, по словамъ туземцевъ, до укрѣпленія Мараль-баша, на рѣкѣ Кашгарской. Растительности въ Мазаръ-тагѣ нѣтъ вовсе; притомъ горы эти снизу засыпаны до половины пескомъ; обнаженная-же ихъ часть, въ особенности красная глина, сильно разрушается“

Голова верблюда-самца.
(Съ рисунка автора).

Сообщенія туземцевъ дали Пржевальскому поводъ на-

нести на свою карту хребетъ горъ, тянущихся наискось поперекъ пустыни. Ошибка эта вполне естественна, такъ какъ Пржевальскій слышалъ, что около Мараль-баши тоже находится кряжъ Мазаръ-тагъ, вслѣдствіе чего и могъ предположить, что этотъ кряжъ является продолженіемъ Хотанъ-дарьинскаго Мазаръ тага. Кэри осторожниѣе; онъ нанесъ на свою карту Мазаръ-тагъ лишь на такомъ протяженіи, на какомъ его видно съ рѣки.

Я и полагалъ, что если мы изъ Меркета направимся къ востоку или къ ОНО, то рано или поздно наткнемся на Мазаръ-тагъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я раздѣлялъ мнѣніе туземцевъ, что мы найдемъ у подошвы кряжа подвѣтренную сторону, гдѣ песокъ не накапливается и гдѣ намъ удастся дѣлать ежедневно большіе концы по твердому и голому грунту, найдемъ источники и растительность, а также, быть можетъ, слѣды древней цивилизаціи.

Путь по прямой линіи черезъ пустыню занимаетъ, согласно имѣющимся картамъ, протяженіе въ 287 килом. или около 290 в. и, если-бы мы могли проходить хотя-бы по 20 верстъ въ день, на всю экспедицію пошло-бы не болѣе 15 дней. Такимъ образомъ мы брали съ собой воды болѣе, чѣмъ достаточно.

Такіе расчеты очень подбодряли насъ, и мы смотрѣли на всю экспедицію, какъ на пустячное дѣло. Въ дѣйствительности путешествіе заняло 26 дней; путь оказался вдвое длиннѣе.

10 апрѣля. Еще задолго до восхода солнца на дворѣ начались суетня и движеніе. Люди повытащили весь нашъ багажъ и ящики съ продовольствіемъ, чтобы приготовить равные по вѣсу парные вьюки для верблюдовъ и перевязать веревками. Затѣмъ вьюки были разставлены попарно въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы между ними прошелъ верблюдъ. Послѣднихъ заставляли ложиться между двумя вьюками, и вьюки крѣпко привязывались съ обѣихъ сторонъ къ вьючному сѣдлу. Послѣ того, какъ верблюдъ вставалъ, вьюки, ради осторожности, перехватывали еще веревкой, обвивавшей накрестъ туловище животнаго, и закручивали узелъ, вставляя въ него палку.

Снаряженіе наше было очень сложное; продовольствія

мы брали на нѣсколько мѣсяцевъ, особенно риса и хлѣба, консервовъ, сахару, чаю, зелени, муки и проч. Затѣмъ взяты были зимнія одежды, тулупы, войлока, такъ какъ у меня было намѣреніе отъ Хотанъ-дарьи направиться въ Тибетъ. Кромѣ того я бралъ съ собой все свои приборы, два фотографическихъ аппарата, около тысячи пластинокъ, нѣсколько книгъ, нумера шведской газеты за цѣлый годъ, — я каждый вечеръ намѣревался прочитывать по одному номеру — походную кухню, посуду, и металлическую и глиняную, три ружья, шесть револьверовъ, боевые припасы въ двухъ ящикахъ, и много разныхъ мелочей. Такъ какъ мы взяли еще запасъ воды на 25 дней, то верблюды наши были навьючены довольно тяжело.

Во время вьюченія я опредѣлилъ первый базисъ для измѣренія разстоянія: 400 метровъ мой Богра проходилъ въ 5½ минутъ. Опредѣлять базисъ приходилось ежедневно снова, такъ какъ грунтъ то и дѣло мѣнялся, а одинъ и тотъ-же копецъ по болѣе или менѣе глубокому песку бралъ различное время.

10 апрѣля явилось знаменательнымъ днемъ въ лѣтописяхъ Меркета. Весь нашъ дворъ, сосѣднія улицы и заборъ, были усѣяны народомъ, желавшимъ присутствовать при нашемъ выступленіи въ путь. „Не вернуться имъ больше!“ „Верблюды слишкомъ тяжело навьючены, имъ не пробраться по глубокому песку!“ — раздавались голоса.

Такія зловѣщія предсказанія, однако, ничуть не пугали меня. Я сгоралъ желаніемъ поскорѣе выступить, и впечатлѣніе отъ дурныхъ пророчествъ изгладилось совершенно, когда идущимъ въ самую минуту выступленія бросили мнѣ черезъ голову нѣсколько горстей „да-цянъ“ (китайская бронзовая монета), крича: „Счастливый путь!“.

Верблюды были связаны по четыре вмѣстѣ веревкой, которая была привязана однимъ концомъ къ палочкѣ, продѣтой сквозь носовой хрящъ одного верблюда, а затѣмъ завязана узломъ на хвостѣ шедшаго впереди верблюда такъ, что если животное падало, узелъ развязывался самъ собой. На другомъ концѣ палочки, продѣтой въ носовой хрящъ животнаго, находится шарикъ, чтобы она не выскочила.

Четыре молодыхъ верблюда открывали шествіе, затѣмъ

ѣхалъ я на Богрѣ, за нами шли Баба, Акъ-тюя и Нѣръ. Богру все время велъ Магометъ-шахъ, такъ что мнѣ нечего было заботиться о томъ, какъ идетъ животное, и я могъ сосредоточить все свое вниманіе на компасѣ, часахъ и на наблюденіяхъ за измѣненіями грунта и рельефа.

Исламъ-бай отлично приладилъ вьюкъ на моемъ верховомъ верблюдѣ. Богра несъ оба ящика съ наиболѣе хрупкими приборами и вещами, которыя мнѣ надо было имѣть подъ рукой на каждомъ бивуакѣ. Между горбами и поверхъ обоехъ ящиковъ были настланы кошмы, ковры и подушки, и я сидѣлъ точно въ креслѣ, спустивъ ноги по обѣ стороны передняго горба.

Когда все было готово, я простился съ бекомъ Нiazомъ, щедро вознаградивъ его за гостепримство, съ миссіонеромъ Іоганномъ и Хашимомъ. Миссіонеръ еще въ Лайлыкѣ поговаривалъ, что бонтея слѣдовать за мной въ пустыню; тутъ-же, въ виду послѣднихъ приготовленій, мужество окончательно покинуло его, и онъ во второй разъ оставилъ меня, въ самую серьезную минуту. Со всей своей показной благочестивостью, онъ очевидно страдалъ недостаткомъ истинной вѣры, безъ колебаній поручающей себя Богу. Какая разница въ сравненіи съ Исламъ-баемъ, идеаломъ самоотверженія и преданности! Этотъ за все время ни разу не поколебался слѣдовать за мной куда-бы-то ни было, даже, когда я кидался въ опасности, которыхъ благоразуміе совѣтовало-бы избѣгать.

Признаки вступавшей въ свои права весны давали себя знать за послѣдніе дни все больше и больше. Температура медленно, но правильно подымалась съ каждымъ днемъ, и минимальная температура держалась куда выше нуля. Днемъ солнце припекало сильно, весенніе вѣтры такъ и шумѣли, поля были засѣяны и затоплены, мухи и другія насѣкомыя жужжали въ воздухѣ. И вотъ, въ это роскошное въ Азіи время года, время надеждъ, мы выступили въ походъ въ область, гдѣ жизнь окована тысячелѣтнимъ сномъ, гдѣ каждый барханъ является могильнымъ курганомъ; въ сравненіи съ царящею тамъ жарою, самая жестокая зима могла-бы казаться намъ улыбающеюся весной.

Спокойно, величественно, съ высокоподнятыми головами выступали наши верблюды длинной вереницей по узкимъ

улицамъ селенія, между густыми толпами народа. Торжественное настроеніе охватило всѣхъ, и толпа молчала, словно на похоронахъ. Вспоминая теперь наше выступленіе, я и не могу сравнить его ни съ чѣмъ инымъ, какъ именно съ погребальнымъ шествіемъ. Я, какъ сейчасъ, слышу мѣрный, глухой, зловѣщій звонъ караванныхъ колокольцевъ — настоящей похоронный звонъ. И въ самомъ дѣлѣ смерть ожидала большинство участниковъ нашего похода, смерть въ далекой пустынѣ, тихая безмолвная могила въ вѣчныхъ пескахъ!

Мѣстность была ровная. Дома селенія разбѣжались между многочисленными тополями, хлѣбными полями, рощами, садами и арыками. Шли мы спокойно съ полчаса, какъ вдругъ случилось происшествіе. Два самыхъ молодыхъ верблюда точно взбѣсались, разорвали веревки, сбросили съ себя вьюки и бѣшено понеслись по полю, подымая пыль столбомъ. На одномъ изъ верблюдовъ были навьючены два резервуара съ водою, и одинъ далъ течь, но у самой крышки, такъ что бѣду легко было поправить. Бѣглецовъ скоро изловили и навьючили снова. Ихъ повели затѣмъ отдѣльно, — въ услужливыхъ рукахъ недостатка не было, такъ какъ до окраины селенія насъ сопровождало до сотни всадниковъ.

Немного погодя, вырвалось два другихъ верблюда; часть вещей разсыпалась, ящикъ съ порохомъ съѣхалъ на бокъ. Магометъ-шахъ сказалъ мнѣ, что верблюды послѣ долгаго отдыха всегда немного бѣсятся, а послѣ нѣсколькихъ дней форсированнаго марша опять присмирѣютъ, какъ ягнята. Ради осторожности мы и рѣшили, что пока cadaго верблюда поведетъ одинъ изъ людей.

Какъ и всегда, въ первый день пути случилось немало разныхъ непредвидѣнныхъ задержекъ. То оказывалось, что лѣвая половина вьюка перевѣшиваетъ правую, и приходилось ее облегчить, то замѣчали, что какойнибудь мѣшокъ съ рисомъ грозитъ выскользнуть изъ-подъ веревки, и надо было перевязать вьюкъ, и т. д. Но на другой день, когда, пользуясь опытомъ предыдущаго дня, уравнили всѣ вьюки, навьючили наиболѣе дорогіе предметы и, главное, резервуары съ водою на самыхъ смиренныхъ изъ верблюдовъ, все пошло, какъ по маслу.

Мнѣ, возсѣдавшему на значительной высотѣ надъ уров-

немъ почвы, открывался чудесный видъ во всѣ стороны. Сначала отъ ѣзды на верблюдѣ кружится голова, но затѣмъ скоро свыкаешься съ этимъ равномернымъ покачиваньемъ и колыханьемъ. На меня они не дѣйствовали, но человѣку, подверженному морской болѣзни, они, навѣрное, показались-бы очень неприятными.

Оставивъ за собою послѣдніе дома и поля, мы вступили въ ровную степь (дѣштъ), покрытую густымъ косятымъ кустарникомъ, и кое-гдѣ тополевыми зарослями. Вѣтеръ дулъ порывами съ WNW и гналъ на востокъ высокіе, косые сѣро-желтые смерчи. Почва состояла сначала изъ тонкой, подвижной пыли, частью съ отложениями соли, затѣмъ пошелъ одинъ песокъ, образовывавшій маленькіе низкіе барханы. Это была, какъ оказалось, лишь полоса песку, такъ какъ дальше опять пошла растительность — камышъ и тополя. Тутъ мы и сдѣлали привалъ на краю оврага.

Въ полчаса верблюды были развьючены и связаны въ кругъ, чтобы не дать имъ лечь, — иначе они становятся тяжелыми на подъемъ. Часа черезъ два ихъ пустили бродить на свободѣ въ густой заросли камыша. Бивуакъ нашъ вообще вышелъ очень живописнымъ.

Я обновилъ свою палатку, разбитую подъ тополемъ; это была красивая индійская офицерская палатка, которую подарилъ мнѣ мистеръ Мэкэртней. Въ этой палаткѣ умеръ молодой лейтенантъ Дэвисонъ на пути съ Памира въ Кашгаръ. Съ тѣхъ поръ она успѣла провѣтриться, да къ тому-же я не суевиренъ. Земляной полъ въ палаткѣ былъ устланъ перстымъ ковромъ. По стѣнамъ были разставлены мои сундуки, ящики съ приборами, фотографическіе аппараты и моя постель. Остальной багажъ, мѣшки и резервуары съ водой были размѣщены на волѣ.

Люди развели огонь, вокругъ котораго и усѣлись варить обѣдъ: рисовый пуддингъ и яйца; рису и яицъ было у насъ запасено вдоволь. Овецъ пустили пастись, а куры чувствовали себя, повидимому, совсѣмъ какъ дома, роясь въ отбросахъ у костра. Собаки получили по куску мяса и принялись гоняться другъ за другомъ. Словомъ, картина была самая оживленная.

Сейчасъ по прибытіи было приступлено къ изслѣдова-

нію оврага, тянувшагося съ сѣвера на югъ и образованнаго, вѣроятно, какимъ нибудь рукавомъ Тызнапа въ половодье. Ширина оврага равнялась 6 м., а глубина $1\frac{1}{2}$ м. Дно его было сухо; но когда стали рыть колодезь, земля скоро сдѣлалась влажной, и на глубинѣ 108 сантим. уже показалась вода, имѣвшая температуру 9.9° (температура воздуха въ это время, т. е. въ 2 ч. пополудни, равнялась 24.8°). На вкусъ вода была солоновато-горькая, но собаки и овцы пили ее съ жадностью. Верблюдамъ-же дали напиться только на слѣдующее утро, незадолго до выступленія. Этой-же водой воспользовались для варки яицъ, для стирки и мытья посуды; запасъ рѣсной воды съ самаго начала приходилось беречь, да беречь. Магометъ Якубъ, провожавшій насъ до этого перваго лагеря, сдѣлалъ намъ сюрпризъ — преподнесъ пару мѣдныхъ кувшиновъ съ рѣчной водой, такъ что всѣ люди могли напиться до сыта, не затрагиваясь до нашего запаса.

День былъ теплый, но тотчасъ по заходѣ солнца стало свѣжо, и пришлось накинуть верхнюю одежду. Вечеръ былъ до того тихъ, что пламя свѣчи, несмотря на откинутую полу палатки, не шевелилось. Искатель золота громко и странно повѣствовалъ о своихъ походахъ. Онъ совѣтовалъ намъ сначала держаться вблизи Яркендъ-дарьи; тогда мы придемъ къ горѣ Чакмакъ и большому озеру, соединяющемуся съ текущею къ сѣверу рѣкою. До этой рѣки идти 18 дней, а тамъ ужъ останется всего день пути до Мазаръ-тага, высочайшей горы въ области. Оттуда-же на востокъ было недалеко и до Хотанъ-дарьи.

Къ сѣверу отъ горы Чакмакъ есть тропинка, по которой всегда ходятъ золотоискатели; ведетъ она къ „агачъ-нишану“ (путевой знакъ); дальше пустыня называется Кыркъ-кышлакъ (сорокъ селеній), и тамъ много развалинъ древнихъ селеній.

11 апрѣля. Подкрѣпившись продолжительнымъ, спокойнымъ сномъ, я проснулся на разсвѣтѣ. Погода оказалась неблагоприятной. Нордъ-остъ такъ и вылъ, воздухъ былъ насыщенъ пылью; изъ пыльнаго тумана выступали только ближайшіе предметы; остальное все тонуло въ сѣрой мглѣ.

Развьючиванье верблюдовъ и разбивка лагеря шли быстро, зато сборы въ походъ, включая и приготовленіе зав-

трака, требовали добрыхъ два часа времени. Верблюды артачились во время вьюченія, но потомъ шли все время хорошо. Растительность снова исчезла, и мы запутались въ лабиринтѣ бархановъ, высотой въ 5—6 м., неправильной формы; главное направленіе ихъ, однако, было NS.

Мы пытались по возможности обходить ихъ, но приходилось и перебираться черезъ нѣкоторыя вершины; взбираясь на одинъ изъ гребней, оба верблюда, песшіе резервуары съ водой, упали, но, къ счастью, удачно, на колѣни переднихъ ногъ. Пришлось всетаки развьючить ихъ и потомъ навьючить снова. Спускаются же они съ такихъ гребней, скользя и тормозя задними ногами.

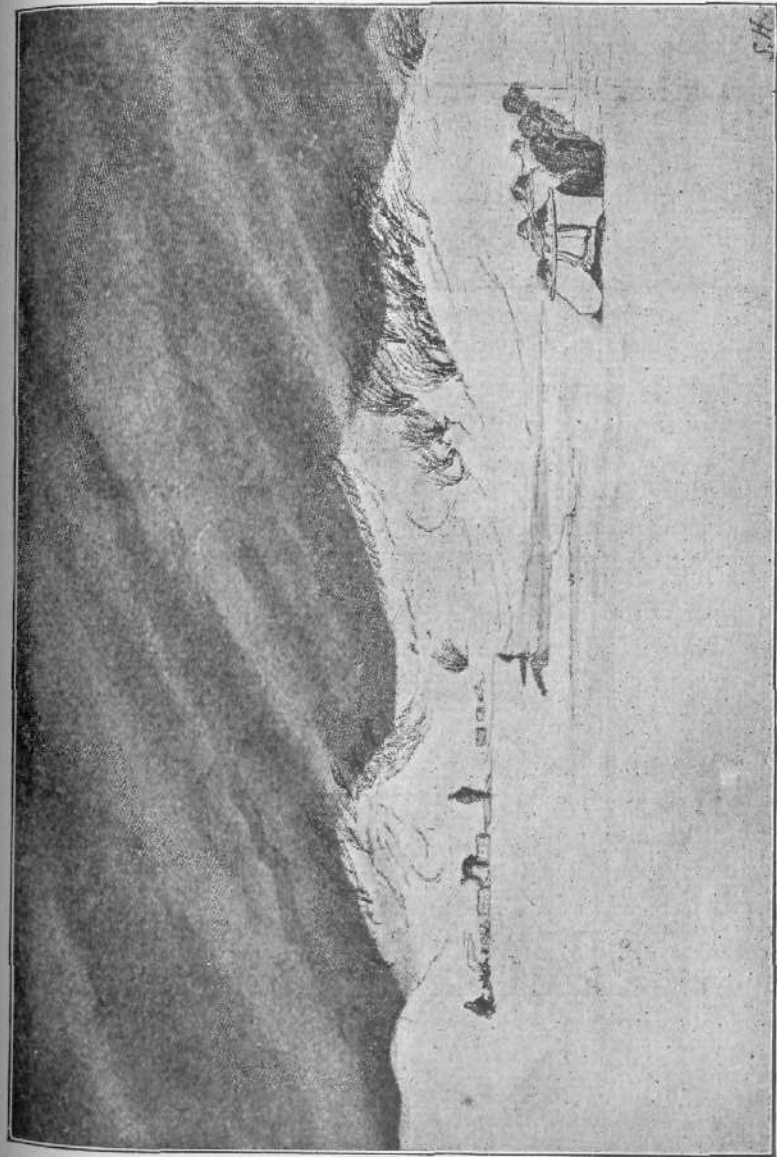
Около полудня мы заблудились между такими высокими барханами, что пришлось сдѣлать большой крюкъ къ сѣверу, чтобы изъ нихъ выбраться. Джолчи объяснилъ, что если-бы мы, пошли къ востоку, мы все равно принуждены были-бы вернуться назадъ, такъ какъ въ ту сторону тянется нескончаемый „чонъ-кумъ“ (большой, глубокий песокъ). Дневной переходъ и образовалъ извилистую дугообразную линію вдоль края „чонъ-кума“. Барханы опять понизились до 3 метр. высоты, и временами мы шли по довольно ровному, мягкому, пыльному грунту. Нерѣдко намъ встрѣчались на пути барханы, имѣвшіе форму полумѣсяца, и намъ приходилось обходить ихъ. Кое-гдѣ попадались одинокіе тополя и чахлый камышь, который верблюды пощипывали на ходу.

Сѣверо-восточный вѣтеръ продолжался весь день, небо хмурилось, и въ воздухѣ чувствовалась сырость. Въ сумерки мы сдѣлали привалъ, пройдя за день 21.3 килом. Лагерь разбили на этотъ разъ на ровномъ, твердомъ барханѣ, на сухомъ чистомъ грунтѣ. По близости наплись нѣсколько засохшихъ тополей, которые пошли на топливо, и чахлый камышь, пригодившійся для верблюдовъ. Они вспотѣли отъ продолжительной ходьбы, и ихъ съ часъ водили взадъ и впередъ, чтобы они остыли понемногу и не простудились.

Колодезь вырыли на ровной площадкѣ, между барханами, гдѣ поверхность почвы была слегка влажная. Вода показалась на глубинѣ 62 сантим.; температура ея равнялась -9.5° ; на вкусъ она была солоновата, какъ и вчерашняя.

12 апрѣля мы сдѣлали 23.7 килом. вдоль края „боль-

шого песка“, отпрыски котораго направлялись къ сѣверу. Временами песокъ перемежался узкими степными участками съ рѣдко разбросанными твердыми, какъ стекло, высохшими

Изъ-за бархановъ подымается песчаный бурей.
(Съ рисунка аггоры).

травяными кочками, которыя съ какимъ-то звономъ разлетались въ дребезги, когда до нихъ дотрагивались.

Твердый, ровный, песчаный грунтъ удобнѣе всего для

ходьбы; но иногда такой грунтъ покрытъ слоемъ пыли, въ которой рѣзко отпечатываются слѣды верблюдовъ. Слой этотъ мягокъ, какъ хлопокъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ глубокъ, что верблюды тонутъ въ немъ по колѣни. Случалось также, что ровный песчаный грунтъ былъ покрытъ тонкой коркой соли, хрустѣвшей подъ ногами.

Медленно, важно, шествовали верблюды, вытягивая свои длинные шеи, чтобы достать на ходу травяныя кочки; они точно предчувствовали, что имъ предстоитъ постъ. Когда былъ разбитъ третій по счету лагерь, двое изъ людей, по обыкновению, немедленно принялись рыть колодезь. Вырыта была яма, глубиною въ 178 сантим., а воды все еще не было, и больше рыть они не могли. Часа черезъ два вода, однако, показалась сама собою, и на днѣ ямы образовалась небольшая лужица. Собаки и куры слѣдили за рытьемъ колодца съ особеннымъ вниманіемъ; имъ всегда очень хотѣлось пить, и они знали, въ чемъ тутъ дѣло.

Пока, слѣдовательно, все шло хорошо, и мы могли беречь свой запасъ воды. Запасъ корму для верблюдовъ тоже оставался нетронутымъ; верблюды обходились камышомъ и солоноватой водой изъ колодцевъ. Собакъ кормили хлѣбомъ, куръ зерномъ и яичной скорлупой. Въ первый день снесли яйца три курицы, во второй двѣ, въ третій одна. Потомъ яйца стали появляться все рѣже и рѣже, но у насъ былъ взятъ съ собою большой запасъ яицъ въ плетущкѣ съ рубленой соломой.

Во время дневного перехода мы пересѣкли тропу, положенную оленями и антилопами по направленію SO. Джолчи сообщилъ, что въ томъ направленіи лежитъ большое озеро Яшилъ-куль (зеленое озеро), котораго, однако, ни онъ самъ, ни товарищи его не видали, зная о немъ лишь по рассказамъ; поэтому къ самому указанію слѣдовало относиться съ осторожностью. Говорили, что озеро образовалось изъ ключей, такъ какъ въ него не впадаетъ никакого притока. Замѣчательно, что на старинныхъ картахъ дѣйствительно было показано озеро этого названія, но мѣстоположеніе его помѣчено не вѣрно. Озеро, должно было, по рассказамъ, приходиться къ SSW отъ нашего лагеря № 3.

13 апрѣля. Къ утру воды въ колодцѣ собралось столько,

что глубина ея равнялась 18 сантим. Прошли сегодня 20.6 килом. Шли большею частью по непрерывнымъ барханамъ, имѣвшимъ форму полумѣсяцевъ и обращеннымъ выпуклостью къ востоку, а рогами и крутымъ склономъ къ западу или юго-западу, что указывало на преобладаніе здѣсь въ это время года восточныхъ и сѣверовосточныхъ вѣтровъ.

Тополей сегодня попадалось много. На нѣкоторыхъ начинали развертываться молодыя почки, и свѣжая зелень такъ и дразнила нашихъ верблюдовъ. Въ большинствѣ случаевъ тополя, какъ-бы преграждали дорогу барханамъ, которые и обходили ихъ, окружая ихъ валомъ, словно кольцомъ. Деревья такимъ образомъ оказывались въ котловинкѣ, гдѣ и скоплялись, въ защитѣ отъ вѣтра, сухія вѣтви и пожелтѣвшая, опавшая листва.

День былъ теплый. Собаки тщетно искали воды, суясь носомъ въ каждую ямку или ложбинку, похожія на тѣ, въ которыхъ люди обыкновенно рыли колодцы. За неимѣніемъ лучшей защиты отъ солнечныхъ лучей, онѣ искали тѣни подъ каждымъ тополемъ, мимо котораго мы проходили, сгребали лапами верхній слой горячаго песку и растягивались на нижнемъ, еще сохранявшемъ прохладу съ ночи.

Исламъ-бай ѣхалъ на первомъ верблюдѣ, котораго велъ Джолчи, нашъ лоцманъ въ этомъ песчаномъ морѣ. Но такъ какъ Исламу-баю съ верблюда было виднѣе, то онъ часто и подавалъ первому совѣты и предлагалъ другое направленіе. Это сердило необузданнаго „сына пустыни“, и онъ нѣсколько разъ въ гнѣвѣ пвырялъ поводъ, бросался ничкомъ на песокъ и говорилъ, что пусть въ такомъ случаѣ Исламъ и ведетъ караванъ.

На ночевкѣ между ними разыгралась серьезная ссора. Джолчи пришелъ ко мнѣ въ палатку и сказалъ, что хочетъ вернуться, такъ какъ Исламъ все „учитъ“ его, и кромѣ того скупится на хлѣбъ и на воду. Онъ, однако, опѣшилъ, когда я спокойно выразилъ свое согласіе, поставивъ лишь одно условіе — возвращеніе мѣсячнаго жалованья въ 100 тенегъ, полученнаго имъ впередъ. Золотоискатель принялся смиренно просить прощенія, и оно было ему дано на условіи во всемъ слушаться Ислама.

Я боялся, что такія ссоры чѣмъ дальше, тѣмъ будутъ

чаще, такъ какъ однообразіе и уединеніе портятъ настроеніе. Но все съ тѣхъ поръ обходилось мирно. Джолчи молчалъ, заставъ злобу на Ислама, и злоба эта все росла втихомолку. Онъ шелъ всегда отдѣльно, не разговаривалъ съ другими людьми и даже спалъ одинъ въ отдаленіи отъ нихъ. Къ бивуачному костру онъ подкрадывался тогда лишь, когда другіе ложились отдыхать. Остальные люди подозрѣвали его въ томъ, что онъ нарочно велъ насъ по ложному пути. Въ такомъ случаѣ онъ и самъ попалъ въ яму, которую рылъ другимъ, такъ какъ и онъ погибъ отъ жажды въ пустынѣ.

Вода показалась на глубинѣ 1.15 м.; температура ея равнялась $+10.4^{\circ}$. Собакамъ такъ страшно хотѣлось пить, что онѣ пытались было спуститься въ самый колодезь, и пришлось ихъ привязать.

Въ первый день Пасхи 14 апрѣля мы прошли только 18.5 кил. Въ одномъ мѣстѣ подвѣтренная сторона бархановъ была сѣро-стального цвѣта; оказалось, что песокъ здѣсь былъ покрытъ тонкимъ налетомъ слюды. Кромѣ того, мы убѣдились, что тополя могутъ расти только въ защитѣ бархановъ. Гдѣ исчезали эти послѣдніе, пропадали и тополя.

Затѣмъ мы достигли настоящей бесплодной пустыни, съ плоскимъ, твердымъ, бурымъ грунтомъ и низкими барханами, торчащими, какъ чурбаны. Они казались желтыми на буромъ фонѣ грунта, часто усѣяннаго гальками.

Во время пути мы въ первый разъ наткнулись на слѣды дикаго верблюда. По крайней мѣрѣ, такъ утверждалъ Джолчи, но я не вполне былъ увѣренъ въ этомъ. Дальше такіе слѣды попадались часто. Впрочемъ, мало вѣроятія было, чтобы заблудились въ пустынѣ домашнія животныя. Видѣли мы также лошадиные слѣды и пометъ, и Джолчи увѣрялъ, что въ этой части пустыни водятся дикія лошади. Мы остановились на вершинѣ одного бархана, чтобы разсмотрѣть въ бинокль стадо, пасшееся въ камышевой заросли къ сѣверу, но какъ только мы остановились, стадо скрылось по направленію къ сѣверу, не давъ намъ времени опредѣлить — лошади это или антилопы.

Небольшія терассы и увалы изъ сухой сѣрой глины иногда до того похожи на стѣны глиняныхъ сакль въ селе-

ніяхъ, что надо было подойти къ нимъ вплотную, чтобы убѣдиться въ ошибкѣ.

Сегодня собаки были очень безпокойны и бѣжали далеко впереди каравана. Разъ онѣ совсѣмъ пропали на четверть часа и вернулись мокрыми по брюхо, — видно нашли воду. Пройдя $18\frac{1}{2}$ килом., и мы наткнулись на лужу. Я попросилъ Касима попробовать, какова вода на вкусъ. „Сладкая, какъ медъ“, — отвѣтилъ онъ, хлебнувъ здоровый глотокъ. Мы и расположились тутъ бивуакомъ. Люди, собаки, овцы и куры — всѣ спѣшили утолить жажду, донимавшую всѣхъ въ такую жару.

Вода была ключевая, прозрачная, совершенно прѣсная, скоплявшаяся въ небольшой впадинѣ, 80 метр. въ длину и 4 м. въ ширину; глубина-же воды равнялась только 1 дециметру, а температура (въ 5 ч. пополудни при температурѣ воздуха 25.5°) 21.9° . Здѣсь водилось множество водяныхъ пауковъ и жуковъ. Послѣдніе кружились въ воздухѣ надъ водой, и куры устроили настоящую охоту за ними.

Сегодня зарѣзали съ обычными церемоніями первую овцу, и собаки поживились внутренностями и кровью. Вообще лагерь вышелъ прямо идиллическимъ уголкомъ въ этой пустынѣ. Солнце скрылось въ пыльной мглѣ задолго до заката, и жаръ началъ сразу спадать. Въ 9 ч. вечера температура ключевой воды понизилась уже до 15.2° , показывая тѣмъ свою зависимость отъ температуры воздуха.

Пріятное мѣстоположеніе лагеря манило отдохнуть здѣсь денекъ, въ чемъ нуждались и люди и животныя. Всѣ спали долго, а затѣмъ день прошелъ въ разныхъ дѣлахъ. Резервуары долили ключевой водой, бѣлье выстирали, сѣдла и упряжь привели въ порядокъ. День былъ теплый, песокъ нагрѣлся до 44.6° , но порывы вѣтра съ NNO пріятно прохлаждали, а воды мы могли пить, сколько душѣ хотѣлось, не чувствуя при этомъ никакихъ угрызений совѣсти. Верблюды и собаки такъ усердствовали, что видно было, какъ бока у нихъ раздувались отъ воды. Куры снесли въ этотъ день отъ дыха четыре яйца.

Собаки лаяли всю ночь и кидались по тому направленію, откуда мы пришли и гдѣ видѣли слѣды дикихъ верблюдовъ. Вѣроятно, обитатели пустыни подходили ночью напиться, но

останавливались въ подобающемъ разстояніи, видя, что мѣсто занято.

16 апрѣля прошли 24.7 килом. Песчаные холмы въ 5 м. высоты часто смѣнялись высохшими степными участками, поросшими камышомъ. Тростникъ хрустѣлъ и распылялся подъ ногами верблюдовъ. Понадались и одиноко растущіе кусты тамариска и тополя. Миновали два водоема, похожіе на первый. Всѣ три лежали на прямой линіи къ ОНО и, должно быть, являлись остатками разливающагося въ половодье рукава Яркендъ-дарьи.

Мы все больше и больше углублялись въ невѣдомое песчаное море. Ни слѣда жизни, ни звука, кромѣ монотоннаго звона караванныхъ колокольчиковъ. Иногда, пріостанавливались ненадолго, чтобы обдумать направленіе; люди пользовались остановками для завтрака, состоявшаго изъ нѣсколькихъ горстей „талкана“ (поджареной муки), разболтанныхъ въ водѣ. Люди хлебали эту болтушку изъ деревянныхъ чашекъ. Я же всегда пропускалъ завтракъ, довольствуясь двумя трапезами въ день.

17 апрѣля. Сегодня дулъ свѣжій западный вѣтеръ, но небо оставалось совершенно чистымъ. Мы уже не разъ замѣчали, что только восточный и сѣверо-восточный вѣтеръ подымалъ пыльный туманъ, а при западномъ, какъ-бы онъ ни былъ силенъ, атмосфера оставалась чистой и прозрачной.

Пройдя небольшой конецъ, мы завидѣли на сѣверномъ горизонтѣ очертанія довольно высокой горы, рисовавшейся вдали тѣнью, похожей на облако. Часъ за часомъ ѣхали мы въ этомъ направленіи, а гора все какъ будто оставалась въ томъ-же разстояніи.

Барханы достигали 5 м. высоты и часто очень затрудняли движеніе; но между ними стали попадаться степные участки, поросшіе сочнымъ зеленымъ камышомъ, изъ чащи котораго выскакивали иногда зайцы, испуганные приближеніемъ каравана.

И сегодня миновали нѣсколько небольшихъ лужъ, но съ солоноватой водой и окруженныхъ бѣлымъ кольцомъ отложений соли. По направленію ОНО извивалось старое рѣчное русло, 40 метр. ширины и 2 м. глубины; дно было занесено

пескомъ, но мѣстами виднѣлись лужицы воды. Другое русло 20 м. ширины было, напротивъ, совершенно сухо.

На сѣверѣ виднѣлись небольшія темныя облачка, похожія на поднимающійся дымъ.

Джолчи объяснилъ это явленіе такъ. Виднѣвшаяся вдали гора была юго-восточнымъ продолженіемъ сѣвернаго отрога Мазаръ-тага и находилась на правомъ, т. е. южномъ берегу Яркендъ-дарьи. Оба русла-же были высохшими руслами рукавовъ Яркендъ-дарьи, несшихъ изъ нея воду въ лѣтнее половодье. Облака на сѣверѣ были водяные пары, подымавшіеся надъ Яркендъ-дарьей и ясно рисовавшіеся на чистомъ голубомъ небѣ. Джолчи, безъ сомнѣнія, былъ правъ; мы сами имѣли впоследствии случай убѣдиться въ справедливости нѣкоторыхъ изъ его истолкованій.

Цѣлый часъ шли мы между двумя параллельными грядами бархановъ, вытянутыхъ по направленію N 15° O. Правая гряда имѣла 9.5 м. высоты; обѣ представляли округленныя формы. Между ними шла ровная, степная полоса, гдѣ росли тополя и репейникъ.

Затѣмъ, мы перевалили черезъ правую гряду и очутились въ новой, параллельной первой долиинѣ между грядами бархановъ. Пройдя въ общемъ 28.4 килом., мы разбили лагерь № 7 въ тѣни двухъ густолиственныхъ тополей. Мы основательно разсудили, что рыть здѣсь колодца нѣтъ надобности, такъ какъ неподалеку должна была быть вода.

Къ сѣверу шель довольно густой тополевымъ лѣсокъ. Мошки, мухи и ночныя бабочки такъ и рѣяли въ воздухѣ. Бабочки вечеромъ сотнями вились около моей свѣчки.

XXII.

Райскій уголокъ.

18 апрѣля. День начался свѣжимъ сѣверовосточнымъ вѣтромъ; палатку снесло-бы, если-бы ее еще ночью не укрѣпили веревками и кольями. Небо заволокло на цѣлый день, и мы избавились отъ полуденной жары. Мы рѣшили идти наприя-

микъ къ горѣ, полагая достигнуть ея къ вечеру, но углубились въ лѣсъ, и гора исчезла въ пыльной мглѣ.

Этотъ частый лѣсъ выросъ между неправильно расположенными барханами; на землѣ лежали кучи сухой листвы и хвороста; характерные признаки пустыни исчезли совершенно. Караванъ шелъ извилинами, пробираясь между деревьями; то и дѣло приходилось уклоняться отъ вѣтвей.

Затѣмъ мы наткнулись на большое болото, поросшее частымъ камышомъ. По берегамъ его тополя были свѣжѣе и густолиственнѣе. Къ нашему удивленію, здѣсь оказались слѣды людей и лошадей, и остатки костра. Ясно было, что мы достигли тѣхъ мѣстъ, гдѣ долоны весною пасутъ свои стада, а жители Мараль-баши берутъ топливо.

Скоро путь намъ преградилъ узкій длинный протокъ, вытекающій изъ болота, черезъ который намъ и надо было перебраться. Одинъ изъ людей разулся и пошелъ вбродъ, указывая дорогу. Дно было изъ твердой глины, сдерживавшей верблюдовъ. Дальше болото перешло въ длинное озеро, тянувшееся къ сѣверу. Мы пошли по берегу его. Довольно высокіе барханы круто спускались въ чистую голубую воду неглубокаго озера, изобиловавшего гусями.

Лѣсъ былъ по прежнему частъ, и намъ иногда приходилось давать крюку, чтобы не завязнуть въ чащѣ и выбраться на болѣе просторное мѣсто. Большею частью мы, однако, придерживались берега, гдѣ открывались намъ между деревьями чудеснѣйшія панорамы. Свѣжая весенняя зелень рѣзко выдѣлялась на фонѣ голубого озера. Вдали ландшафтъ окутывался дымкой тумана.

Ширина озера, казалось, не превосходила нѣсколькихъ километровъ; къ сѣверу и къ югу оно еще суживалось, происхожденіемъ же, вѣроятно, было обязано какому нибудь рукаву Яркендъ-дарья. Во время лѣтняго половодья оно, должно быть, переполняется водой. Зимой въ немъ также сохраняется порядочное количество воды, которая замерзаетъ. Весною ледъ таетъ, а лѣтомъ озеро получаетъ большой притокъ воды изъ рѣки. По прибрежнымъ барханамъ видно было, что прошлою весною уровень воды въ озерѣ былъ на цѣлый метръ выше, нежели теперь.

Оставивъ озеро по лѣвую руку, мы заѣхали въ чащу

камыша, въ человѣческій ростъ вышиной. Верблюды пролагали себѣ путь съ трескомъ и хрустомъ; только съ высоты верблюда и можно было видѣть кругомъ.

Потомъ опять попали въ лѣсъ, да такой частый, что меня нѣсколько разъ чуть не сбросило съ сѣдла вѣтвями тополей; пришлось слѣзть и идти пѣшкомъ. Въ засохшемъ молодомъ лѣсочкѣ мы и совсѣмъ завязли. Люди должны были прорубить просѣку топорами. Съ большимъ трудомъ и потерей времени удалось намъ, наконецъ, выбраться на ровное открытое мѣсто, гдѣ мы и разбили лагерь на одинокомъ барханѣ, рога котораго указывали на югъ и на юго-западъ.

Чтобы узнать, нѣтъ-ли тутъ гдѣ неподалеку людей, отъ которыхъ можно было-бы получить свѣдѣнія, мы разложили у подошвы бархана большой костеръ изъ сухихъ тополевыхъ вѣтвей. Пламя бросало отвѣтъ далеко вокругъ, но людей не приманило. Утомленные дневнымъ переходомъ (25.5 килом.) мы рано улеглись на покой. Верблюдамъ жилось пока, какъ нельзя лучше; ни одного дня не пришлось пробыть безъ свѣжаго корма и воды.

19 апрѣля. Снимаясь съ лагеря и разобравъ палатку, мы нашли подъ ковромъ скорпіона, четырехъ сант. въ длину, который отчаянно завилалъ хвостомъ, когда его потревожили. Люди были такъ изнурены трудными переходами послѣднихъ дней, что сборы шли очень медленно, и мы выступили въ путь позже 9 час. утра.

Теперь мы направили путь къ небольшому кряжу, ясно выступавшему на востокъ; онъ все понижался по направленію къ юго-востоку и, наконецъ, исчезалъ въ туманѣ. На сѣверѣ тоже виднѣлась гора. Согласно моему маршруту, это былъ кряжъ около Мазара-алды. Между этими двумя кряжами вьется Яркендъ-дарья, но ея мы не видѣли отсюда.

Сегодня сдѣлали лишь 12.4 килом.; дорога шла по степной мѣстности, изобиловавшей оврагами и болотами. Кряжъ вырисовывался все яснѣе и оказался сильно разрушеннымъ вывѣтриваньемъ; на сѣверныхъ склонахъ возвышались песчаные барханы, довольно значительной высоты. У сѣверной подошвы лежало нѣсколько маленькихъ озеръ съ прѣсной водой, отдѣленныхъ другъ отъ друга длинными перешейками. Протокъ, впадавшій въ самое большое изъ нихъ, свидѣтельство-

валъ, что они питаются водой изъ рѣки, и лѣтомъ, по всей вѣроятности, сливаются въ одно большое озеро.

Сначала мы направились между озерами и кряжемъ къ востоку, потомъ къ сѣверо-востоку, обогнули отрогъ кряжа и разбили лагерь на берегу озера, подъ тѣнью густолиственныхъ тополей. Отрогъ этотъ лежалъ совершенно изолированно.

Закололи вторую овцу, и собаки, давно постившіяся на одномъ хлѣбѣ, опять полакомились кровью и внутренностями. Какой-то соколъ очень заинтересовался курами, но его спугнули неудачнымъ выстрѣломъ.

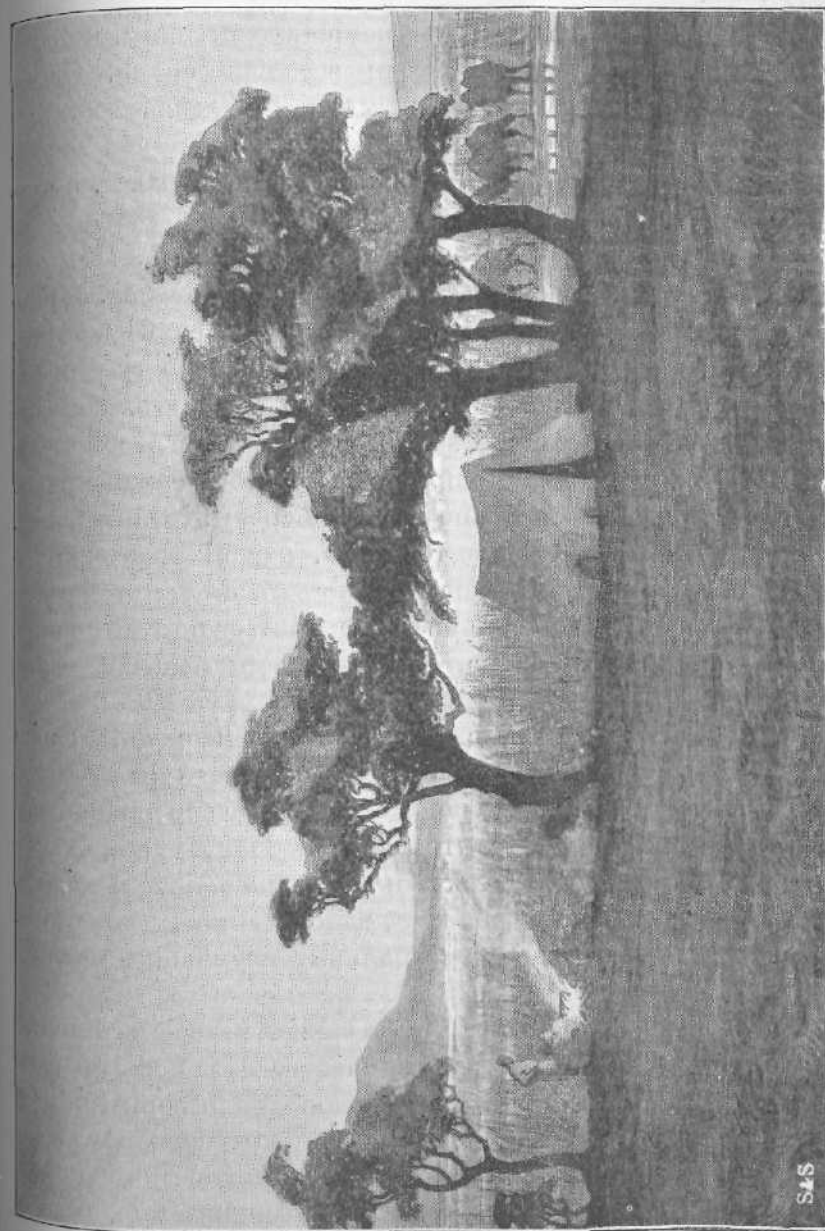
20 апрѣля. Мѣсто стоянки слишкомъ располагало къ отдыху, чтобы мы не разрѣшили себѣ пробыть здѣсь еще денекъ. Жара стояла ужасная, хотя всю ночь и все утро дулъ свѣжій вѣтеръ съ NO. Инсоляція доходила до 63.5° , и песокъ въ два часа пополудни нагрѣлся до температуры 52.7° . Жажда въ такую жару прямо непреодолима и пьешь черезъ каждые полчаса. Чтобы нѣсколько охладить воду въ желѣзныхъ кувшинахъ, ихъ обвертываютъ мокрой парусиной и вѣшаютъ на дерево противъ вѣтра.

Исламъ-бай пошелъ на охоту и убилъ на озерѣ пару гусей, но не могъ достать ихъ. Остальные люди спали. Я прогулялся на вершину ближайшаго холма, гдѣ жилы порфира прорѣзываютъ ту-же горную породу, что и въ массивѣ около Мазаръ-алды. Видъ открывался великолѣпный. На WSW виднѣлись два озера, мимо которыхъ мы проходили вчера; въ ихъ спокойномъ лонѣ ясно отражались окружающія ихъ горы со склонами, одѣтыми пескомъ. На W 32° N рисовался кряжъ Мазаръ-алды, а между нимъ и нашимъ лагеремъ и дальше по направленію NO разстилалась сочная, сырая, болотистая равнина.

На востокѣ также виднѣлся кряжъ, а на югѣ цѣлый хаосъ небольшихъ вывѣтрѣлыхъ вершинъ кряжа, находившагося возлѣ нашего лагеря. Дальше къ сѣверу равнина отливала то желтымъ, то зеленымъ цвѣтомъ отъ тополей и камыша, самый холмъ — лиловымъ, а поверхность воды голубымъ.

Пока я сидѣлъ на вершинѣ холма, наслаждаясь вечернею прохладой и чудеснымъ видомъ, вѣтеръ понемногу улегся, солнце сѣло, и окрестность заволоклась дымкой тумана. Стояла полная тишина; слышалось только жужжаніе мошекъ и кома-

ровъ; изрѣдка квакали лягушки, да издали доносился крикъ гусей и позваниванье верблюжьихъ колокольчиковъ въ чащѣ

Напл. бивуакъ около озера Мазаръ-тага.
(Съ рисунка Г. Гамбургера).

камыша. Вообще, это былъ чудесный уголокъ, и я въ полномъ смыслѣ слова упивался жизнью. Какая разница въ сравненіи

съ тѣмъ, что ожидало насъ вскорѣ! Въ теченіе двухъ слѣдующихъ недѣль это мѣстечко стояло въ моей памяти, какъ райскій уголокъ.

Но сумерки въ этихъ мѣстахъ непродолжительны, и время было вернуться въ лагерь. Люди все еще спали. Одинъ Исламъ-бай былъ на ногахъ, занятый приготовленіемъ обѣда для меня: супа изъ баранины, жареной картошки и чая. Термометръ показывалъ 20°, но за ночь понизился до 10.4°, и чувствовалась изрядная свѣжесть.

И около этихъ озеръ мы видѣли слѣды людей. По берегамъ были разбросаны покинутые шалаши изъ камыша, а, продолжая на слѣдующій день, 21 апрѣля, путь дальше къ востоку, между озерами и горнымъ кряжемъ, мы нашли по ту сторону бархановъ дорогу съ ясными слѣдами колесъ арбъ, которые вели черезъ рѣденькій тополевыи лѣсокъ. Открытіе это удивило всѣхъ. Люди думали, что это просто на просто та самая дорога, которая, по рассказамъ, шла по лѣвому берегу Хотанъ-дарьи, но я полагалъ, что это какая-то новая, неизвѣстная еще дорога, ведущая вдоль хребта Мазаръ-тагъ къ упомянутой рѣкѣ. Чтобы удостовѣриться, мы рѣшили отправиться по этой дорогѣ, куда-бы она ни вела. Скоро, однако, слѣды исчезли, самая дорога также, и лѣсъ пресѣкъся.

Мы продолжали путь на юго-востокъ между отдѣльно лежащимъ отрогомъ и кряжемъ, около котораго былъ вчера разбитъ нашъ лагерь. Идти по этой удивительно ровной поверхности съ твердымъ грунтомъ было очень удобно. Верблюды двигались мѣрно, въ тактъ позванивая колокольчиками. Около восточной подошвы кряжа лежало длинное, узкое озеро, на берегу котораго, къ нашему полному изумленію, паслись три лошади.

Надо было розыскать ихъ владѣльца, и двое изъ моихъ людей пошли по свѣжимъ слѣдамъ, которые вели между барханами къ западной подошвѣ горы. Скоро люди вернулись съ однимъ изъ жителей Мараль-баши. Онъ рассказалъ намъ, что время отъ времени прѣзжаетъ сюда добывать горную соль, которую изобилуетъ кряжъ. Соль эта отличнаго качества, и онъ продаетъ ее на базарѣ въ Мараль-баши; такой промыселъ давалъ ему, повидимому, хорошіе барыши.

Мѣстоположеніе Мараль-баши онъ указалъ на сѣверо-

западѣ, и сказалъ, что до него всего два неполныхъ дня пути. Гора, которую мы видѣли въ томъ направленіи, и оказалась, какъ мы предполагали, массивомъ Мазаръ-алды. О дорогѣ на SO и разстояніи до Хотанъ-дарьи онъ ничего не зналъ навѣрное, но слышалъ, что къ югу идетъ сплошной песокъ, воды нѣтъ ни капли, и что пустыню эту называютъ Такла-маканъ.

Мы простились съ одинокимъ путникомъ и продолжали путь къ SSO по твердой безплодной, бездорожной равнинѣ. Кряжъ, бывший у насъ по правую руку, понемногу все понижался къ югу и перешелъ въ гряду бархановъ, которые уходили въ пустыню. Такимъ образомъ оставалось только надѣяться, что восточный кряжъ протянется до Хотанъ-дарьинскаго Мазаръ-тага, какъ это полагалъ и изобразилъ на картѣ Пржевальскій.

Грунтъ былъ теперь глинистый, твердый и сухой, изрѣзанный безчисленными трещинами; лѣтомъ, какъ видно, его заливало. Мы все держались береговой линіи озера. Къ югу оно суживалось, затѣмъ образовывало значительное расширение—болото, которое и заставило насъ сдѣлать большой обходъ. Длинные узкіе заливы, словно пальцы, указывали на югъ, гдѣ небольшое поднятіе мѣстности ставило предѣлъ дальнѣйшему разлитію воды. Замѣчательно, что всѣ эти небольшія озера мы находили какъ разъ у подошвы кряжа. Остановились мы на восточномъ берегу озера.

Предвидя, что это будетъ послѣдняя наша стоянка со свѣжею прѣсной водой, мы рѣшили посвятить весь день 22 апрѣля отдыху. Верблюды и послѣдняя наша овца еще разъ полакомились камышомъ на берегу. Я прошелся на вершину холма, у подошвы которой лежало озеро, и оттуда мнѣ открылся видъ на всю окрестность.

Кряжъ простирался въ юго-восточномъ направленіи, врѣзываясь въ песчаное море пустыни длинной косой. Послѣднимъ же его отпрыскомъ вдали являлся совсѣмъ ничтожный скалистый холмъ, выглядывавшій изъ песку. Болѣе не было видно никакихъ возвышенностей. Мы находились, слѣдовательно, у самой юговосточной точки Мараль-башинскаго Мазаръ-тага, и этотъ маленькій кряжъ не сливался съ Хотанъ-дарьинскимъ Мазаръ-тагомъ.

На SO, S и W разстилалась, насколько хватало взоръ, безбрежная, бесплодная пустыня, и горизонтъ въ этихъ направленияхъ обрисовывался ровною линіею. Подвигаясь въ теченіе слѣдующихъ дней на OSO и на O и не находя никакихъ горъ, мы могли, конечно, предполагать, что продолженіе Мазаръ-тага снова вынырнетъ дальше въ глубинѣ пустыни, или что мы оставили его вправо, но это было мало вѣроятно.

Въ теченіе этого дня отдыха мы и держали между собою совѣтъ. Джолчи увѣрялъ, что отсюда до Хотанъ-дарьи 4 дня пути на востокъ. По лучшимъ русскимъ картамъ, которыя у меня имѣлись, разстояніе это равнялось 120 верстамъ; дѣлая по 20 килом. въ день мы, слѣдовательно, могли пройти этотъ путь въ 6 дней, но уже въ разстояніи двухъ дней пути необходимо было-бы вырыть колодезь, какъ мы это дѣлали въ области Яркендъ-дарьи. Я и приказалъ людямъ запастись водой на 10 дней, т. е. наполнить наши резервуары только на половину, чтобы облегчить верблюдамъ путь по глубокому песку.

Съ такимъ запасомъ мы считали себя вполне обезпеченными; его должно было хватить, чтобы напоить верблюдовъ два раза въ эти шесть дней. Всѣ расчеты казались такими простыми, ясными. Налить въ резервуары воды поручено было Джолчи и Касиму. Они занялись этимъ подъ вечеръ, и я слышалъ, какъ драгоценная влага, булькая, лилась въ водохранилища. Вечеромъ-же привели въ порядокъ всѣ выюки, чтобы утромъ можно было выступить пораньше.

23 апрѣля день выдался жаркій, но верблюды успѣли отдохнуть наканунѣ, и мы сдѣлали 27.5 килом. Сначала мы шли по равнинѣ, покрытой рѣдкой растительностью и простиравшейся на юго-востокъ отъ озера. Много попадалось глиняныхъ конусовъ и террасъ, похожихъ на развалины сакль. Часа черезъ полтора характеръ мѣстности измѣнился. Начали попадаться маленькіе барханы, а еще минутъ черезъ 10 они потянулись непрерывными неправильными грядами; главное направленіе ихъ было NO—SW, а крутыми склонами они были обращены къ S, SW и W.

Высота ихъ равнялась 6—7 метрамъ, и переходъ черезъ нихъ часто былъ крайне затруднителенъ. Люди мои давали этой области названіе „аманъ-кумъ“ (дурной песокъ), „чонъ-

кумъ“ (большой песокъ), или игизъ-кумъ (высокій песокъ), а гребни бархановъ назывались у нихъ „бель“ (перевальт).

Стали также попадаться оригинальныя песчанья образованія. Подобно тому, какъ волны, при встрѣчѣ двухъ теченій, громоздятся другъ на друга, и достигаютъ двойной высоты, такъ и встрѣчные барханы, образованные различными вѣтрами, скрещиваясь, громоздились въ пирамидальныя массы, превышавшія по высотѣ остальную часть бархановъ.

По направленію съ NNO къ SSW тянулся передъ нами увальт изъ гигантскихъ бархановъ, нагроможденіе бархановъ, образовавшееся, можетъ быть, на болѣе высокихъ точкахъ первоначальной поверхности. Трудно было перевалить черезъ этотъ увальт. Верблюды, однако, карабкались удивительно увѣренной, твердой поступью по крутымъ склонамъ, тогда какъ люди безпрестанно скатывались внизъ.

Хотя это нагроможденіе имѣло лишь незначительную относительную высоту, видъ съ вершины открывался широкій. И, если я не поблѣднѣлъ отъ страха, когда мой взоръ потонулъ въ этомъ безбрежномъ морѣ съ гигантскими волнами желтаго песку, то, пожалуй, потому лишь, что я слишкомъ вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, до сихъ поръ всегда ярко сиявшую надъ моей головой. Это песчаное море даже казалось мнѣ бесконечно прекраснымъ; тишина и миръ, царствовавшая здѣсь, возвышали душу. Это было дивное величественное зрѣлище.

„Жажда неизвѣданнаго, неизвѣстнаго“ — вотъ имя той волшебной силы, которая непреодолимо влекла меня въ замокъ царя пустыни, гдѣ ждали меня великія открытія, легендарныя сокровища. „Qui ne risque, ne gagne“ — было всегда моимъ лозунгомъ. Впередъ, безъ страха и сомнѣнія! — шепталъ вѣтеръ пустыни; впередъ! — пѣли караванныя колокольчики. Тысячи тысячъ медленныхъ шаговъ впередъ, къ цѣли, но не одинаго назадъ!

Но скоро барханы стали еще выше, достигая 18—20 метр. надъ уровнемъ поверхности. Пробираться по нимъ становилось очень трудно. Верблюды спускались со скатовъ очень осторожно; разъ только упалъ одинъ изъ несшихъ резервуары съ водой; пришлось его развьючить. Иногда намъ преграждалъ дорогу черезчуръ крутой склонъ; приходилось

останавливаться, брать въ руки заступы и прокладывать дорожку со ступеньками для животныхъ.

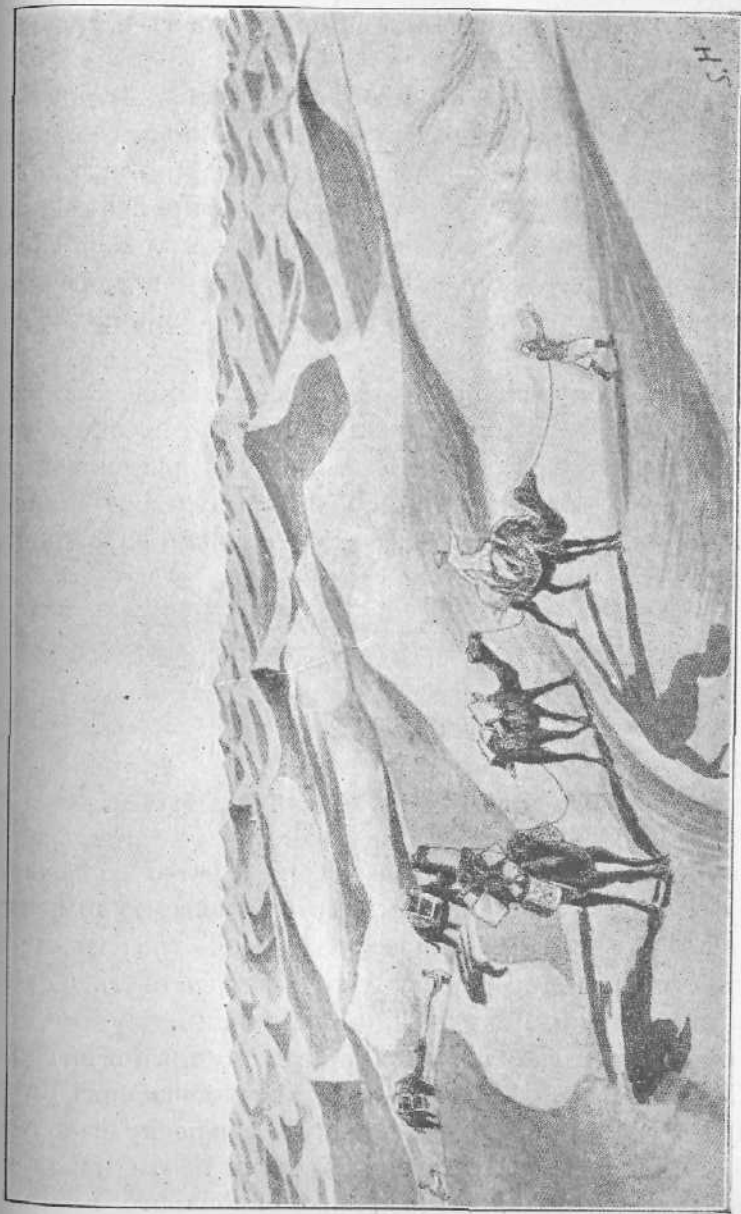
Высота бархановъ дошла, наконецъ, до 25—30 метр. Караванъ, проходившій по краю вершины такого бархана, казался, если глядѣть на него отъ подошвы, совсемъ крохотнымъ. Мы, по возможности, держались одной изогипсы, чтобы не спускаться въ котловины между барханами, почему, разумѣется, и шли зигзагами. Для переваловъ мы выбирали болѣе округленные съ отлогими склонами вершины, но часто приходилось спускаться и съ крутого склона, котораго нельзя было обойти. Всѣ, не отрывая глазъ, слѣдили тогда за движеніями верблюдовъ, которые послѣ минутнаго колебанія начинали спускаться по глубокому рыхлому песку, такъ и осыпавшемуся вслѣдъ за ними, засыпая имъ ноги по колѣна.

Здѣсь уже не было тѣхъ площадокъ съ твердымъ глинистымъ грунтомъ, какія попадались намъ въ первые дни пути; кругомъ былъ одинъ песокъ. Скоро мы оставили за собою и послѣдніе кустики тамариска, еще противостоявшіе жаркому дыханію пустыни. Нигдѣ не виднѣлось ни былинки, ни листика,—одинъ песокъ, желтый, мелкій песокъ. Цѣлыя горы песку тянулись непрерывными грядами насколько хваталъ глазъ, вооруженный полевымъ биноклемъ. Птицы не оживляли болѣе воздушнаго пространства, слѣды газелей и антилопъ тоже исчезли. Временами крайній выступъ косы Мазаръ-тага исчезалъ въ насыщенномъ пылью воздухѣ.

Бѣдныя собаки больше всѣхъ страдали отъ жары въ своихъ теплыхъ шубахъ. Особенно выла, пищала и отставала Хамра. Мы уже съ часъ тщетно искали въ сумеркахъ удобнаго мѣста для привала, когда, наконецъ, увидели небольшую площадку съ твердымъ глинистымъ грунтомъ, на которой росли два послѣднихъ кустика тамариска. Верблюды живо общипали ихъ. Съ этихъ-же поръ животнымъ предстояло довольствоваться кунжутными масломъ и отжимками. Люди начали было рыть колодезь; вырыли яму, глубиною въ 70 савт., но земля все оставалась сухой, и рытье бросили.

Хватились Хамры; ея не было; стали звать, свистать, собака такъ и не явилась. Магометь-шахъ сказалъ, что видѣлъ еще на полпути, какъ она вырыла себѣ ямку въ пескѣ, въ тѣни кусковъ тамариска, и улеглась тамъ. Люди и полагали, что

собака издохла отъ солнечнаго удара. А, можетъ быть, умное животное, соскучась бѣгать по песку, догадалось, что и впереди

Среди песчаного моря.
(Съ рисунка автора).

хорошаго ждать нечего, и разсудило за лучшее повернуть назадъ къ послѣднему озеру, чтобы напиться и выкупаться тамъ,

а затѣмъ вернуться къ Мараль-баши. Чтобы попасть туда, собакѣ, однако, предстояло переплыть Яркендъ-дарью. Прибывъ въ Кашгаръ, я наводилъ о ней справки, но она, какъ въ воду канула. Джолданъ остался намъ вѣренъ и палъ жертвою своей преданности.

Съ какимъ-то страннымъ, необъяснимымъ чувствомъ разбили мы нашъ первый лагерь въ самой пустынной, бесплодной изъ всѣхъ пустынь свѣта. Люди мало разговаривали, никто не смѣялся; около огня, поддерживаемаго корнями тамариска, образовался необычайно молчаливый кружокъ. Верблюдовъ привязали на ночь въ самомъ лагерѣ, чтобы они не вздумали уйти назадъ къ озеру, гдѣ, знали, есть хорошій подножный кормъ.

Могильная тишина царствовала кругомъ. Иногда замиралъ и звонъ колокольчиковъ, и слышалось только тяжелое медленное и мѣрное дыханье верблюдовъ. Вокругъ пламени свѣчки въ моей палаткѣ вилось еще нѣсколько заблудшихъ ночныхъ бабочекъ, вѣроятно, занесенныхъ сюда нашимъ караваномъ.

XXIII.

Царство могильной тишины.

24 апрѣля. Я проснулся въ 3½ ч. утра отъ страшнаго западнаго урагана, гнавшаго въ палатку цѣлыя тучи песку и угрожавшаго снести самую палатку. Порывы вѣтра налетали со всѣхъ сторонъ, такъ какъ лагерь нашъ былъ разбитъ какъ-бы въ котловинѣ, окруженной барханами.

На сѣверѣ возвышался уходящій на востокъ и на западъ песчаный увалъ, южный склонъ котораго падалъ подъ угломъ 31°. Направленіе мелкой ряби на поверхности песку было N—S. Къ югу отъ лагеря возвышался барханъ почти параллельный увалу; уголъ паденія сѣвернаго склона этого бархана равнялся 10°. Крутые склоны вообще были обращены къ югу и къ западу; отлогіе же къ востоку и сѣверу, что, разумѣется, представляло крайне невыгодныя для насъ условія.

Несмотря на ураганъ, небо оставалось совершенно яснымъ; впрочемъ, это былъ западный вѣтеръ, а пыльнымъ туманомъ сопровождается лишь восточный. День стоялъ жаркій, но вѣтеръ нѣсколько прохладилъ. Вокругъ насъ крутились песчаные смерчи, иногда окутывая насъ сплошнымъ облакомъ. Высота ихъ вдвое превосходила человѣческій ростъ. Воздушная синева надъ головой сохраняла свой яркій цвѣтъ, и солнце пекло безпрепятственно; горизонтъ-же былъ окутанъ въ желто-огненный туманъ отъ летучаго песку, набивавшагося всюду, и въ ротъ, и въ носъ, и въ уши. Онъ проникалъ даже сквозь одежду, и въ тѣлѣ ощущался неприятный зудъ, къ которому, впрочемъ, скоро привыкаешь.

Туманъ, заволакивавшій горизонтъ, былъ для насъ всеѣмъ не кстати, такъ какъ часто ставилъ насъ въ затрудненіе относительно выбора направленія. Для насъ удобнѣе было-бы, еслибъ наоборотъ зенитъ тонулъ въ туманѣ, а горизонтъ оставался чистъ. На вершинахъ бархановъ мы могли наблюдать, какъ летучій песокъ подымался на самомъ краю, словно бородака пера, раздуваемая вѣтромъ, какъ мелкія песчинки плясали съ минутой по вѣтру и затѣмъ ложились на подвѣтренную сторону, образуя на поверхности бархана мелкую красивую рябь.

Тѣмъ неприятнѣе было, когда наши головы оказывались въ уровень съ этой песчаной мятелицей. Зажмуривъ глаза, плотно сжавъ губы, опустивъ голову, проѣзжаешь сквозь это облако песку, сыплющагося въ уши, и затѣмъ стряхиваешь съ себя песокъ, насколько возможно. У меня былъ съ собой большой запасъ очковъ-консервовъ съ темными предохранительными сѣтками, и они отличногодились намъ теперь, хотя самый мелкій песокъ и проникалъ сквозь сѣтки.

Западный вѣтеръ представляетъ здѣсь всетаки то преимущество, что способствуетъ уравниенію поверхности, сглаживаетъ крутые склоны бархановъ, перебрасывая песокъ черезъ гребень на восточную сторону. Одинъ ураганъ, конечно, не могъ выполнить этой гигантской работы, но всетаки нѣсколько облегчилъ намъ путь.

Люди выступили сегодня въ путь, питая надежду набрести до вечера на мѣстечко, гдѣ барханы будутъ не такъ высоки, и гдѣ найдется грунтовая вода, а, можетъ быть, даже под-

ножный кормъ и топливо. Но вмѣсто того песокъ становился все глубже, и мы все больше и больше углублялись въ невѣдомую область. Только разъ барханы дѣйствительно обнаружили пониженіе, не превышавъ 12 — 15 метр., а между ними стали попадаться небольшіе ровные, голые участки, частью покрытые глиной, частью инкрустированные солью.

Первоначально намѣреніемъ моимъ было идти въ юго-восточномъ направленіи, чтобы попытаться узнать, какъ далеко въ пустынь вынырнетъ снова Мазаръ-тагъ. Но мы не видѣли до сихъ поръ и слѣда горъ, и поэтому стали забираться къ востоку, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ сокращали себѣ путь къ Хотанъ-дарьѣ.

Исламъ-бай сталъ нашимъ лопманомъ и исполнялъ свою обязанность превосходно. Легкими шагами шелъ онъ далеко впереди каравана съ компасомъ въ рукахъ. Иногда онъ исчезалъ внизу за барханами, но затѣмъ опять показывался на вершинѣ. Караванъ медленно двигался по его слѣдамъ, которые шли зигзагами между вершинами, соединявшимися иногда посредствомъ небольшихъ поперечныхъ бархановъ, представлявшихъ довольно сносные переходы.

Всѣ падали духомъ, когда Исламъ вдругъ останавливался, всходилъ на пирамидальную вершину бархана и, приставивъ руку къ глазамъ, высматривалъ перевалъ или проходъ. Мы понимали тогда, что путь становится все труднѣе. Иногда Исламъ-бай уныло возвращался назадъ и кричалъ: „Хитъ йоль йокъ! Херь тарафъ яманъ кумъ (нѣтъ дороги; всюду дурной песокъ)!“ Или: „кумъ-тагъ (гора песку)!“ Тогда приходилось дѣлать большіе обходы къ сѣверу или югу, чтобы миновать непроходимое мѣсто.

Люди всѣ шли пѣшкомъ, босые, молчаливые, усталые, вялые отъ жары, мрачные, и часто останавливались, чтобы напиться. Вода имѣла температуру почти 30° отъ непрерывнаго плесканья о раскаленные стѣнки желѣзныхъ резервуаровъ, незащищенныхъ болѣе камышовой прокладкой между ними и переплетомъ ящиковъ. Камышъ давно былъ до чиста вытасканъ верблюдами. Но и такую воду пили съ жадностью, такъ какъ питье усиливало выдѣленіе пота, и вѣтеръ сильнѣе прохлаждалъ тогда тѣло.

Мы всѣ сбились въ кучу, и караванъ ползъ впередъ

точно улитка. Съ каждой возвышавшейся надъ прочими вершины мы осматривались кругомъ, но кромѣ безжизненного однообразнаго песку нигдѣ ничего не было видно. Барханы громоздились одинъ возлѣ другого. Это было безбрежное море, по которому шли настоящіе горные хребты изъ тонкаго желтаго песку.

Верблюды подвигались еще удивительно твердымъ шагомъ, то взбираясь на крутые склоны, то спускаясь съ нихъ; намъ, впрочемъ, часто приходилось прокладывать для нихъ дорожки заступами. Во время трудныхъ переходовъ черезъ „давацъ-кумы“ (песчаные перевалы), какъ выражались люди, настроеніе духа падало, но когда открывался добрый конецъ пути по ровной долинкѣ — „дере“ — между барханами, всѣ снова оживлялись, подбадривались и восклицали: „Худа каласа!“ (Дастъ Богъ) „Иншалла!“ (съ Божьей помощью) и „Бисмилла!“ (Съ Богомъ). Къ сожалѣнію, скоро передъ нами вставали новыя гряды и тянулись вдаль, насколько хваталъ взоръ.

Мы сдѣлали продолжительный привалъ на высокомъ барханѣ, чтобы оглядѣться и напиться. Напоили и бѣднаго Джолдаша, и овцу, умиравшихъ отъ жажды. Джолдашъ просто съ ума сходитъ, когда дѣло коснется воды. Какъ только ктонибудь дотрагивается до резервуаровъ, онъ ужь тутъ, какъ тутъ, и умильно виляетъ хвостомъ. Последняя овца идетъ за нами неотступно, терпѣливо, какъ собака. Люди очень къ ней привязались и говорятъ, что лучше умрутъ съ голоду, чѣмъ зарѣжутъ ее.

Между тѣмъ верблюды начали уставать, а трудные для перехода мѣста становились все чаще. Если животнымъ случалось упасть на крутыхъ склонахъ, они уже не могли подняться безъ помощи. Одного верблюда, который упалъ, немного не доходя до вершины, пришлось развѣвочить вплоть до сѣдла и общими силами скатить внизъ въ впадину между барханами, 20 м. глубины; лишь тамъ животному удалось встать на ноги.

Пройдя всего 13 килом., мы разбили лагерь на небольшой площадкѣ съ такимъ твердымъ сухимъ грунтомъ, что не стали и пытаться рыть колодезь. Теперь уже нигдѣ не было и слѣда человѣческой жизни. Вокругъ моей свѣчки больше не

порхали ночные бабочки, ни один оборванный вѣтромъ пожелтѣвшій листокъ не нарушалъ угнетающаго однообразія пустыни. Верблюды были привязаны и получили свой скудный ужинъ.

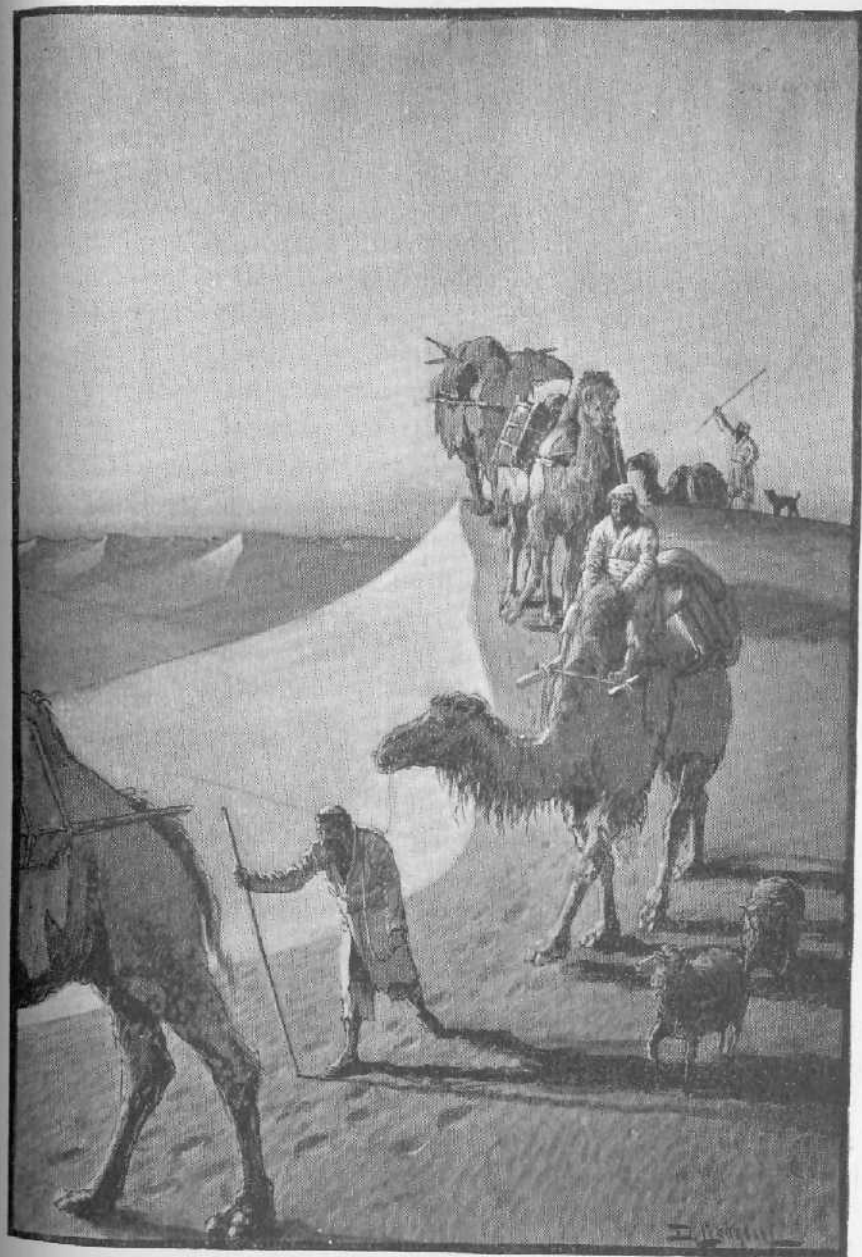
Покончивъ со всѣми хлопотами, люди усѣлись и стали разговаривать о событіяхъ дня и о томъ, что ожидало насъ завтра. Приятно было слушать, какъ Исламъ-бай старался внушить мужество остальнымъ; онъ рассказывалъ имъ о нашихъ прежнихъ приключеніяхъ, о снѣжныхъ сугробахъ въ долинѣ Алая, которые куда хуже песчаныхъ, о ледникахъ Мустагъ-аты и о нашихъ подъемахъ на гору.

25 апрѣля. Вслѣдствіе ясности воздуха минимальный термометръ обнаружилъ пониженіе, давъ за ночь всего два градуса тепла. Утромъ дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, и воздухъ опять пропитался пылью. Поэтому, температура воздуха весь день стояла необыкновенно низкая, и намъ даже въ полдень не пришлось жаловаться на жару. Густая пыльная мгла скрывала отъ глазъ даже ближайшіе барханы.

Терассообразные глинистые участки, между барханами, встрѣчавшіеся крайне рѣдко и избиравшіеся нами, по возможности, мѣстами приваловъ, представляютъ очень оригинальныя образованія. Верхній почвенный слой этихъ участковъ—крайне рыхлая, пористая глина, расположенная горизонтальными слоями и разсыпаящаяся въ пыль, какъ только дотронешься до нея. Слои эти часто образуютъ уступы. На самыхъ участкахъ нѣтъ и слѣда песку или растительности.

Безъ сомнѣнія, слои глины представляютъ аллювіальные отложенія. Быть можетъ, это послѣдніе слѣды высохшаго азіатскаго Средиземнаго моря; терассы указываютъ на различный уровень воды. Большинство площадокъ такихъ терассъ не превосходило палубы брига. Барханы въ своемъ неустанномъ странствованіи надвигаются на нихъ и покрываютъ ихъ пескомъ, сдвигаются и опять открываютъ ихъ, такъ что эти глинистые участки постоянно мѣняютъ свой видъ и положеніе.

Утромъ я сдѣлалъ печальное открытіе. Я замѣтилъ, что вода въ желѣзныхъ резервуарахъ плещется какъ-то подозрительно гулко, и вздумалъ осмотрѣть ихъ. Оказалось, что воды въ нихъ оставалось только на два дня. Я спросилъ людей, по-

Переваль черезъ гребень бархана.

(Съ рисунка Д. Льюгдала).

чему они не исполнили моего приказанія запастись водой на 10 дней, и они отвѣтили, что Джолчи распорядился заготов-

леніемъ воды. Я началъ его упрекать за такое важное упущеніе, но онъ сталъ успокаивать меня, увѣряя, что отъ послѣдняго озера всего 4 дня пути до мѣстности, гдѣ можно опять дорыться до грунтовой воды.

Его показанія совпадали съ указаніями картъ, и я повѣрилъ ему, тѣмъ болѣе, что всѣ его указанія до сихъ поръ оказывались вѣрными. Вообще, всѣ мы были увѣрены, что гдѣ нибудь неподалеку на востокъ или на западъ есть вода, поэтому никто и не заикнулся о возвращеніи къ послѣднему озеру. А между тѣмъ отъ сколькихъ страданій и горестей избавили-бы мы и самихъ себя и тѣхъ, кто безпокоился о нашей судьбѣ, если-бы мы вернулись назадъ!

Пока мы рѣшили расходовать воду возможно бережливо. Я поручилъ по секрету Исламъ-баю не выпускать изъ вида резервуаровъ, въ которыхъ еще оставалась драгоценная влага. Верблюдамъ такъ и не удалось больше удовлетворить своей жажды.

Въ воздухѣ было прохладно, благодаря пыльному туману, въ которомъ смутно рисовались вершины бархановъ какими-то фантастическими тѣнями: желтыми дельфинами съ изогнутыми спинами, чудовищами, которыя словно смѣялись надъ нашей дерзостью. Туманъ вводилъ также въ заблужденіе относительно разстоянія. Часто, напримѣръ, мы нежданно-негаданно оказывались около самой подошвы высокаго бархана, который, благодаря неясности очертаній, казался намъ еще далеко.

Передъ нами возвышалась настоящая горная область съ песчаными плато и нагорьями. Наибольшее скопленіе бархановъ было на сѣверѣ и на югѣ, но самые высокіе шли на востокъ и на западъ. Теперь террасообразные глинистые участки, удостовѣрившіе насъ хотя въ томъ, что у этого песчаного моря есть дно, и подававшіе намъ надежду выбраться изъ него, исчезли окончательно.

Повсюду кругомъ виднѣлся песокъ, сплошной песокъ; дно каждой впадины было также покрыто слоемъ песку. Мы, видимо, находились въ самой худшей части пустыни, и намъ становилось какъ-то жутко.

Я весь день шелъ пѣшкомъ, частью, чтобы побережь моего славнаго „Богру“, частью, чтобы подбодрить людей.

„Баба“ безпрестанно останавливался, обрывая веревку. Онъ какъ будто и не чувствовалъ боли въ губѣ. Наконецъ, онъ легъ и какъ его ни погоняли, не всталъ, пока его не развянули. Шелъ онъ, однако, все медленнѣе, останавливался все чаще, и пришлось его вести за поводъ. Въ концѣ концовъ его вьюкъ раздѣлили между другими верблюдами, и онъ одиноко потащился далеко позади каравана. Видъ крушенія одного изъ кораблей пустыни, безъ которыхъ мы погибли, еще усиливалъ жуткое чувство.

Мы съ нетерпѣніемъ поглядывали на востокъ. Напрасно! Куда ни взгляни—горы песку. Но стоило взяться откуда-то весело жужжавшему около верблюдовъ оводу, чтобы всѣ воспрянули духомъ въ надеждѣ на близость „земли“. Но, вѣроятно, этотъ обманщикъ сопровождалъ насъ давно, притаившись въ шерсти котораго нибудь изъ верблюдовъ.

„Баба“ все задерживалъ насъ, и мы рѣшили остановиться на часокъ, чтобы дать ему передохнуть. Ему дали литръ воды и охапку сѣна изъ его собственнаго вьючнаго сѣдла; онъ проглотилъ все это съ жадностью. Когда сѣдло съ него сняли, на спинѣ у него оказалась открытая рана; большое пожелтѣвшее мясо терлось о неровности изнанки сѣдла. Кромѣ того животное хромало, и языкъ у него совсѣмъ побѣлѣлъ. Жаль было смотрѣть на бѣднягу. Караванъ продолжалъ путь, но Магометъ-шаху пришлось остаться съ „Бабой“, ревъ котораго долго доносился до насъ издали.

Самые высокіе изъ бархановъ, достигали здѣсь 50—60 м. высоты, но дальше они снова понизились до 30—35 м.

„Карга, карга!“ — закричалъ Исламъ-бай, показывая на ворону, которая, покругившись надъ караваномъ, исчезла. Ворона всѣхъ обрадовала; мы разсуждали, что такъ какъ она врядъ-ли изъ одного удовольствія залетитъ такъ далеко въ пустыню, то значить у нея гдѣ нибудь неподалеку гнѣздо, и, слѣдовательно, недалеко-же должна быть вода.

Мы прошли 20 килом., какъ вдругъ „Чонъ-кара“ отказался идти дальше, и пришлось разбить лагерь № 13. Верблюдамъ отдали остатки сѣдла „Бабы“. У насъ оставался еще запасъ сѣна и соломы въ сѣдлахъ остальныхъ шести верблюдовъ.

Мои обѣды становились все проще; я довольствовался

чаемъ, хлѣбомъ и консервами. Люди пили чай, ѣли хлѣбъ и „талканъ“. Насчетъ топлива было туговато; небольшой запасъ, взятый въ дорогу, истощился, и приходилось жертвовать нѣкоторыми менѣе нужными деревянными ящиками.

Вечеромъ составили совѣщаніе. Всѣ оказались того мнѣнія, что до Хотанъ-дарьи самое большее 3 дня пути; кромѣ того мы надѣялись, что еще раньше попадемъ въ полосу лѣса. Въ палаткѣ моей жужжали два комара; занесли-ли мы ихъ сами, или ихъ принесло вѣтромъ изъ близко-лежащаго лѣса?

26 апрѣля. Пока люди были заняты приготовленіями къ выступленію, я на восходѣ солнца отправился пѣшкомъ одинъ къ востоку, чтобы намѣтить дорогу. Съ тѣхъ поръ я и продолжалъ весь путь до Хотанъ-дарьи пѣшкомъ, такъ что не могъ болѣе измѣрять разстоянія шагами верблюда, какъ дѣлалъ вначалѣ. Теперь я считалъ число собственныхъ шаговъ, и это занятіе приковывало мое вниманіе не меньше. Къ тому-же я смотрѣлъ на каждые пройденные 100 шаговъ, какъ на своего рода побѣду, и каждая пройденная тысяча шаговъ подкрѣпляла во мнѣ надежду на спасеніе.

Съ компасомъ и биноклемъ въ рукахъ, я торопливо шагаль прямо на востокъ, такъ какъ въ этомъ направленіи скорѣе всего можно было ожидать встрѣтить рѣку. Скоро лагерь и верблюды исчезли за вершинами дюнь. Одна муха, на которую я взиралъ съ необычною благосклонностью, составляла мнѣ компанію. Не будь ея, я былъ-бы окончательно одинокъ среди этой могильной тишины, этого желтаго моря съ песчаными волнами-барханами, очертанія которыхъ сглаживались и рѣдѣли по направленію къ востоку. Болѣе торжественнаго безмолвія и мира не могло царить даже въ воскресный день на кладбищѣ; для полнаго сходства съ послѣднимъ здѣсь не доставало только крестовъ.

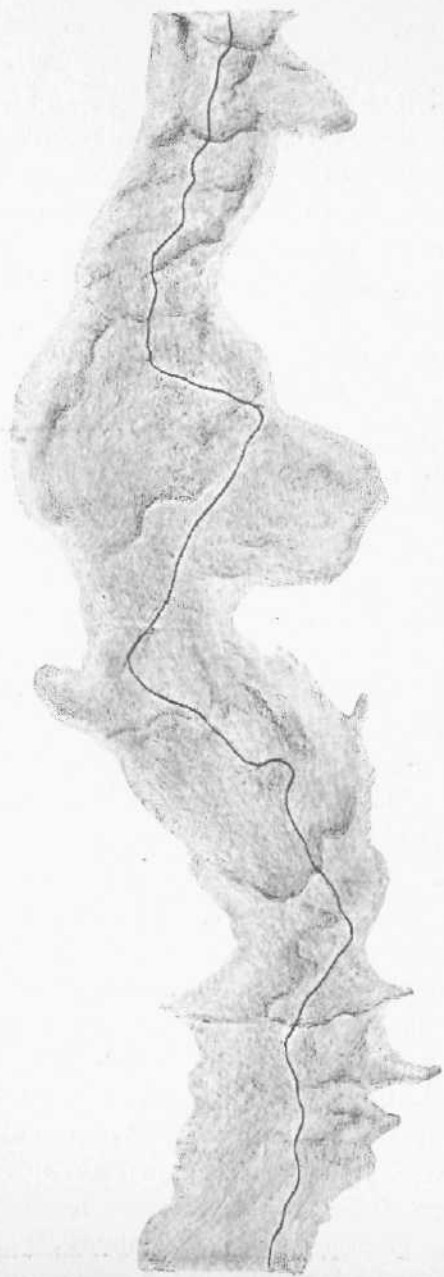
Барханы стали какъ будто пониже. То переваливая черезъ вершины, то обходя ихъ, я старался, по возможности держаться одной изогипсы, зная, что по моимъ слѣдамъ тяжело полетутся верблюды. Отъ NO по направленію къ SW и отъ W къ O тянулись тамъ и сямъ причудливыя, перекрещивающіяся гряды бархановъ.

Положеніе наше оказывалось отчаяннымъ. Барханы скоро

опять достигли высоты 40—50 м. Поглядѣть съ вершины такого гиганскаго бархана внизъ къ подошвѣ подвѣтреннаго склона его—голова кружилась. Эти барханы угрожали намъ медленной, но вѣрной смертью. Онѣ преграждали намъ путь, и намъ приходилось обходить ихъ — другого исхода не было.

Крутые склоны были теперь обращены на востокъ и юго-востокъ, указывая, что здѣсь въ послѣдніе дни господствовалъ юго-западный вѣтеръ. И теперь еще съ сѣверо-запада тянуло свѣжимъ вѣтеркомъ. Время отъ времени порывами вѣтра проносило какіе-то комки растительнаго пуха, а внизъ по склону бархановъ лаялись клубки сбитыхъ, сцѣпившихся, сухихъ репьевъ. Къ несчастью, всѣ эти слабые симптомы растительной жизни обязаны были своимъ проявленіемъ сѣверо-западному вѣтру, и, вѣроятно, исходили изъ областей, оставленныхъ нами позади.

Около полудня я былъ готовъ упасть отъ усталости и маляды; солнце жгло, какъ раскаленная печь. Я не въ силахъ

Часть нашего маршрута между барханами.
(Съ рисунка автора).

былъ идти дальше, но тутъ муха взлетѣла кверху съ такимъ веселымъ жужжаньемъ, что я воспрянулъ духомъ. „Попытайся пройти еще конецъ!“ — шепталъ мнѣ внутренній голосъ. „Доберись хоть до ближайшей вершины, пройди еще хоть тысячу шаговъ! Ты всетаки будешь ближе къ Хотанъ-дарьѣ, свѣжій струи которой, стремясь съ Лобъ-нору, поютъ пѣснь о жизни, о веснѣ, о веснѣ жизни!“

Я прошелъ еще тысячу шаговъ и упалъ на вершинѣ бархана, растянулся на спинѣ и прикрылъ лицо своей бѣлой фуражкой. „Палящее солнце, спиши лучше къ западу, растопить льды на склонахъ Мустагъ-аты, и принеси намъ хоть одинъ кубокъ хрустальной влаги, низвергающейся съ ея голубыхъ ледниковъ!“

Я прошелъ 13 килом. Хорошо было отдохнуть, тѣмъ болѣе, что на вершинѣ бархана было прохладнѣе отъ вѣтра. Я впалъ въ дремоту и забылъ все злополучіе нашего положенія. Мнѣ грезилось, что я отдыхаю на сочной лужайкѣ въ тѣни густолиственного серебристаго тополя, листочки котораго колеблются отъ легкаго вѣтерка. Я слышалъ журчанье и плескъ волнъ о берега; волны подкатывались къ самымъ корнямъ дерева; въ вѣтвяхъ его пѣла птица...

Это былъ чудный сонъ. Я-бы хотѣлъ наслаждаться имъ подольше, онъ уносилъ меня далеко, далеко... Но глухой звонъ караванныхъ колокольчиковъ разомъ пробудилъ меня къ ужасной дѣйствительности. Я приподнялся и сѣлъ. Голова моя была словно налита свинцомъ, глаза слѣпило отъ горячаго блеска желтаго песку.

Верблюды подходили неровною заплетающеюся поступью; глаза ихъ были тусклы, взглядъ покорно равнодушенъ; они, казалось, уже и не помышляли больше о подножномъ кормѣ; дышали они тяжело, и запахъ дыханья ихъ былъ еще неприятнѣе обыкновеннаго. Пришло всего 6 верблюдовъ съ Исламбаемъ и Касимомъ; остальные двое людей остались съ „Бабой“ и „Чонъ-кара“, у которыхъ ноги отказались служить еще въ самомъ началѣ пути. Магометъ-шахъ и Джолчи должны были придти на мѣсто стоянки послѣ, глядя по тому, какъ позволить состояніе больныхъ верблюдовъ.

Теперь характеръ мѣстности снова измѣнился. Между барханами тамъ и сямъ пролегали плоскіе, ровные участки, по-

крытые мелкимъ подвижнымъ матеріаломъ, настоящею пылью, въ которой ноги наши тонули, какъ въ трясинѣ, почему и приходилось тщательно избѣгать такихъ мѣстъ. Въ другихъ мѣстахъ песокъ былъ усѣянъ мелкими острорезерными обломками кремня; камень какъ будто оказывалъ на барханы такое же дѣйствіе, какъ масло на волны морскія: дюны были здѣсь точно приплюснуты, округлены и лишены обычной мелкой ряби на поверхности.

Между двумя барханами мы наткнулись на крайне неожиданную находку: остатки скелета осла или, какъ полагали люди, дикой лошади. Сохранились только кости ногъ, бѣлыя, какъ снѣгъ, и настолько хрупкія, что разсыпались въ прахъ при малѣйшемъ прикосновеніи. Копыта, сохранившіяся лучше всего, были слишкомъ велики, чтобы принадлежать осла, и слишкомъ малы для обыкновенной лошади.

Зачѣмъ попало это животное въ пустыню и какъ давно лежитъ оно здѣсь? — Песокъ пустыни не давалъ на эти вопросы отвѣта. Пожалуй, скелетъ этотъ лежалъ тутъ тысячи лѣтъ, такъ какъ въ послѣдствіи я убѣдился, что мелкій сухой песокъ обладаетъ несомѣннымъ свойствомъ сохранять органическія тѣла. Такимъ образомъ и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что скелетъ этотъ былъ погребенъ подъ пескомъ въ теченіе вѣковъ и обнаженъ, вслѣдствіе передвиженія бархановъ, только недавно.

Всѣ изнемогали отъ усталости и жажды, а мы прошли еще только два съ половиной километра. Привалъ сдѣлали на небольшой твердой глинистой площадкѣ. И здѣсь мы нашли диковинки: бѣлыя, хрупкія раковинки маленькихъ улитокъ, нѣсколько мелкихъ галеокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя представлялись округленными и какъ бы полированными водой, кремней, обломокъ большой двустворчатой раковины и множество трубочекъ извести, подобныхъ известковымъ осадкамъ, образующимся вокругъ стебельковъ камыша.

Магометъ-шахъ и Джолчи добрали до лагеря только въ сумерки, усталые, истомившіеся отъ жажды, опираясь на посохи. Верблюдовъ они бросили на произволъ судьбы, такъ какъ тѣ отказались идти. Оживленные ночной прохладой животныя, однако, дотащились до лагеря около полуночи. Я уже послалъ было за ними одного изъ людей.

Въ лагерѣ въ этотъ вечеръ царило необычайное оживленіе: въ бинокль мы открыли, что къ востоку барханы становятся все ниже; кромѣ того около самого лагеря онѣ имѣли уже только 10—15 м. высоты. Мы могли, слѣдовательно, надѣяться, что завтра выйдемъ изъ полосы „чонъ-кума“ и, можетъ быть, даже разобьемъ лагерь въ лѣсахъ Хотанъ-дарьи! Эта радостная мысль оживила всѣхъ.

Моей палатки больше не разбивали. Намъ надо было беречь свои силы. Всѣ спали подъ открытымъ небомъ. Джолчи продолжалъ сторониться другихъ и говорилъ только, когда къ нему обращались съ прямымъ вопросомъ. Видъ у него былъ ехидный, и на душѣ становилось легче, когда онъ не попадался на глаза.

Чаще всего въ теченіе дня слышалось слово „яманъ“ (худо). Но иногда давалъ себя знать и юморъ—юморъ приговореннаго къ повѣшенію, какъ говорится на сѣверѣ. Такъ, напримѣръ, когда мы проходили по кремнямъ, кто-то изъ людей совѣтовалъ другимъ поискать золота. И вообще, какъ-бы ни приходилось худо днемъ, всѣ подбадривались, когда предстояло сдѣлать привалъ: ночь съ ея прохладой и отдыхомъ отъ трудовъ и разбитыхъ надеждъ дня всегда была желаннымъ другомъ, печалиться же о завтрашнемъ днѣ мало было толку.

Около шести часовъ вечера мнѣ вдругъ пришло въ голову—не попробовать-ли все-таки вырыть колодезь? Исламъ-бай и Касимъ изъявили живое сочувствіе моему плану, и, пока первый готовилъ мнѣ обѣдъ, второй немедленно взялся за дѣло. Онъ засучилъ рукава, поплевалъ на руки и принялся рыть „китменемъ“, сартекимъ заступомъ, сухую, скрипящую подъ ударами глину, распѣвая пѣсню.

Когда къ намъ присоединились и остальные двое людей, всѣ трое стали рыть по очереди. Джолчи на мое обращеніе къ нему презрительно разсмѣялся и отвѣтилъ, что, конечно, вода тамъ внизу есть, но только на глубинѣ 30 кулачей (саженей). Его, однако, пристыдили, и онъ принялся работать съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, что смѣшанная съ пескомъ глина стала на глубинѣ одного метра сыроватою.

Это открытіе оживило насъ всѣхъ. Я наскоро проглотилъ свой обѣдъ и поспѣшилъ съ Исламъ-баемъ къ колодезю. Теперь мы стали работать всѣ пятеро. Касимъ рылъ такъ, что заступъ

визжалъ. Скоро землекопъ скрылся въ ямѣ съ головой, и ему стало неудобно выбрасывать песокъ на поверхность. Привязали веревку къ ручкѣ ведра и спустили ведро въ яму. Одинъ изъ остальныхъ подымалъ и опораживалъ ведро по мѣрѣ надобности. По краямъ колодца образовался понемногу высокій валъ изъ вырытаго матеріала, и я старался разгрести его по поверхности, чтобы расчистить мѣсто пошире.

Работа началась въ 6 ч. Температура воздуха равнялась еще 28.6° Поверхность почвы была нагрѣта до 26.8. На глубинѣ 1.05 м. смѣшанная съ пескомъ глина имѣла температуру 16.6°, а на 1.54 м. 12.4° и оказывалась иногда съ примѣсью красновато-бурой желѣзистой примазки, должно быть остатками нѣкоторыхъ разновидностей сгнившихъ растений. Камней-же не попадалось совѣмъ.

Славно, прохладно было растянуться на вырытомъ пескѣ. Вода въ послѣднемъ желѣзномъ резервуарѣ сохраняла еще температуру 29.4°, но стоило закопать кувшинъ съ водой въ этотъ песокъ, и вода дѣлалась прохладной и освѣжающей.

Песокъ, хотя и медленно, становился все сырѣе. Джолчи полагалъ, однако, что до воды было еще далеко. На глубинѣ 2 метровъ вырытый матеріалъ оказывался уже настолько сырымъ, что изъ него можно было лѣпить колобки, и руки отъ прикосновенія къ нему становились влажными. Какъ приятно было прижаться къ нему пылающимъ лбомъ!

Такъ прошло часа два. Люди устали. Потъ катился по ихъ обнаженнымъ спинамъ. Они все чаще и чаще дѣлали передышки и утоляли жажду глоткомъ воды. Въ этотъ вечеръ мы пили, не мучась угрызениями совѣсти, въ надеждѣ на колодезь, который долженъ былъ пополнить наши пустые резервуары.

Тѣмъ временемъ стемнѣло; въ стѣнахъ колодца сдѣлали углубленія, и въ нихъ вставили огарки свѣчей. Инстинктъ привлекъ всѣхъ животныхъ къ краямъ колодца. Верблюды вытягивали шеи, чуя влажность песку, на которомъ распростерся Джолдашъ. Время отъ времени подходили навѣдаться и куры.

Съ отчаяннымъ напряженіемъ продолжали мы работать—ради спасенія нашей жизни. Надежда на спасеніе придавала намъ силы. Мы не хотѣли сдаваться и готовы были, коли на то пошло, оставаться здѣсь и рыть весь слѣдующій день.

Мы какъ разъ говорили объ этомъ, стоя вокругъ зяющей ямы и глядя на Касима, который былъ на днѣ ея; его обнаженная до пояса фигура, слабо освѣщаемая свѣтомъ огарковъ, принимала какія-то фантастическія очертанія. Вдругъ онъ внезапно пересталъ рыть, выпустилъ заступъ изъ рукъ съ какимъ-то сдавленнымъ крикомъ и словно окаменѣлъ.

—Что такое? что случилось?—съ изумленіемъ спрашивали мы всѣ.

—Курукъ-кумъ (сухой песокъ)!—раздался голосъ, какъ будто выходявшій изъ могилы...

Нѣсколько ударовъ заступомъ убѣдили насъ въ томъ, что песокъ дѣйствительно вдругъ сталъ сухимъ, какъ трутъ. Предательская влажность объяснялась, можетъ быть, ливнемъ, или растаявшимъ тутъ зимою снѣжнымъ сугробомъ. Настоящей причины ея мы не знали, песчаные барханы не выдали намъ своихъ тайнъ. Глубина вырытаго колодца достигала 3.13 м., температура въ ямѣ на этой глубинѣ равнялась 11.2°.

Только теперь почувствовали мы, что устали, и что понапрасну потратили столь нужныя намъ силы. У насъ просто руки опустились; всѣми овладѣло мрачное, тяжелое настроеніе. Избѣгая глядѣть другъ на друга, мы печально побрели каждый къ своему ложу, чтобы забыться тяжелымъ долгимъ сномъ отъ удручающихъ разочарованій дня.

Но прежде, чѣмъ лечь, я имѣлъ съ глазу на глазъ совѣщаніе съ Исламъ-баемъ. Мы не скрыли другъ отъ друга одолевавшихъ насъ заботъ, но условились до конца не падать духомъ и поддерживать бодрость духа въ остальныхъ. До Хотанъ-дарьи, согласно картамъ, было уже недалеко, но, гѣмъ не менѣе, намъ слѣдовало приготовиться ко всему худшему.

Трое остальныхъ уже спали, когда мы освидѣтельствовали послѣдній резервуаръ съ водою. Тамъ оставалось воды на одинъ день. Надо было беречь ее, какъ золото. Да, если-бы мы только могли купить воды еще на одинъ день, мы отдали-бы за нее весь нашъ запасъ китайскаго серебра.

Послѣдній остатокъ воды надо было раздѣлить на порціи по каплямъ. Тогда являлась возможность протянуть еще три дня. На каждыя приходилось въ такомъ случаѣ по два стакана въ день. На долю верблюдовъ, не получавшихъ въ теченіе

ніе послѣднихъ трехъ дней ни капли воды, и нельзя было удѣлить ничего. Джолдашу и овцѣ до сихъ поръ выдавали по чашкѣ воды въ день, такъ что они были еще молодыми.

Наконецъ, улеглись и мы, а терпѣливые, кроткіе, какъ жертвенные ягнята, верблюды все стояли въ тщетномъ ожиданіи около зяющаго пустого колодца.

XXIV.

ВОДЫ НѢТЬ!

На восходѣ солнца 27 апрѣля для верблюдовъ было сдѣлано все, что только возможно было, чтобы поддержать въ нихъ силы еще хоть на короткое время. Изъ одного выючнаго сѣдла было вытащено все сѣно и разложено передъ ними. Они съѣли сѣно съ жадностью и стали искать воды. Мы помочили имъ губы и дали по глотку промочить горло. На десертъ-же они получили цѣлый мѣшокъ стараго хлѣба съ кунжутнымъ масломъ. На мѣстѣ стоянки были брошены печка, моя походная кровать, коверъ и другіе менѣе важные предметы.

Наскоро выпивъ чаю, я поспѣшилъ отправиться впередъ, по тому же направленію на востокъ. Я сгоралъ отъ нетерпѣнія выбраться на ровную дорогу, — барханы стали ниже, достигая лишь 10 метр. высоты. Я, однако, замѣтилъ, что бурая подпочва, проглядывавшая тамъ и сямъ между барханами, обнаруживаетъ слабую неровность. Меньшая высота бархановъ, слѣдовательно, могла объясняться волнистостью первоначальной поверхности почвы, — песокъ меньше скоплялся на возвышенностяхъ, нежели вокругъ нихъ.

Предположенія мои сбылись. Черезъ часъ я опять былъ окруженъ высокими труднопроходимыми барханами. Крутые склоны обращены были къ востоку и югу; самые маленькіе барханы лежали на N и S или NO — SW. Самыя-же крупныя нагроможденія песку тянулись съ востока на западъ.

Ни слѣда жизни, ни кустика тамариска на горизонтѣ, ничего, что указывало бы на близость „земли“! У меня просто

голова кружилась среди этого пустынного моря песку. Вооружась биноклемъ, я напрягалъ зрѣніе и высматривалъ съ вершины каждаго высокаго бархана — не покажется-ли на горизонтѣ темная полоса лѣсовъ Хотанъ-дарьи; нѣтъ, ничего!

Спускаясь по одному склону, я увидалъ какой-то предметъ, похожій на корень. Я наклонился, чтобы ощупать его, но предметъ вдругъ побѣжалъ. Это оказалась ящерица одного цвѣта съ пескомъ. Она скрылась въ маленькомъ отверстіи въ утрамбованной поверхности бархана. Чѣмъ она жила тутъ? Неужели она никогда не нуждалась въ каплѣ воды?

День выдался прекрасный; небо было затянуто легкими облачками, и жара не особенно донимала, такъ что и выдѣленіе пота было менѣе обильно, чѣмъ обыкновенно. Черезъ три съ половиной часа меня нагналъ нашъ караванъ, который весь день шелъ бодро. Магометъ-шахъ съ двумя больными верблюдами опять отсталъ.

Завидѣли двухъ гусей, летѣвшихъ на значительной высотѣ по направленію къ сѣверо-западу. Они снова оживили наши надежды, такъ какъ мы рѣшили, что они летятъ съ Хотанъ-дарьи къ маленькому озерку у подошвы кряжа. Это былъ собственно самообманъ съ нашей стороны: если гуси летятъ высоко, то, значитъ, предприняли дальній перелетъ, да и что для нихъ перелетѣть черезъ пустыню, въ 300 верстъ въ поперечникѣ?

Съ часъ я опять ѣхалъ на своемъ славномъ „Богрѣ“, безропотно принявшемъ такое увеличеніе своего груза. Я чувствовалъ ужасную усталость, но, когда замѣтилъ, что у верблюда дрожатъ колѣни, предпочелъ слѣзть и идти пѣшкомъ.

Барханы въ этотъ день достигли максимальной высоты — 60 метр. Измѣрялъ я высоту ихъ на глазомѣръ слѣдующимъ образомъ: я останавливался въ значительномъ разстояніи отъ крутого склона бархана, по гребню котораго проходилъ караванъ, измѣрялъ высоту верблюда, приставивъ къ глазу карандашъ, на которомъ были отмѣчены маленькія дѣленія, а затѣмъ такимъ-же путемъ измѣрялъ высоту бархана, высчитывая, во сколько разъ она больше высоты верблюда. Верблюды казались просто крошками въ сравненіи съ барханами, походившими на настоящія горы.

Подвигались мы по этимъ гигантскимъ волнамъ не бы-

стро, такъ какъ то и дѣло приходилось дѣлать большіе обходы. Иногда обходы эти вели къ западу, и такимъ образомъ мы теряли понапрасну много шаговъ.

Джолдашъ взвизгивалъ и вылъ, держась поближе къ резервуарамъ, гдѣ остатки воды булькали свою лебединую пѣснь. Когда мы останавливались въ нерѣшимости на нѣсколько минутъ, Джолдашъ начиналъ лаять, визжать и рыть лапами песокъ, какъ бы желая напомнить намъ, что ему страшно хочется пить и что пора-бы вырыть колодезь.

Когда я отдыхалъ, собака садилась передо мною и долго-долго глядѣла мнѣ прямо въ глаза, какъ-бы спрашивая, есть ли еще надежда? Я ласкалъ ее, притворяясь спокойнымъ, и указывалъ рукою на востокъ, — тамъ-де есть вода. Джолдашъ навастривалъ уши, вскакивалъ и кидался по указанному направленію, но скоро возвращался унылый, словно обманутый.

На площадкѣ пирамидальнаго бархана, на вершину котораго вскарабкался съ трудомъ Исламъ-бай, мы сдѣлали долгій привалъ, чтобы дать Исламу время хорошенько изслѣдовать горизонтъ въ бинокль. Ни малѣйшей надежды не далъ намъ этотъ осмотръ. Всюду то-же море съ застывшими песчаными волнами! Куда ни погляди — вокругъ насъ разстилалась мертвая пустыня.

Тѣмъ не менѣе мы рѣшили продолжать путь, пока всѣ шесть верблюдовъ не остановятся, словно по уговору. Случилось это въ 6 ч. вечера на барханѣ, обращенномъ отлогимъ склономъ къ сѣверу, и мы разбили здѣсь лагерь № 15; кругомъ разстилалась все такая же трудно-проходимая мѣстность.

Вскорѣ явился и Магометъ-шахъ, сообщившій, что оба больные верблюда отказались идти еще въ самомъ началѣ пути, и онъ бросилъ ихъ. Одинъ изъ нихъ несъ два дорожныхъ резервуара изъ подъ воды, которые тоже были брошены, а другой шелъ порожнимъ. Будь я тамъ, я бы пристрѣлилъ животныхъ, такъ какъ, по мнѣнію Магомета-шаха, имъ оставалось жить много-много дня два. Онъ, однако, полагалъ, что еслибы мы нашли воду къ вечеру, ихъ еще можно было-бы спасти. Но воды не было и они, значитъ, были обречены на гибель. Можно было только пожелать, чтобы они не мучились слишкомъ долго, одинокіе, брошенные, напрасно ожидая помощи!

Извѣстіе, принесенное Магометомъ-шахомъ, произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Это была моя вина, что погибли невинныя животныя; я несъ отвѣтственность за всѣ ужасныя мгновенія, за всѣ страданія и муки и людей и животныхъ моего каравана! Я не присутствовалъ при оставленіи первыхъ верблюдовъ на произволъ бездушной песчаной пустыни, но сцена эта стояла передъ моими глазами, и я не могъ отдѣлаться отъ нея, она давила меня кошмаромъ по ночамъ, не давала спать.

„Бабу“ Магометъ-шахъ оставилъ уже лежащимъ, но черныя верблюды еще держался на ослабѣвшихъ ногахъ и, вытягивая голову съ прорванными ноздрями, печально глядѣлъ блестящими глазами вслѣдъ уходившему каравану, который мало по малу скрылся изъ вида.

Я представлялъ себѣ, какъ „Чонъ-кара“ затѣмъ медленно повернулъ голову къ своему товарищу и улегся рядомъ съ нимъ. Потомъ они, вѣрно, вытянули шеи и легли головой на песокъ, полузакрывъ глаза и тяжело дыша. Мало-по-малу изнеможеніе все увеличивалось, и они легли на бокъ, вытянувъ ноги.

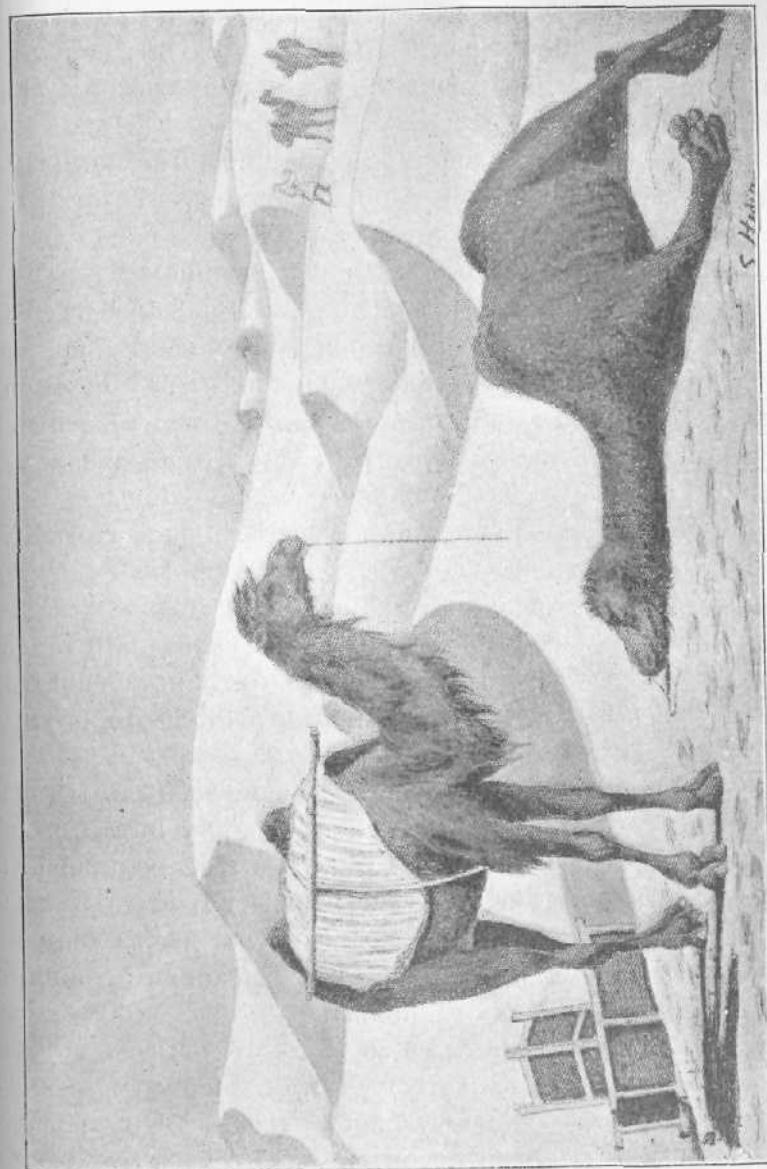
Кровь обращалась въ ихъ жилахъ все медленнѣе и медленнѣе, смертный сонъ овладѣвалъ всѣми членами... Можетъ быть, имъ грезились чудные часы, проведенные въ камышахъ около подошвы Мазаръ-тага! Промежутки между вздохами становились все продолжительнѣе и, наконецъ — дыханье прервалось совсѣмъ.

„Баба“, навѣрно, испустилъ духъ первымъ, — онъ былъ слабѣе. Но какъ долго все-таки тянулась агонія? Этому мы никогда не узнали. Я весь холодѣлъ отъ ужаса при мысли, что, они, пожалуй, прожили еще долго и были заживо погребены смерчемъ, разразившимся черезъ день. Теперь они спятъ вѣчнымъ сномъ подъ движущимися могильными холмами пустыни.

Поздно вечеромъ увидѣли мы на западѣ тяжелыя дождевыя тучи сине-стального цвѣта. Тамъ была вода и жизнь — здѣсь жажда и смерть. Тучи росли и сгущались. Это зрѣлище точно гипнотизировало насъ, приковавъ къ себѣ все наше вниманіе.

Надежда на дождь все росла. Мы выставили пустые ре-

зервуары, растянули на песокъ парусину отъ палатки, а люди приготовились схватиться за концы ея. Мы ждали дождя съ

Первые верблюды, брошенные на произволъ судьбы.
(Съ рисунка автора).

минуты на минуту, но тучи понемногу ушли къ югу, не подаривъ намъ ни капли.

Исламъ-бай въ послѣдній разъ испекъ для меня хлѣба.

Магометъ-шахъ объявилъ, что мы стали жертвами злыхъ духовъ пустыни, т. е. заколдованы и теперь уже не выберемся изъ пустыни. Исламъ-бай съ удивительнымъ спокойствіемъ, точно это было самымъ естественнымъ дѣломъ въ свѣтѣ, замѣтилъ на это, что сперва падутъ одинъ за другимъ верблюды, а потомъ ужъ и мы. Я возразилъ ему, что, напротивъ, увѣренъ въ нашемъ спасеніи.

Джолчи глумился надъ моимъ компасомъ, который-де водилъ насъ за носъ вокругъ одного и того-же мѣста. По его мнѣнію, какіе-бы концы мы ни проходили, все равно дальше не уйдемъ, а только задаромъ будемъ истощать силы, — мы осуждены умереть черезъ нѣсколько дней отъ жажды.

Я попытался разсѣять его опасенія насчетъ компаса. Компасъ показывалъ направленіе вѣрно, и мы все время шли прямо къ востоку; Джолчи могъ самъ убѣдиться въ этомъ по восходу солнца. Тогда Джолчи отвѣтилъ, что пыльная мгла и „чары“ не позволяли даже положиться на солнце.

28 апрѣля мы проснулись при сильномъ ураганѣ съ NNO, взрывавшемъ и крутившемъ песокъ. Желтосѣрые смерчи въ дикой пляскѣ взбирались на барханы, опрометью сбѣгали на подвѣтренную сторону и продолжали тамъ свой дикій танецъ. Бросивъ на вѣтеръ нѣсколько клочковъ бумаги, можно было наблюдать, какъ и ихъ угоняло на подвѣтренную сторону, гдѣ они начинали метаться съ мѣста на мѣсто.

Атмосфера была до крайности насыщена пылью и пескомъ; не видно было даже ближайшихъ бархановъ. Сегодня дѣйствительно невозможно было руководиться солнцемъ: ни одинъ лучъ на небосклонѣ не указывалъ его мѣстонахожденія. Это былъ самый ужасный песчаный ураганъ за все наше странствованіе по пустынѣ, одинъ изъ тѣхъ „кара-бурановъ“, которые превращаютъ день въ ночь.

Мы спали подъ открытымъ небомъ. Ночь была свѣжая. Я лежалъ, завернувшись въ шубу и укутавъ голову башлыкомъ. Несмотря на то, утромъ я оказался буквально зарытымъ въ песокъ. На шеѣ и на груди песокъ лежалъ толстымъ слоемъ, и, когда я всталъ, онъ посыпался мнѣ за рубашку, такъ что пришлось раздѣваться и вытряхивать платье.

Шубы сравняло пескомъ съ поверхностью бархана. Всѣ остальные предметы были также засыпаны, и намъ

стояло немалыхъ трудовъ вырыть посохами погребенныя вещи.

Идти въ этотъ день было очень трудно, — не видно ни зги, неизвѣстно куда и идешь. Зато воздухъ былъ прохладенъ, и вѣтеръ помогалъ забывать жажду.

Сегодня я, разумѣется, не могъ идти впередъ, — слѣды тотчасъ-же заметало. Приходилось держаться вмѣстѣ; потерявъ другихъ изъ виду, невозможно было-бы дать знать о себѣ ни крикомъ, ни ружейнымъ выстрѣломъ, — шумъ урагана заглушалъ всѣ звуки. Различать можно было только самага ближайшаго изъ верблюдовъ, остальные исчезали въ непроницаемой мглѣ. Лишь своеобразный свистъ и шумъ давали знать, что мимо несутся мириады песчинокъ.

Можетъ быть, этотъ-то шумъ и повліялъ на фантазію Марко Поло, заставивъ его описывать ужасы великой пустыни такимъ образомъ: „Иногда голоса духовъ слышны и днемъ; время отъ времени раздаются точно звуки множества различныхъ музыкальныхъ инструментовъ, чаще всего звуки барабановъ. Поэтому путешественники обыкновенно держатся поближе другъ къ другу. Всѣмъ животнымъ-же вѣшаютъ на шею колокольчики, чтобы они не такъ легко отбились. Передъ тѣмъ, какъ расположиться на ночлегъ, ставятъ значокъ, указывающій направленіе завтрашняго пути. Такимъ образомъ переходятъ пустыню“.

Да, тяжелый это былъ для насъ переходъ. Среди дня часто наступалъ полнѣйшій мракъ; большею-же частью вокругъ стоялъ оранжево-сѣрый туманъ. Часто мы чуть не задохнулись отъ летѣвшаго намъ въ лицо песку. Иногда порывы урагана были такъ сильны, что мы принуждены были останавливаться. Мы прятали тогда лицо за верблюдами, которые тоже поворачивались къ вѣтру хвостомъ и опускали голову къ землѣ.

Барханы и не думали становиться ниже, попрежнему преграждая намъ дорогу; едва мы успѣвали перевалить черезъ одинъ гребень, какъ передъ нами вставалъ изъ тумана другой. Одинъ изъ молодыхъ верблюдовъ началъ сдаваться. Ясно видно, когда силамъ ихъ приходитъ конецъ. Поступь становится неровной, спотыкающеюся, глаза пріобрѣтаютъ стеклянный блескъ, нижняя губа отвисаетъ, ноздри расширяются.

Мы какъ разъ взбирались на вершину бархана, когда ураганъ налетѣлъ съ удвоенной яростью. Джолчи велъ умирающаго верблюда въ хвостъ каравана. Восточный склонъ бархана спускался въ долину, гдѣ песокъ на небольшомъ разстояніи образовывалъ ровную поверхность. Тутъ присоединился къ намъ запыхавшійся Джолчи, боявшійся потерять насъ изъ виду. Верблюдъ-же не осилилъ подъема, упалъ, не дойдя до вершины, сразу легъ на бокъ и нельзя было заставить его подняться.

Я командовалъ привалъ и послалъ двухъ людей поглядѣть, что случилось съ верблюдомъ; они на нѣсколько минутъ скрылись въ туманъ, но затѣмъ вернулись, говоря, что и слѣдовъ нашихъ уже не осталось и что они побоялись отбиться отъ каравана. Такимъ образомъ мы потеряли третьяго члена нашего каравана.

Мало-по-малу чувства наши притупились, и мы стали равнодушными къ такимъ потерямъ. Дѣло шло теперь о спасеніи нашей собственной жизни! И, выступая въ путь утромъ, я думалъ обыкновенно: чья-то очередь сегодня отправиться въ послѣдній путь?

Въ 6 ч. мы, пройдя 20.6 килом., сдѣлали привалъ. Послѣ краткаго совѣщанія, мы рѣшили бросить все, кромѣ самаго необходимаго, и я съ Исламомъ-баемъ пересмотрѣлъ весь нашъ багажъ. Запасъ провіанта на 3 мѣсяца: сахаръ, мука, медъ, рисъ, картошка, разная зелень, макароны, консервы—все было разобрано, и лишнее отложено въ сторону. Отложили также нѣсколько шубъ, войлоковъ, подушекъ, книги, большой тюкъ съ газетами, походную кухню, котель, фарфоровую посуду и мн. др.

Уложивъ всѣ эти предметы въ ящики, мы покрыли ихъ циновками и поставили между двумя барханами; на ближайшей высокой вершинѣ, видной издалика, водрузили шестъ, а къ нему вмѣсто флага привязали номеръ шведской газеты. Мы полагали вернуться сюда, если найдемъ воду, поэтому мы вечеромъ нацепали изъ крышки одного изъ ящичковъ десятка два лучинокъ, и къ каждой прикрѣпили по номеру газеты, съ тѣмъ, чтобы втыкать ихъ по дорогѣ на вершинахъ бархановъ. Эти путевые знаки должны были указать намъ путь обратно къ лагерю № 17, гдѣ мы оставили наши ящики.

Запасаясь въ путь консервами, я выбиралъ преимущественно содержація влагу, вродѣ шампиньоновъ, омаровъ,

„Кара-Буранъ“, превращающій день въ ночь.
(Съ рисунка К. Ломоносова).

сардинъ. Люди мои, убѣдившись, что въ моихъ коробочкахъ нѣтъ свиного мяса, охотно лакомились этими деликатессами.

Остатокъ консервовъ и былъ взятъ нами изъ лагеря 17 и съѣденъ въ теченіе слѣдующихъ дней.

Остатокъ воды, около двухъ литровъ, сохранялся въ двухъ желѣзныхъ кувшинахъ. Последнюю пару желѣзныхъ резервуаровъ мы рѣшили взять съ собой на случай, если найдемъ воду. Верблюдовъ удовлетворили, пожертвовавъ еще однимъ сѣдломъ. Но они бѣли неохотно,—у нихъ пересохло въ горлѣ. Я въ послѣдній разъ напился чаю и закусилъ основательной порціей консервовъ.

29 апрѣля. На восходѣ солнца мы выступили въ путь съ б-ью верблюдами, которые еще держались на ногахъ. Исламъ-бай грустно сообщилъ мнѣ новость: одинъ изъ желѣзныхъ кувшиновъ оказался пустымъ. Всѣ подозрѣвали Джолчи, который ночью ползалъ вокругъ и рылся въ темнотѣ. Но доказать его виновности нельзя было.

Наши подозрѣнія увеличались, когда онъ подползъ ко мнѣ, плача и жалуясь на боли въ груди и въ желудкѣ. Мы полагали, что онъ притворяется. Но на мнѣ лежало подавать добрый примѣръ и поддерживать въ другихъ мужество, и я отдалъ ему половину своей порціи. Затѣмъ мы потеряли его изъ вида и только на слѣдующее утро онъ опять присоединился къ каравану.

Путешествіе наше стало безнадежнымъ блужданьемъ, тщетнымъ высматриваньемъ „земли“. Не видно было и признака жизни. Песчаное море казалось не имѣло границъ. Барханы тянулись на сѣверъ и на югъ, а крутые склоны ихъ были обращены къ западу, что еще болѣе затрудняло наше движеніе.

Поглядѣть съ вершины высокаго бархана на востокъ—взоръ упирался въ эти крутые склоны, и казалось, что передъ тобой отлогая лѣстница. На западѣ взоръ, напротивъ, встрѣчалъ отлогіе навѣтренные склоны, и поверхность въ этомъ направленіи казалась почти ровною. Этотъ обманъ зрѣнія способенъ былъ привести въ отчаяніе: казалось, что впереди песокъ громоздится все выше и непроходимѣе. Подвѣтренные склоны бархановъ часто оказывались покрытыми блестящимъ налетомъ мельчайшихъ обломковъ слюдяного сланца, стальпо-сѣраго цвѣта.

Сегодня попались намъ на пути скелетъ полевой мыши и

старый засохшій стволъ тополя; находки эти оживили насъ на мигъ, хотя и не доказывали еще близости воды. Мышь

Переходъ во время „кара-бурана“.
(Съ рисунка ангора).

могла быть занесена сюда птицей, а стволъ былъ безъ корня.

Весь день мы шли по глубокому песку. Подвигались тихо,

колокольчики звонили все медленнѣе. Верблюды изнемогали, но все еще сохраняли свою величественную, спокойную поступь. Пометъ ихъ состоялъ только изъ нѣсколькихъ соломинокъ, такъ какъ они жили теперь по большей части насчетъ запаса жира въ горбахъ и быстро тощали. Видъ ихъ былъ жалокъ; ребра такъ и ощелкнулись. На трехъ оставленныхъ верблюдовъ мы смотрѣли уже, какъ на погибшихъ; если-бы даже „земля“ и вода были теперь близки, ихъ уже нельзя было спасти.

Погода стояла весь день тихая, но воздухъ былъ еще насыщенъ пылью. Люди справедливо говорили, что это просто Божья благодать, что погода въ послѣдніе дни прохладная, — по крайней мѣрѣ мы не страдали отъ солнцепека, иначе верблюды-бы давно пали, да и мы находились-бы на краю смерти.

Я прошелъ подрядъ 12½ часовъ, и мы въ этотъ день сдѣлали цѣлыхъ 27 килом. По прежнему не замѣчалось, чтобы барханы на востокъ рѣдѣли; море песчаныхъ волнъ попрежнему сливалось на краю горизонта съ небомъ, взору не на чемъ было отдохнуть.

30 апрѣля. Минимальный термометръ упалъ за ночь до +5.1°, и даже утромъ было довольно свѣжо. Тонкая пыль все еще носилась въ воздухѣ, но атмосфера всетаки прочистилась на столько, что свѣтлая полоса показывала высоту солнца. Верблюдамъ скормили еще одно сѣдло и весь запасъ масла, такъ что рассчитывали поддержать ихъ силы еще на день.

Въ кувшинѣ оставалось всего два стакана воды. Въ то время, какъ другіе люди были заняты навьючиваньемъ верблюдовъ, Исламъ-бай поймалъ Джолчи, который, стоя спиной къ товарищамъ, приставилъ къ губамъ кувшинъ съ водой. Тутъ произошла одна изъ тѣхъ тяжелыхъ сценъ, которыя неизбежны въ такихъ случаяхъ. Исламъ-бай и Касимъ съ яростью бросились на Джолчи, повалили его, били по лицу, пинали ногами и убили-бы его до смерти, если-бъ мнѣ, наконецъ, не удалось остановить ихъ.

Воды уцѣлѣла половина, около 1/8 литра. Въ полдень я позволилъ людямъ помочить губы, остатокъ-же мы должны были раздѣлить вечеромъ на 5 равныхъ частей. Мы соображали—сколько дней можемъ мы пробыть такимъ образомъ, и Магометъ-шахъ припомнилъ, что онъ много лѣтъ тому на-

задъ цѣлыхъ тринадцать дней то брелъ, шатаясь, то ползъ по безводной дорогѣ въ Тибетъ.

Вотъ опять зазвенѣли колокольчики, и караванъ выступилъ въ путь по направленію къ востоку. Вначалѣ барханы имѣли только 8 метр. высоты, но скоро мы опять очутились среди „чонъ-кума“. Маленькая трясогузка, чирикающая, взвилась надъ караваномъ и зажгла въ насъ новую искру надежды. Исламъ-бай такъ оживился, что просилъ позволить ему отправиться впередъ съ кувшинами, чтобы поскорѣе добыть воды и вернуться къ намъ. Но я не пустилъ его, — онъ былъ мнѣ теперь нужнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и мы двинулись все вмѣстѣ.

Уже въ самомъ началѣ пути мы спохватились, что Джолчи нѣтъ съ нами. Люди полагали, что ему не подъ силу было идти дальше. Все были озлоблены противъ него. Это онъ увѣрилъ, что нужно запасти у послѣдняго озера водой только на четыре дня и ручался, что мы найдемъ въ этотъ срокъ колодезную воду. Люди даже подозрѣвали, что онъ съ самаго начала составилъ себѣ планъ погубить насъ, нарочно завелъ насъ въ такую часть пустыни, гдѣ мы должны были погибнуть, и хотѣлъ еще украсть остатокъ воды, чтобы спасти себя самого, добраться до населенныхъ трактовъ, набрать тамъ шайку такихъ-же золотоискателей и вернуться ограбить оставленные нами сундуки. Нельзя было знать навѣрное, насколько такіе предположенія были основательны, дѣло такъ никогда и не выяснилось.

Я все еще каждый вечеръ дѣлалъ чернилами нужныя отмѣтки въ моемъ дневникѣ, и эти записи и послужили основой для подробнаго описанія этого ужаснаго путешествія. Послѣднія строки, которыя могли буквально стать „послѣдними“, были написаны вечеромъ 30-го апрѣля. Привожу ихъ здѣсь.

„Остановились на вершинѣ высокаго бархана, гдѣ верблюды упали въ изнеможеніи. Мы изслѣдовали въ бинокль всю мѣстность къ востоку: горы песку всюду, нигдѣ ни былинки, ни признака жизни. О Джолчи ни слуха, ни духа. Люди думаютъ, что онъ вернулся къ оставленному нами багажу, чтобы тамъ, питаясь консервами, дожидаться помощи. Исламъ считалъ его погибшимъ.

Утромъ осталось еще около стакана воды. Половину от-

дѣлили, чтобы помочить губы около полудня. Вечеромъ, когда хотѣли раздѣлить послѣдній остатокъ между всѣми, оказалось, что Касимъ и Магометъ-шахъ, которые вели караванъ, выпили его. Всѣ мы, и люди и верблюды слабы до крайности. Боже, помоги намъ!“

Въ теченіе слѣдующихъ дней я набрасывалъ только самыя краткія замѣтки чернильнымъ карандашомъ на сложенномъ листѣ бумагѣ. Но я ни разу не упустилъ записать показанія компаса и число пройденныхъ шаговъ. И первой моей заботой, когда я оправился на берегу Хотанъ-дарьи отъ испытаній послѣднихъ дней, было дополнить на свѣжую память эти краткія замѣтки.

XXV.

Караванъ распадается и гибнетъ.

1 мая. Ночь была холодная; минимальная температура оказалась $-4-2.2^{\circ}$, т. е. самая низкая за все время нашего странствованія по пустынѣ. Воздухъ былъ чистъ, звѣзды сверкали удивительно ярко. Утро обѣщало чудную, ясную и тихую погоду; на небѣ не было ни облачка; ни малѣйшаго вѣянья не проносилось надъ барханами. Вскорѣ по восходѣ солнца стало жарко.

Первое мая! Сколько радости, веселья и прежде всего какое море влаги связано съ представленіемъ о первомъ маѣ! Я старался надѣяться, что этотъ день будетъ праздникомъ и въ отдаленнѣйшей пустынѣ востока. Вѣдь, въ этотъ самый день, годъ тому назадъ, я прибылъ въ Камгаръ, гдѣ нашелъ отдыхъ и уходъ, въ которыхъ такъ нуждался тогда, страдая воспаленіемъ глазъ. Вотъ я и надѣялся, что и нынѣшній годъ 1-ое мая принесетъ съ собой переворотъ въ нашей судьбѣ. И дѣйствительно!

Рано утромъ явился въ лагерь считавшійся погибшимъ Джолчи. Онъ опять ожилъ и не постѣснился увѣрять, что сегодня мы непременно найдемъ воду. Остальные не хотѣли и го-

ворить съ нимъ. Всѣ сидѣли молчаливые, печальные и ѣли старый хлѣбъ, облитый остатками кунжутнаго масла, взятаго для верблюдовъ.

Меня страшно мучила жажда, — накаунѣ я не имѣлъ во рту ни капли воды — я и выпилъ рюмку отвратительной китайской водки, употреблявшейся собственно для аппарата Примусъ. Она обжигала горло, словно сѣрная кислота, но что изъ этого! Все таки въ организмъ было введено немного влаги.

Джолдашъ, увидя, что я пью, подошелъ ко мнѣ и завилалъ хвостомъ. Когда я убѣдилъ его, что это не вода, онъ отошелъ, повѣсивъ хвостъ и жалобно взвизгивая. Люди, къ счастью, не захотѣли отвѣдать водки, и я съ отвращеніемъ швырнулъ бутылку въ песокъ.

Караванъ медленно двинулся въ путь, къ востоку. Силы, между тѣмъ, совершенно покидали меня, и ноги отказывались служить. Звонъ колокольчиковъ раздавался сегодня въ чистомъ, неподвижномъ воздухѣ яснѣе обыкновеннаго. Мы оставили позади себя уже три могилы; сколько воздвигнется ихъ еще на нашемъ пути?

Исламъ-бай шелъ впереди съ компасомъ въ рукахъ. Верблюдовъ вели Магометъ-шахъ и Касимъ. Джолчи шелъ за послѣднимъ верблюдомъ, погоняя его. Я, полумертвый отъ жгучей жажды, шатаясь, плелся далеко позади каравана. Онъ исчезалъ то за однимъ барханомъ, то за другимъ, потомъ опять показывался на вершинѣ. Колокольчики звучали все слабѣе и медленнѣе, наконецъ, звонъ ихъ замеръ вдали...

Я тащился шагъ за шагомъ, падалъ, опять вставалъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять падалъ. Стояла полная тишина; колокольчиковъ не было слышно, но слѣды каравана виднѣлись ясно, и я шелъ по нимъ, все продолжая считать свои шаги. Наконецъ, я завидѣлъ караванъ на привалѣ передъ новой грядой бархановъ. Всѣ пять верблюдовъ легли, истощивъ послѣднія силы. Старый Магометъ-шахъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ песокъ, шепча молитвы и призывая на помощь Аллаха. Касимъ сидѣлъ въ тѣни одного изъ верблюдовъ, закрывъ лицо руками и прерывисто дыша. Онъ сказалъ, что старикъ Магометъ свалился и не можетъ больше сдѣлать ни шагу. Всю дорогу онъ бредилъ, говорилъ о водѣ.

Исламъ-бай ушелъ далеко впередъ. Мы позвали его. Онъ

чувствовалъ себя крѣпче насъ всѣхъ и опять предложилъ поспѣшить впередъ съ кувшинами за водой. Онъ полагалъ, что за ночь можетъ сдѣлать 50 верстъ. Но, увидавъ мою слабость, онъ замолчалъ.

Мы отдохнули съ часъ, и Исламъ сдѣлалъ другое предложеніе: поискать площадки съ обнаженнымъ твердымъ глинистымъ грунтомъ и, собравши остатки силъ, попытаться вырыть колодезь.

Съ помощью Ислама, я съ трудомъ взобрался на бѣлаго верблюда, съ котораго сбросили его вьюкъ: ящики съ боевыми припасами, два европейскихъ сѣдла и коверъ. Но верблюдъ отказался встать.

Намъ стало ясно, что продолжать по солнцепеку это безнадежное блужданіе невозможно. Магометъ-шахъ все бредилъ: то смѣялся, то плакалъ, говорилъ несообразныя вещи и игралъ съ пескомъ, пропуская его между пальцами. Идти онъ не могъ и нельзя-же было бросить его.

Рѣшили оставаться здѣсь, пока жаръ не спадетъ, а затѣмъ продолжать путь, пользуясь вечернею и ночью прохладою. Верблюдовъ оставили лежать, гдѣ они сами расположились, и только освободили ихъ отъ вьюковъ.

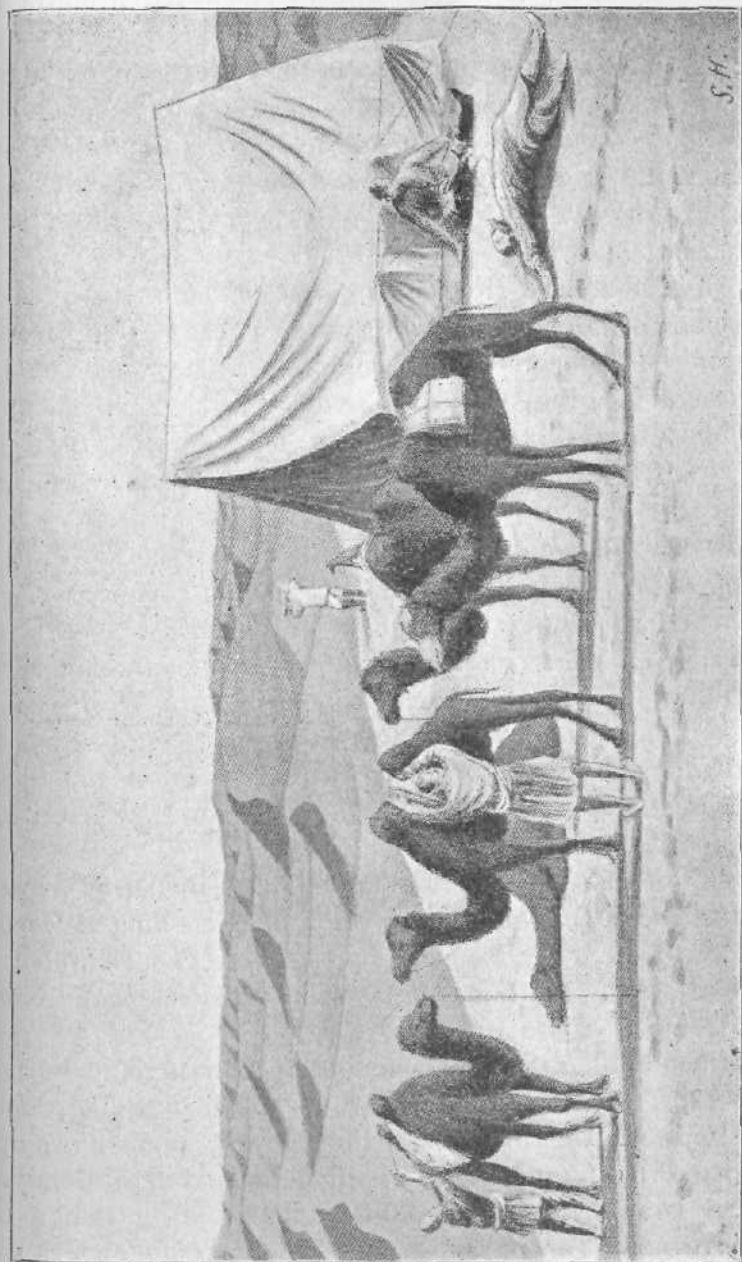
Исламъ и Касимъ еще разъ разбили палатку, внутри которой мы могли найти хоть какую-нибудь тѣнь. Разостлали въ палаткѣ послѣдній нашъ коверъ, пару войлоковъ и положили мѣшокъ вмѣсто подушки. Я въ буквальномъ смыслѣ слова вползъ въ палатку, раздѣлся до нага и растянулся на этомъ ложѣ.

Исламъ и Касимъ послѣдовали моему примѣру; Джолдашъ и овца тоже укрылись въ палаткѣ, Джолчи помѣстился въ тѣни ея у входа, но Магометъ-шахъ остался тамъ, гдѣ лежалъ.

Только куры не падали духомъ, бродили себѣ по солнцепеку, поклевывая вьючныя сѣдла и мѣшки съ провіантомъ.

Мы прошли только 4½ килом. Было всего 9½ часовъ утра, и передъ нами былъ еще весь безконечно долгій день. Никто никогда не ожидалъ солнечнаго заката съ большимъ нетерпѣніемъ, нежели мы, перваго мая 1895 г.

Я совсѣмъ изнемогъ и едва былъ въ состояніи повернуться на своемъ ложѣ. Только теперь на минуту—ни раньше, ни

Послѣдній лагерь.
(Съ рисунка автора).

позже—овладѣло мною отчаяніе. Вся минувшая жизнь промелькнула въ моей памяти, какъ сонъ.

Мнѣ чудилось, что земля и весь шумный, внѣшній міръ

уплываютъ куда-то, а передо мною разверзаются врата вѣчности...

Вспомнился мнѣ родной домъ на сѣверѣ, и сердце мое мучительно сжалось при мысли о той тревогѣ, которая скоро охватитъ всѣхъ моихъ близкихъ, если мы не выберемся изъ пустыни. Они будутъ изъ года въ годъ ждать, ждать и все тщетно. До нихъ не дойдетъ никакихъ извѣстій о нашей судьбѣ, мы сгинемъ безслѣдно.

Правда, консулъ Петровскій, навѣрное, пошлетъ людей на розыски. Въ Меркетѣ они узнаютъ, что мы 10 апрѣля выступили по направленію къ востоку, но слѣды наши давно уже будутъ замечены пескомъ, и нельзя будетъ узнать, куда именно мы направились. Да къ тому времени, быть можетъ, мы и сами-то уже цѣлые мѣсяцы будемъ лежать погребенными подъ пескомъ!

Затѣмъ, въ моей памяти стали проноситься картины изъ моихъ прежнихъ путешествій. Я много лѣтъ странствовалъ по Азій, словно дервишъ. Въ первое путешествіе, десять лѣтъ тому назадъ, я восторгался дворцомъ „Сорока колоннъ“ въ Испагани, прислушивался къ плеску волнъ о мраморные столбы мостовъ Шаха Абасса, вдыхалъ прохладный воздухъ въ усыпальницѣ Кира, позналъ въ храмахъ и галлереяхъ Ксеркса и Дарія въ Персеполиѣ истину словъ пѣвца: „Все прекрасное на землѣ — добыча тѣна“.

Какъ прекрасны тѣнистыя финиковыя пальмы Басры! О, хоть бы нѣсколько капель изъ мутныхъ водъ Тигра! Чего-бы я теперь ни далъ тому водовозу, который за грошъ привозилъ по тѣснымъ улицамъ Багдада цѣлый боченокъ живительной влаги!

Мнѣ вспоминались приключенія, пережитыя въ этой странѣ, гдѣ сказки „Тысячи и одной ночи“ ежедневно становятся дѣйствительностью. Я выѣхалъ изъ Багдада съ караваномъ арабскихъ купцовъ и пилигримовъ, направлявшихся въ Мекку. Въ карманѣ у меня было только 50 франковъ, которыхъ должно было хватить до Тегерана. Однообразіе и медленность путешествія подвергли мое терпѣніе слишкомъ большому испытанію, и я въ одну темную ночь бѣжалъ отъ каравана въ компаніи съ однимъ арабомъ, получившимъ остатки моего капитала.

Усталыя лошади, наконецъ, примчали насъ въ Керман-

шахъ, гдѣ проживалъ одинъ богатый арабскій купецъ, ага Магометъ Гассанъ. Я еще помню, какъ заблестѣли его глаза, когда я сообщилъ, что я изъ страны Карла XII. Онъ готовъ былъ удержать меня у себя въ гостяхъ хоть полгода, но я могъ остаться всего нѣсколько дней. Зато, въ теченіе этихъ дней, я велъ жизнь Нурредина-Али изъ „Тысячи и одной ночи“. Передъ домомъ былъ разбитъ очаровательный садикъ, гдѣ росло множество кустовъ цвѣтущей сирени и благоухающихъ розъ. Дорожки были выложены мраморными плитами, а посреди садика красовался бѣлый мраморный бассейнъ съ хрустальной водой; она била высоко въ воздухъ тонкой струей, блестящей на солнцѣ, какъ нить паутинки. Когда-же я прощался со всѣмъ этимъ великолѣпіемъ, хозяинъ мой сунулъ мнѣ въ руки кошелекъ, набитый серебряной монетой.

Потомъ, какъ живой, всталъ передъ моимъ взоромъ благородный и умный шахъ Насръ-Эддинъ въ осыпанномъ драгоценностями нарядѣ, въ которомъ онъ принялъ меня, посланца короля, въ своемъ дворцѣ въ Тегеранѣ.

Такъ лежалъ я весь день съ открытыми глазами, поднятыми къ бѣлому потолку палатки, съ блуждающимъ въ пространствѣ взоромъ. Только временами взоръ мой мутился, мысли путались, и я погружался въ полузабытѣе. Тогда мнѣ опять грезилась свѣжая, зеленая лужайка, осѣненная серебряными тополями. Какъ горько было всякій разъ очнуться!

Кто-то умереть изъ насъ первымъ, кто, несчастный, останется послѣднимъ? Только-бы ужъ все кончилось поскорѣе, не пришлось бы слишкомъ долго переживать всѣ эти нравственныя и физическія муки! Время шло страшно медленно. Я часто смотрѣлъ на часы, каждый часъ казался мнѣ вѣчностью.

Но что это! Приятною, ласкающею прохладой повѣяло на мое тѣло! Подъ слегка приподнятыя полы палатки потянуло около полудня вѣтеркомъ. Этого было довольно, чтобы прозвѣсти свое дѣйствіе на изнывавшее отъ жары тѣло. Вѣтерокъ все усиливался, и около трехъ часовъ дня стало такъ свѣжо, что я набросилъ на себя кошму.

Тутъ случилось нѣчто похожее на чудо. Силы стали возвращаться ко мнѣ по мѣрѣ того, какъ солнце закатывалось, и къ тому времени, когда оно, похожее на раскаленное пушечное ядро, остановилось надъ вершиной песчаного холма на западѣ,

я успѣлъ вполне оправиться. Тѣло мое обрѣло прежнюю гибкость, я почувствовалъ себя готовымъ идти пѣшкомъ день и ночь, и сгоралъ нетерпѣніемъ отправиться въ путь, — *я не хотѣлъ умирать.*

Я рѣшилъ напрягать въ теченіе слѣдующихъ дней свои силы до послѣдней крайности, идти, тащиться, ползти все прямо на востокъ, еслибы даже все остальные давно погибли. Когда устанешь до смерти, отдыхъ покажется такимъ сладкимъ. Скоро впадешь въ дремоту и уснешь безболѣзненно долгимъ вѣчнымъ сномъ. Одна мысль объ этой дремотѣ искусительна, но теперь она потеряла надо мной всякую власть, — я вспомнилъ о своихъ близкихъ.

Касимъ и Исламъ-бай также оживились съ наступленіемъ вечерней прохлады. Я сообщилъ имъ свое рѣшеніе, и они согласились со мной. Магометъ-шахъ все лежалъ на томъ-же мѣстѣ; Джолчи тоже лежалъ на спинѣ; оба бредили, ни одинъ изъ нихъ не отозвался на наши вопросы. Только въ сумерки Джолчи пришелъ въ себя. вмѣстѣ съ сознаниемъ проснулся въ немъ дикій звѣрь. Онъ подползъ ко мнѣ, сжалъ кулаки и закричалъ глухимъ, свистящимъ и угрожающимъ голосомъ: — Воды, воды, дай намъ воды, господинъ! — Потомъ онъ началъ плакать, упалъ на колѣни и сталъ молить о каплѣ воды.

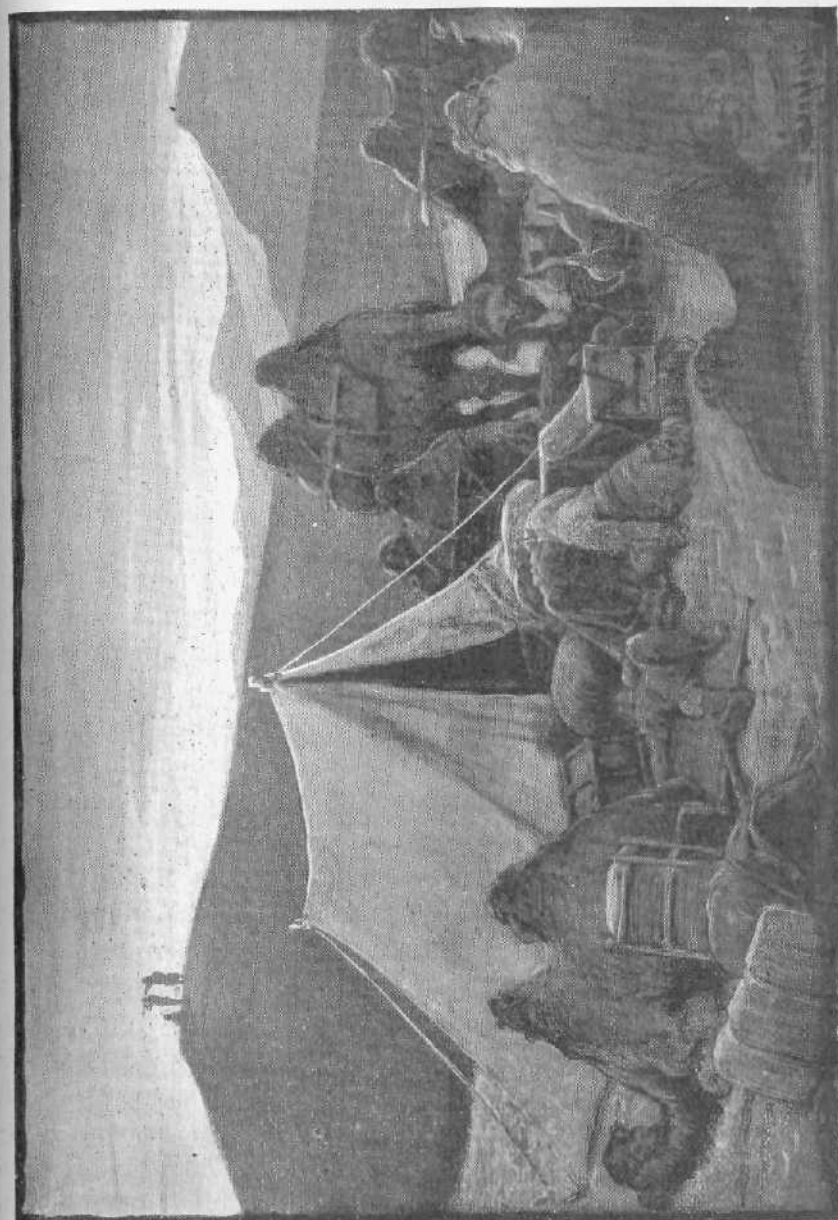
Что могъ я отвѣтить ему? Я напомнилъ ему, что онъ самъ укралъ послѣднія капли, что онъ пилъ послѣднимъ и получилъ воды больше всѣхъ, а потому дольше всѣхъ и долженъ бы теперь крѣпиться. Глухо всхлипывая, отползъ онъ прочь.

Неужели нельзя было, прежде чѣмъ оставить это злополучное мѣсто, подкрѣпиться хоть каплей влаги? Мы невыносимо страдали отъ жажды, люди еще куда больше, чѣмъ я.

Тутъ попался мнѣ на глаза пѣтухъ, важно разгуливавшій между курами. Можно напиться его крови! Взмахъ ножа перерѣзалъ ему глотку, и оттуда медленно засочилась кровь.

Но ея было слишкомъ мало. Надо было добыть побольше. Приходилось пожертвовать еще однимъ невиннымъ существомъ — овцой. Люди долго колебались, жалѣя нашу вѣрную спутницу, бѣжавшую за нами, какъ собачка, дѣлившую съ нами все невзгоды. Но я сказалъ имъ, что теперь дѣло идетъ о нашей собственной жизни, которую можно поддержать кровью животнаго.

Съ болью въ сердцѣ Исламъ отвелъ овцу на нѣсколько шаговъ, повернулъ ее головой къ Меккѣ, взялъ въ руки ножъ

„Лагерь смерти“, 1 май 1895 г.
(Съ рисунка Л. Леонгарда).

и, когда Касимъ опуталъ бѣдняжкѣ ноги веревкой, сильнымъ ударомъ вонзилъ ей ножъ въ глотку до самыхъ позвонковъ.

Кровь полилась широкой темнокрасной струей въ ведро, гдѣ почти сейчасъ-же и заеклась. Она еще была теплою, когда мы стали черпать ее ложками и ножами. Мы осторожно попробовали ея—какой отвратительный вкусъ и какой ужасный запахъ!

Съ трудомъ проглотилъ я чайную ложку и больше не могъ; люди тоже оказались не въ состояннн ея пить и отдали Джолдашу. Тотъ лизнулъ разъ и отошелъ. Мы стали каяться, что задаромъ загубили нашего вѣрнаго товарища, да поздно.

Тутъ пришлось мнѣ убѣдиться, что жажда дѣлаетъ людей просто невмѣняемыми. Исламъ и другіе собирали въ кастрюлю урину верблюдовъ, густую, оранжеваго цвѣта и отвратительнаго запаха жидкость и теперь, переливъ ее въ желѣзный кубъ, положили туда сахару и укусу, зажали себѣ носы и выпили эту омерзительную смѣсь. Они предлагали и мнѣ, но меня тошнило отъ одного запаха. Касимъ тоже не сталъ пить и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ у другихъ черезъ часъ сдѣлалась страшная рвота, истощившая въ конецъ ихъ силы.

Джолчи исхудавшій, съ безумно вытаращенными глазами, усѣлся около палатки и принялся жевать сырыя легкія убитой овцы. Руки и лицо у него были запачканы кровью; видъ его былъ ужасенъ.

Только я, да Касимъ годились еще на что-нибудь. Исламъ, впрочемъ, послѣ рвоты немного оправился, и мы съ нимъ стали въ послѣдній разъ осматривать нашъ багажъ. Теперь надо было бросить большую часть его. Самъ я отобралъ то, что считалъ самымъ необходимымъ: мои наброски, съемки маршрутовъ, образцы горныхъ породъ, песку, карты, приборы, перья, бумагу и др. мелочь, библію и книгу шведскихъ псалмовъ.

Исламу я предоставилъ отобрать то, что онъ считалъ наиболѣе необходимымъ: провіантъ на три дня — муку, чай, сахаръ, хлѣбъ и нѣсколько коробочекъ съ консервами. Я хотѣлъ бросить здѣсь весь нашъ запасъ китайскаго серебра, составлявшій половину обычнаго верблюжьяго вьюка, цѣнностью-же равнявшійся почти 2,500 р. Мнѣ казалось, что теперь впору было только заботиться о спасеннн нашей жизни. Къ тому-же, еслибъ мы нашли воду, то могли-бы вернуться сюда и взять мѣшки.

Но Исламъ непременно хотѣлъ захватить мѣшки съ се-

ребромъ съ собою, и въ послѣдствнн оказалось, что онъ былъ правъ. Онъ отстоялъ также два мѣшка съ сигарами и папиросами, нѣсколько горшковъ, взятыхъ изъ лагеря XVII, оружіе, небольшой запасъ патроновъ и кое-какую мелочь, вродѣ фонаря, свѣчей, ведра, заступа, веревокъ и проч.

Въ числѣ оставляемыхъ предметовъ находились: два тяжелыхъ ящика съ боевыми припасами, палатка съ послѣднимъ ковромъ и постелью, нѣсколько ящиковъ съ разной мелочью, матернн, шапки и халаты, взятые для подарковъ туземцамъ, нѣсколько справочныхъ книгъ, оба фотографическіе аппарата съ тысячею пластинокъ съ лишкомъ, изъ которыхъ до сотни было проявленныхъ, затѣмъ сѣдла, дорожная аптечка, рисовальныя принадлежности, чистыя записныя книжки, запасъ моего платья, валенки, шапки, рукавицы и проч.

Всѣ вещи были уложены въ восемь сундуковъ, и послѣднн поставлены въ палатку, причемъ концы ея полъ были подсунуты подъ сундуки, чтобы палатку не опрокинуло вѣтромъ. Мы рассчитывали, что, если вернемся въ эти мѣста, то бѣлая палатка, возвышающаяся на вершинѣ бархана и видная издалика, послужитъ намъ маякомъ.

Необходимыя-же вещи мы запаковали въ пять маленькихъ „курчинъ“—переметныхъ сумъ изъ парусины и перекинули ихъ на спины верблюдовъ, освобожденныхъ отъ вьючныхъ сѣделъ. Одинъ изъ верблюдовъ несъ большой вьюкъ: ружья, заступы и т. п., завернутые въ кошму и перевязанные веревками.

Мы вскрыли еще пару коробочекъ съ консервами, но, хотя послѣднн и содержали влагу, мы съ трудомъ могли пропустить ихъ въ пересохшее горло.

Въ теченн всего дня верблюды лежали на томъ мѣстѣ, гдѣ легли утромъ; только ихъ прерывистое тяжелое дыханн и нарушало могильную тишину. Видъ у нихъ былъ равнодушно-покорный; широкія пасти ихъ посинѣли и пересохли. Съ большимъ трудомъ удалось заставить животныхъ подняться на ноги.

Въ 7 ч. вечера колокольчики зазвенѣли въ послѣдній разъ. Чтобы поберечь свои силы, я ѣхалъ на бѣломъ верблюдѣ, который былъ бодрѣе прочихъ. Исламъ-бай, ослабѣвшій отъ рвоты, медленно велъ караванъ между барханами. Касимъ шелъ сзади и понукалъ верблюдовъ. И вотъ, мы направились

отъ лагеря смерти къ востоку, прямо къ востоку, гдѣ катила свои воды между лѣсистыми берегами Хотанъ-дарья.

Когда мы покидали это ужасное мѣсто, Джолчи заползъ въ палатку и завладѣлъ моимъ ложемъ. Онъ все жеваль легкія овцы, съ жадностью высасывая изъ нихъ весь сокъ.

Старый Магометъ-шахъ лежалъ на томъ-же мѣстѣ. Прежде чѣмъ уѣхать, я подошелъ къ нему, провелъ рукой по его лбу и назвалъ по имени. Онъ поглядѣлъ на меня широко-раскрытыми мутными, блуждающими глазами; на лицѣ его отражалось неземное спокойствіе и какое-то просвѣтлѣніе, какъ будто онъ уже видѣлъ передъ собой раскрытыя райскія врата.

Магометанскій „Бехиштъ“ (рай), о радостяхъ котораго онъ столько разъ читалъ въ коранѣ, можетъ быть, манилъ его уже нѣсколько дней, и мысль о немъ, безъ сомнѣнія, облегчала минуты освобожденія духа изъ тѣла. Старикъ какъ будто легъ отдохнуть послѣ тяжелыхъ трудовъ; теперь ему не надо было больше возиться съ верблюдами, не надо на старости лѣтъ ходить съ караванами изъ города въ городъ. Онъ смотрѣлъ такимъ изнуреннымъ, разбитымъ, весь какъ-то съежился, сталъ такимъ маленькимъ, только лицо по прежнему сохраняло свой яркій бронзовый оттѣнокъ.

Дышалъ онъ тяжело; изрѣдка въ горлѣ слышалось предсмертное хрипѣніе и клокотанье. Я еще разъ провелъ рукой по его морщинистому сухому лбу, уложилъ его голову поудобнѣе и, по возможности умѣряя свое волненіе, сказалъ, что мы хотимъ поспѣшить на востокъ, чтобы поскорѣе найти воды, и затѣмъ тотчасъ-же вернемся сюда съ полными кувшинами; онъ-же пусть лежитъ тутъ, пока не оправится немножко, а тогда подвигается впередъ по нашимъ слѣдамъ, чтобы сократить разстояніе.

Онъ попытался поднять одну руку и что-то пробормоталъ. Я разобралъ только одно слово: Аллахъ. Я, однако, отлично понималъ, да и онъ, вѣрно, тоже, что намъ больше не свидѣться въ этой жизни. Едва-ли ему оставалось жить больше нѣсколькихъ часовъ. Взоръ его все тускнѣлъ, дремота скоро должна была перейти въ смертное забытье, и затѣмъ его ожидалъ вѣчный сонъ среди этого величественнаго безмолвія пустыни, гдѣ совершаютъ свое загадочное странствованіе къ невѣдомой

цѣли барханы. Съ сердцемъ, обливающимся кровью, терзаемый угрызеніями совѣсти, упрекавшей меня за смерть этого чело-вѣка, оставилъ я умирающаго.

Затѣмъ, я простился и съ Джолчи, уговаривая его идти по нашимъ слѣдамъ, такъ какъ это было для него единствен-нымъ средствомъ къ спасенію.

Шестъ куръ, продолжавшихъ оживленно кудахтать, съ видимымъ удовольствіемъ расклеывая внутренности убитой овцы, производили и грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ комичное впечатлѣніе.

„Почему вы не умертвили этихъ бѣдныхъ созданій?“—спросить, пожалуй, какая нибудь сердобольная читательница. Да, почему? А почему мы не умертвили за одно обоихъ умиравшихъ людей, чтобы избавить ихъ отъ лишнихъ страданій? Бываютъ положенія, которыя трудно обсуждать со стороны. Я убѣдился, что въ минуты общей смертельной опасности мы менѣе чувствительны къ страданіямъ ближнихъ, нежели при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Всѣ мы давно были на краю смерти, и весьма естественно, что слабѣйшіе падали первыми. Каждая новая смерть уже не поражала насъ, а только возбуждала вопросъ: чья очередь теперь?

Умерщвленіе же чело-вѣка, даже умирающаго, все-таки убійство. Покидая верблюдовъ, мы всякій разъ питали слабую надежду скоро вернуться къ нимъ съ водой и спасти ихъ. Что-же до куръ, то я рассчитывалъ, что онѣ сослужатъ намъ службу, если мы вернемся отыскивать палатку, и полагалъ, что онѣ могутъ прожить еще долго, питаясь убитой овцой. Предположеніе мое и подтвердилось, годъ спустя. Но не буду забѣгать впередъ.

Мы медленно двинулись въ путь. Вѣрный Джолдашъ худой, какъ скелетъ, слѣдовалъ за нами. На вершинѣ перваго бархана я обернулся назадъ, чтобы бросить прощальный взглядъ на лагерь, гдѣ остались умирать два нашихъ товарища. Палатка рѣзко вырисовывалась треугольникомъ на фонѣ яснаго неба. Я почувствовалъ невольное облегченіе, когда она, наконецъ, скрылась отъ нашихъ взоровъ за барханами, и больше уже не оборачивался назадъ. Впереди была тьма, въ которой тонуло коварное песчаное море. Но я чувствовалъ приливъ силъ и желаніе жить. Я не хотѣлъ умереть въ пустынѣ, я былъ

слишкомъ молодъ, мнѣ казалось, что я слишкомъ много теряю съ жизнью, она еще сулила мнѣ впереди такъ много!.. Никогда не цѣнилъ я жизни такъ, какъ именно теперь!

Не такъ должно было кончиться мое путешествіе по Азіи. Я хотѣлъ пересѣчь весь материкъ, рѣшить много проблемъ, прежде чѣмъ достигну конечной цѣли — Пекина. Никогда жизненные силы не достигали во мнѣ такого напряженія, и я рѣшилъ бороться за жизнь до послѣдней крайности, хотя-бы пришлось ползти по песку, какъ червяку.

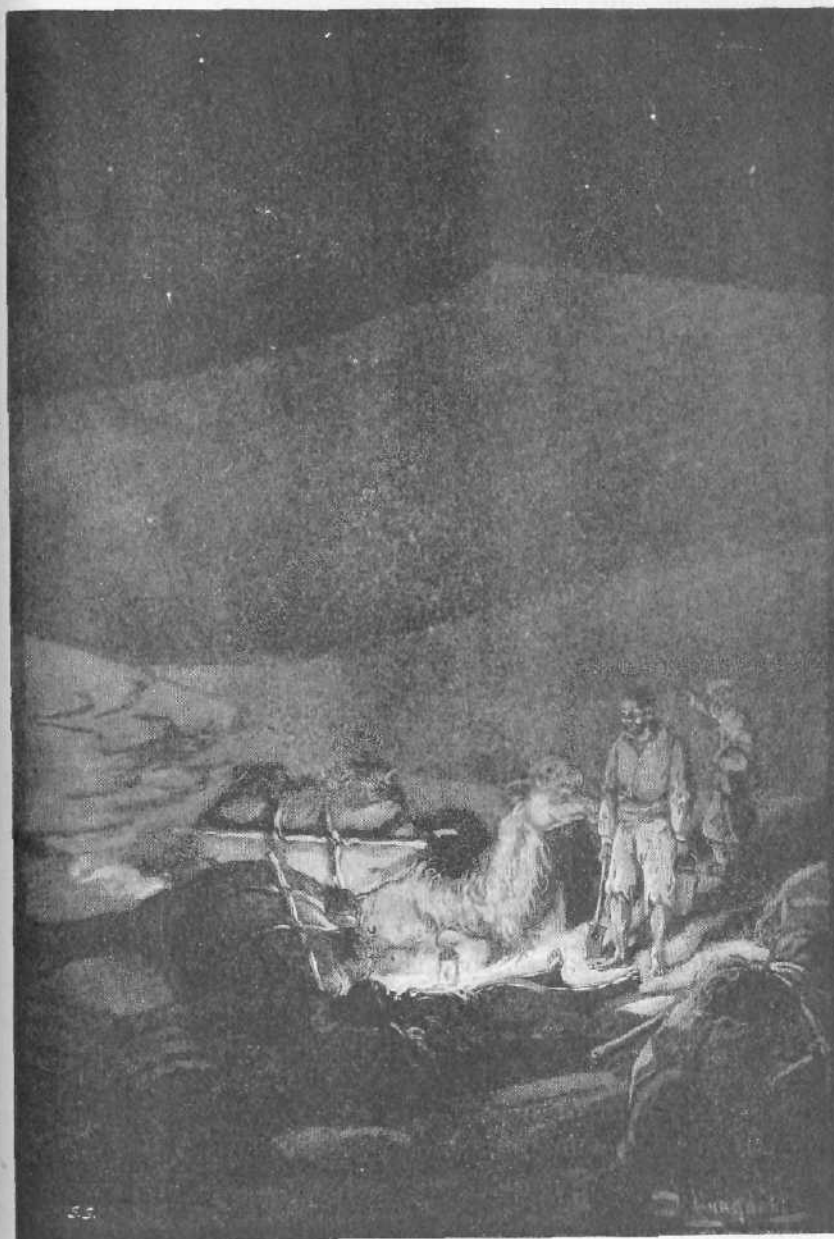
Подвигались мы медленно, отчаянно медленно, но все-таки оставили за собой нѣсколько высокихъ песчаныхъ грядъ. На одной изъ нихъ упалъ одинъ изъ нашихъ пяти верблюдовъ и тотчасъ-же принялъ положеніе умирающаго, вытянувъ ноги и шею. Сумки, которыя онъ несъ, перекинули черезъ спину Акъ-тюи, который смотрѣлъ бодрѣ другихъ. Веревку, связывавшую упавшаго верблюда съ переднимъ, развязали, но оставили умирающему его шейный колокольчикъ. Покинувъ бѣднягу въ тѣмѣ одного, мы продолжали путь съ остальными четырьмя верблюдами.

Ночь была темная, хоть глазъ выколи. Звѣзды, правда, сіяли ярко, но свѣтъ ихъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы мы могли различать неровности поверхности, и мы то и дѣло натыкались на стѣны песку.

Силы верблюдовъ подходили къ концу. Даже прохлада ночи не освѣжала ихъ. Они ежеминутно останавливались, то одинъ, то другой отставалъ отъ каравана. Мы не замѣчали иногда, какъ веревка развязывалась, и, только пройдя уже порядочный конецъ, спохватывались отставшихъ. Приходилось останавливаться, поджидать ихъ, или идти за ними назадъ.

Исламъ-бай совсѣмъ изнемогалъ, жалобно стоналъ и часто останавливался, схваченный припадкомъ жестокаго кашля, который ослаблялъ его тѣмъ больше, что желудокъ у него былъ пустъ. Ужасныя боли заставляли иногда бѣднягу кидаться на песокъ и извиваться какъ червь.

Такъ мы ползли въ темнотѣ, словно улитки. Ясно было, что брести такимъ образомъ почти наугадъ между исполинскими барханами мало толку. Я слѣзъ съ верблюда, зажегъ фонарь и пошелъ впередъ отыскивать болѣе удобные переходы. Компасъ указывалъ мнѣ, гдѣ востокъ, а слабый свѣтъ фонаря

Авторъ и Касимъ покидаютъ послѣдніе остатки каравана.

(Съ рисунка Д. Лонгдала).

позволялъ различать крутизны и неровности. Но мнѣ безпре-
станно приходилось останавливаться и поджидать другихъ;

звонъ колокольчика послѣдняго верблюда доносился все глуше и глуше.

Около 1 часу онъ замеръ совсѣмъ, къ непроглядной тѣмѣ прибавилась могильная тишина вокругъ. Я поставилъ фонарь на вершинѣ бархана и прилежъ отдохнуть, но сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ. Затаявъ дыханье, я прислушивался — не раздастся-ли какойнибудь звукъ вдали, напряженно вглядывался въ тьму по направленію къ востоку — не мелькнетъ-ли огонь пастушьего костра на берегахъ Хотанъ-дарьи. Нѣтъ! Тьма и безмолвіе, ни признака жизни. Въ этой тишинѣ я могъ слышать біеніе собственнаго сердца.

Наконецъ, опять послышался звонъ колокольчика. Удары его языка раздавались все рѣже, но все ближе. Когда-же караванъ подошелъ къ вершинѣ бархана, Исламъ-бай, шатаясь, добрелъ до фонаря и упалъ, прохрипѣвъ, что больше не можетъ сдѣлать шагу. Силы окончательно оставили его.

Я понялъ, что насталъ послѣдній актъ этой страшной драмы въ пустынѣ, что это начало конца, и рѣшилъ бросить все, чтобы спѣшить къ востоку, пока хватитъ силъ. Исламъ едва слышно прошепталъ, что не можетъ идти со мной. Онъ хотѣлъ остаться съ верблюдами и умереть тутъ, гдѣ легъ.

Я простился съ нимъ, ободряя его, увѣряя, что силы вернутся къ нему, когда онъ отдохнетъ часа два, и приказывая ему тогда бросить верблюдовъ и весь багажъ и одному идти по моимъ слѣдамъ. Онъ уже не отвѣчалъ, лежа, раскинувшись на спинѣ, и глядя въ пространство блуждающимъ взоромъ. Мнѣ сдавалось, что жизнь готова была погаснуть въ немъ.

Касимъ былъ еще бодръ, такъ какъ благоразумно воздержался отъ омерзительнаго напитка, который отравилъ Исламъ-бая. Я взялъ съ собою только 2 хронометра, колокольчикъ, компасъ, перочинный ножъ, карандашъ, листъ бумаги, коробку спичекъ, носовой платокъ, коробочку консервированныхъ омаровъ, круглую жестянку съ шоколадомъ и — скорѣе машинально, чѣмъ сознательно — сунулъ въ карманъ десятокъ папирозъ.

Касимъ несъ заступъ, ведро и веревку — все, что нужно для рытья колодца. Въ ведрѣ у него лежалъ курдюкъ убитой овцы, немножко хлѣба и кусокъ запекшейся овечьей крови. Но въ потьмахъ онъ забылъ шапку, и я отдалъ ему свой но-

совой платокъ, которымъ онъ повязалъ голову, чтобы не подвергнуться солнечному удару.

Отъ съѣстныхъ припасовъ мало было толку: слизистая оболочка рта и глотки пересохла такъ, что глотанье сдѣлалось невозможнымъ. Если мы пытались съѣсть что-нибудь, кусокъ останавливался въ горлѣ и душилъ. Приходилось торопиться выбросить его назадъ. Чувство голода вообще совсѣмъ заглушается чувствомъ жажды, которая, особенно въ первые дни, такъ мучительна, что доводитъ почти до изступленія. Но затѣмъ, когда тѣло перестаетъ испускать испарину, или когда испареніе во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе сгущенія крови, дѣлается почти незамѣтнымъ, наступаетъ постепенно увеличивающаяся слабость, которая и приводитъ къ концу.

Ровно въ полночь, мы съ Касимомъ покинули послѣдніе остатки нашего, недавно столь великолѣпнаго каравана. Мы, словно потерпѣвшіе крушеніе среди моря, бросили обломки нашего корабля, чтобы попытаться вплавь достигнуть береговъ, но мы даже не знали, какъ далеко находится берегъ.

Четыре послѣднихъ верблюда лежали все съ тѣмъ-же терпѣливо-покорнымъ видомъ, тихіе, смиренные, какъ жертвенные ягнята. Они тяжело дышали, вытянувъ шеи на песокъ. Исламъ-бай и не взглянулъ намъ вслѣдъ, но Джолдашъ проводилъ насъ удивленнымъ взглядомъ. Онъ, вѣрно, думалъ, что мы скоро вернемся; быть можетъ, съ водой, такъ какъ караванъ, вѣдь, оставался на мѣстѣ, а мы вообще никогда не отдѣлялись отъ каравана. Съ тѣхъ поръ я больше не видалъ своей вѣрной собаки и долго тосковалъ по ней.

Фонарь остался горѣть около Ислама, и нѣкоторое время служилъ намъ маякомъ, помогая опредѣлять пройденное разстояніе и контролировать наше направленіе. Но вотъ, слабый свѣтъ его погасъ за гребнями бархановъ, и насъ со всѣхъ сторонъ обняла темная ночь.

XXVI.

Пять сутокъ пѣшкомъ по безконечнымъ
пескамъ. Вода. Спасены.

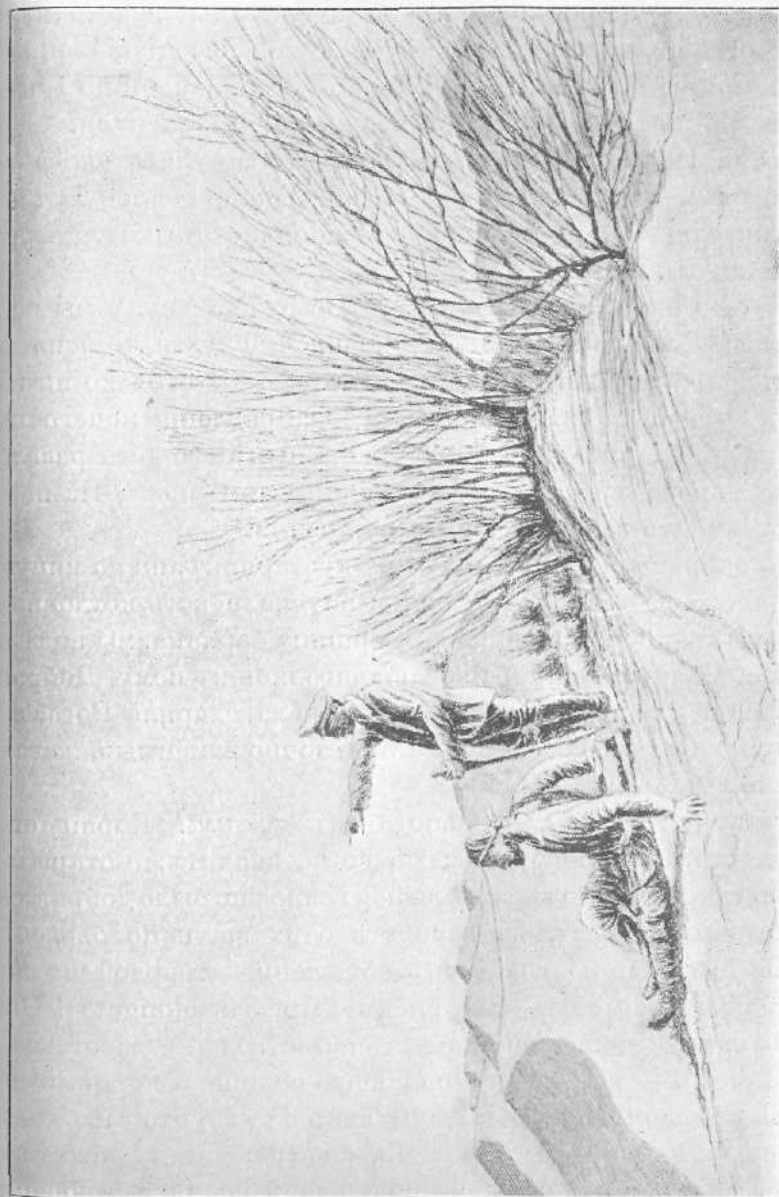
2 мая. Покинувъ умирающій караванъ, я сталъ свободнѣе, ничто не стѣсняло, не задерживало теперь моего движенія, и все дѣло было теперь въ томъ, чтобы идти, идти, по возможности, по прямому направленію. Мы съ Касимомъ и шагали безостановочно два часа. Наконецъ, ходьба по глубокому песку такъ изморила насъ, что мы прилегли. Одѣты мы были легко. Касимъ въ одной курткѣ, въ бѣлыхъ шароварахъ и сапогахъ; я въ шерстяныхъ исподнихъ, въ костюмѣ изъ тонкой бѣлой бумажной матеріи, въ русской фуражкѣ съ козырькомъ и въ высокихъ непромокаемыхъ сапогахъ. Ночная свѣжесть поэтому скоро подняла насъ на ноги и гнала впередъ, пока мы не согрѣлись и не устали до того, что буквально свалились съ ногъ и тотчасъ-же заснули.

Въ 4 ч. утра холодъ заставилъ насъ очнуться; мы чуть не заоченѣли совсѣмъ. Быстрымъ маршемъ продолжали мы путь и шли пять часовъ безъ остановки. Въ 9 ч. мы пріѣхли отдохнуть на часъ.

Поднялся свѣжій вѣтеръ съ запада и, благодаря навѣваемой имъ прохладѣ, мы могли пройти еще конецъ. Но въ половинѣ двѣнадцатаго жара стала невыносимой; у насъ просто темнѣло въ глазахъ. Въ изнеможеніи упали мы на песокъ и цѣлый день провели на обращенномъ къ сѣверу крутомъ склонѣ бархана, гдѣ песокъ не успѣлъ еще особенно нагрѣться.

Съ помощью заступа Касимъ вырылъ яму подъ самымъ гребнемъ бархана и накопалъ охладившагося за ночь песку. Мы раздѣлись до нага, зарылись въ этотъ песокъ, воткнули заступъ у себя въ головы и повѣсили на него наши платья, устроивъ такимъ образомъ подобіе ширмъ для защиты отъ солнца. Теперь стало хорошо, прохладно. Но понемногу песокъ согрѣлся отъ теплоты нашего тѣла и отъ воздуха. Тогда мы сбросили съ себя этотъ слой песку, и Касимъ, накопавъ свѣжаго, посыпалъ имъ мое тѣло. Какая прохлада! Я какъ

будто принялъ холодный душъ въ этой раскаленной атмосферѣ. Мы опять совсѣмъ зарылись въ песокъ, изъ котораго торчали

Первые кусты тамариска.
(Съ рисунка автора).

только наши головы, которыя мы тщательно прятали въ тѣнь, чтобы не получить солнечнаго удара. Комаръ и двѣ мухи со-

ставили намъ компанію; вѣроятно, ихъ принесло вѣтромъ издалека.

Такъ мы лежали весь день молча, но заснуть не могли. Въ 6 ч. вечера мы встали, одѣлись и еле поплелись дальше, безъ сомнѣнія, разслабленные этой сухой песочной ванной. Тѣмъ не менѣе мы шли съ маленькими остановками до 1 часу ночи, когда опять свалились въ изнеможеніи и заснули.

3 мая. Подкрѣпившись сномъ, мы двинулись снова въ 4½ часа утра. Утро до восхода солнца вообще самое лучшее время для ходьбы: прохладно и можно, не отдыхая, дѣлать большіе концы.

Сегодня наша угасающая надежда оживилась, и мы подбодрились. Касимъ вдругъ остановился, схватилъ меня за плечо и молча указалъ рукой на востокъ. Я, сколько ни напрягалъ зрѣніе, не видѣлъ въ томъ направленіи ничего необычайнаго. Касимъ-же своимъ соколинымъ взоромъ разглядѣлъ на горизонтѣ зеленый кустарникъ тамариска. На немъ сосредоточились теперь все наши упованія.

Мы направили курсъ прямо на кустарникъ, ни на минуту не теряя его изъ виду. Когда мы спускались въ котловину, онъ исчезалъ, но, поднявшись на вершину бархана, мы видѣли его снова. Мало-по-малу мы все подвигались къ нему. Добравшись, наконецъ, до кустарника, мы возблагодарили Бога, набросились на свѣжую зелень и стали, точно животныя, жевать сочныя иглы.

Кустарникъ дѣйствительно былъ *живымъ*! Корни его, видно, достигали до грунтовыхъ водъ, значить, и открытая вода была теперь не за горами, до нея возможно было добраться.

Кустарникъ растетъ на вершинѣ бархана, и по близости нигдѣ не было видно участковъ обнаженной твердой почвы. Удивительное растеніе — тамарискъ (*Tamarix elongata*)! Онъ купаетъ свои крѣпкіе гибкіе вѣтви и стволъ — высотой не болѣе 2 метр. — въ лучахъ палящаго солнца, а корни посылаютъ въ невѣдомую глубь высасывать влагу грунтовыхъ водъ. Корни служатъ какъ-бы насосами, снабжающими влагою все растеніе, которое покоится на подвижной волнистой поверхности песчаного моря, словно кувшинка на поверхности водъ.

Одинъ видъ этого кустарника приводилъ насъ въ восхищеніе. А что за наслажденіе было растянуться на часокъ въ

его скудной тѣни! Онъ явился для насъ масляною вѣтвью, свидѣтельствовавшей, что это море песку имѣетъ таки границы, свои „крайнія шкеры“, которыя подають потерпѣвшему крушенію мореплавателю надежду на близость береговъ! Я взялъ съ собой нѣсколько вѣтокъ тамариска и съ наслажденіемъ вдыхалъ ихъ свѣжій ароматъ. Надежда на спасеніе была во мнѣ теперь сильнѣе, чѣмъ когда либо, и мы съ новымъ подъемомъ мужества продолжали путь къ востоку. Барханы стали пониже, едва достигая 10 метр., а въ промежуткѣ между двумя изъ нихъ мы нашли два небольшіихъ жиденькихъ пучка *дырису* или *чія* (*Lasiagrostis splendens**) и принялись жевать стебельки. Надежда не обманула насъ: въ 9½ час. вечера мы увидѣли еще кустъ тамариска, а дальше къ востоку ихъ видѣлось много.

Но силы наши были парализованы жарой, и мы просто свалились на песокъ подъ тѣнью тамариска, а затѣмъ, по вчерашнему, раздѣлись до нага и зарылись въ холодный песокъ.

Цѣлыхъ 9 часовъ лежали мы, какъ мертвые; Касимъ съ грудомъ могъ набросать на меня свѣжаго песку. Въ 7 ч. вечера мы, шатаясь, двинулись дальше. Черезъ три часа — Касимъ снова остановился и воскликнулъ: Тогракъ (тополь)! Что-то темное рисовалось за ближайшими барханами. Оказалось, что это дѣйствительно были три великолѣпныхъ тополя (*Populus diversifolia*) съ сочной листвою. Листья эти, однако, такъ горьки, что не очень то тянетъ жевать ихъ; но мы натирали ими кожу, пока она не становилась влажной.

Совершенно разбитые усталостью мы лежали часа два, прежде чѣмъ собрались съ силами изслѣдовать мѣстность. Мы начали было рыть колодезь около корней дерева, но силъ нашихъ не хватило: заступъ буквально валился у насъ изъ рукъ. Песокъ оказался только слегка влажнымъ, и до воды, видно, было еще далеко. Мы, впрочемъ, не упали духомъ и принялись рыть прямо голыми руками, но скоро должны были отказаться отъ попытокъ дорыться до грунтовой воды.

Вмѣсто того мы собрали въ кучу все сухія вѣтви, разбросанныя кругомъ, и зажгли громадный костеръ, бросавшій

*) Одна изъ многихъ разновидностей ковыля.

отблескъ далеко кругомъ. Окружающіе барханы выступали изъ мрака, словно зловѣщіе призраки.

Огонь долженъ былъ послужить сигналомъ для Исламъ-бая, если онъ еще оставался въ живыхъ, въ чемъ я сильно сомнѣвался. Кромѣ того, мы надѣялись привлечь этимъ сигналомъ вниманіе людей въ случаѣ, если кто нибудь ѣхалъ вдоль лѣваго берега Хотанъ-дарьи по дорогѣ, соединяющей Хотанъ съ Акъ-су. Въ виду этой важной дѣли, мы выбиваясь, изъ силъ, поддерживали огонь въ теченіе 2 часовъ.

Касимъ поджарилъ на огнѣ кусочекъ курдюка овцы, который и проглотилъ съ большими усиліями; для меня оказалось не легче справиться съ омарами. Остатки „провіанта“ мы бросили; незачѣмъ было понапрасну таскать ихъ съ собой. Но пустую жестянку изъ подъ шоколада я рѣшилъ сохранить: изъ нея я могъ напиться воды, зачерпнутой въ Хотанъ-дарьѣ! Послѣ того мы заснули около тлѣющаго костра, умѣрившаго своей теплотой ночной холодъ.

4 мая. Въ 3 часа утра мы проснулись, въ 4 выступили въ путь, шатаясь и спотыкаясь на каждомъ шагѣ. Танцились до 9 ч. утра. Тутъ снова разверзлась передъ нами песчаная пучина, какъ будто съ злорадствомъ ожидая момента, когда можно будетъ окончательно поглотить насъ.

Тополей больше не попадалось, а кустарники тамариска были разбросаны такъ рѣдко, что ихъ и не видно было другъ отъ друга. Мы сильно упали духомъ, опасаясь, что попали просто въ впадину, а теперь опять пойдетъ безконечный песокъ. Въ 9 ч. мы пластомъ упали у корней тамариска и цѣлыхъ 10 часовъ лежали на солнцепекѣ.

Касимъ былъ такъ изнуренъ, что уже не могъ выкопать ямы, или посыпать меня холоднымъ пескомъ, и я страшно страдалъ отъ жары. Весь день мы не перемолвились словомъ, да и о чемъ было говорить? Думали мы оба объ одномъ и томъ-же, боялись одного и того-же. Да мы и не въ состояніи были говорить, а только хрипѣли, или шептали.

Куда дѣвались песчаные вихри, которые недѣлю тому назадъ дарили насъ такой густой тѣнью? Тщетно высматривали мы — не покажется-ли на горизонтѣ черной полосы густыхъ облаковъ, которые могли защитить насъ отъ палящаго солнца. Солнце и пустыня словно сговорились погубить насъ.

Но и этотъ тяжелый день подошелъ къ концу; солнце еще разъ приблизилось къ западному горизонту. Напрягая послѣднія силы, я всталъ, стряхнулъ песокъ съ тѣла, которое вмѣсто кожи, было, казалось, обтянуто коричневымъ пергаментомъ, одѣлся и позвалъ Касима. Онъ прохрипѣлъ, что не можетъ двинуться съ мѣста, и жестомъ, полнымъ безнадежнаго отчаянія, далъ мнѣ понять, что, по его мнѣнію, все кончено.

Я двинулся одинъ. Стояла могильная тишина; тѣни отъ бархановъ казались чернѣе обыкновеннаго. Иногда я отдыхалъ на барханахъ. Теперь только я окончательно остался одинокъ, наединѣ съ своей совѣстью и звѣздами, которыя горѣли, словно электрическія лампочки. Только онѣ одни составляли мнѣ компанію, только ихъ я еще узнавалъ, только онѣ убѣждали меня въ томъ, что я еще не въ царствѣ мертвыхъ. Прохладный воздухъ не шелохнулся, малѣйшій звукъ былъ-бы слышенъ издали. Я приложился ухомъ къ песку и прислушался, но кромѣ тиканья хронометровъ, да слабого медленнаго біенія собственнаго сердца, ничего не услышалъ.

Тутъ я отвелъ душу, закуривъ послѣднюю папироску. Остальныя мы выкурили въ предыдущіе дни; куренье до нѣкоторой степени притушляло муки жажды. Я всегда начиналъ первый, выкуривалъ половину папироски, а доканчивать отдавалъ Касиму. Тотъ долго наслаждался ею, выкуривая даже часть мундштука гильзы и говорилъ, что отъ папироски и на душѣ становится какъ-то легче. Въ этотъ вечеръ мнѣ пришлось самому докурить папироску.

5 мая. Я шелъ ночью до 12^{1/2} часовъ, когда свалился около куста тамариска. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ развести костеръ, я заснулъ.

Но что это? Песокъ захрустѣлъ подъ чьими-то шагами, и въ темнотѣ вырисовался темный силуэтъ мужской фигуры. — Это ты, Касимъ? — спросилъ я. — Я, господинъ, — отвѣтилъ онъ. Ночная прохлада немножко подкрѣпила его, и онъ при-тащился по моимъ слѣдамъ. Встрѣча подбодрила насъ обоихъ, и мы съ часъ еще шли въ темнотѣ, борясь съ усталостью и одолевавшимъ насъ сномъ. Крутые склоны бархановъ были теперь преимущественно обращены къ востоку. Каждый разъ, спустившись съ такого ската, я затѣмъ долго ползъ на четве-

ренькахъ. Мы оба были разбиты усталостью и какъ-то вяло-равнодушны, но все еще боролись за жизнь.

Можно представить себѣ наше изумленіе, когда мы на отлогомъ склонѣ одного бархана нашли слѣды человѣческихъ ногъ! Мы припали къ нимъ и стали разглядывать ихъ. Ясно было, что тутъ проходили люди и, что мы, слѣдовательно, были недалеко отъ рѣки. Съ какой стати въ самомъ дѣлѣ забрались бы люди вглубь пустыни? Въ одно мигновенье сонъ и усталость съ насъ какъ рукой сняло. — А, вѣдь, слѣды-то какъ будто свѣжіе! съ удивленіемъ замѣтилъ Касимъ. Меня же это не удивило, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не было вѣтра. А, можетъ быть, эти слѣды были оставлены какимъ нибудь пастухомъ, который, увидавъ вчера огонь нашего костра, сдѣлалъ крюкъ, забравъ отъ дороги въ пустыню, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

Мы подыались по слѣдамъ на песчаную гряду, гдѣ песокъ былъ плотно спрессованъ, и гдѣ слѣды отпечатались отчетливѣе. Припавъ къ слѣдамъ, Касимъ вдругъ едва слышнымъ голосомъ промолвилъ: — Это наши собственные слѣды!

Я всмотрѣлся и убѣдился въ справедливости его словъ. На песокъ явственно отпечатались подошвы нашихъ сапогъ, а тамъ и сямъ виднѣлись и ямки отъ заступа, на который Касимъ опирался при ходьбѣ. Печальное открытіе! Сколько-же времени мы такъ кружили? Должно быть, не особенно долго, такъ какъ я лишь въ теченіе послѣдняго часа, одолевая усталостью, забылъ про компасъ. Это соображеніе нѣсколько успокоило насъ, но вообще съ насъ довольно было на этотъ разъ, и мы улеглись и заснули около нашихъ слѣдовъ. Было 2½ ч. утра.

На зарѣ мы проснулись и въ 4 ч. 10 м. потащились дальше. На Касима страшно было взглянуть: распухшій, совершенно сухой и бѣлый языкъ, посинѣвшія губы, ввалившіяся щеки и какіе-то стеклянные глаза. Его мучила похожая на предсмертную судорожная икота, отъ которой содрогалось все его тѣло; онъ съ трудомъ держался на ногахъ, но все-таки тащился за мной.

Горло у насъ горѣло отъ жажды невыносимо. Намъ чудилось, что у насъ скрипятъ все суставы, какъ будто готовые загорѣться; глаза наши были такъ сухи, что мы съ трудомъ могли подымать и опускать вѣки.

Около 5 ч. мы достигли „дере“ (собственно долина) — впадины въ песокъ, и я скоро убѣдился, что это старое рѣчное русло. На днѣ его въ изобиліи росли тополя; слѣдовательно, грунтовья воды не могли находиться на особенно большой глубинѣ. Еще разъ попытались мы пустить въ дѣло заступъ, но силъ опять не хватило, и мы поплелись дальше къ востоку.

Когда солнце взошло, на восточномъ горизонтѣ явственно обозначилась горизонтальная полоска, съ едва замѣтными неровностями. Мы даже вздрогнули при видѣ ея вмѣсто обычной зубчатой линіи, образуемой безконечными грядами бархановъ. Черезъ нѣкоторое время мы открыли на горизонтѣ черную полосу. Какая радость, какое счастье! Эта полоса обозначала лѣсъ на берегу Хотанъ-дарьи, которая, наконецъ, перестала убѣгать отъ насъ! Пройдя узкую полосу неглубокаго бесплоднаго песку, мы въ 5½ ч. утра, вступили въ частый, сплошной лѣсъ, гдѣ подъ густолиственными вершинами деревьевъ, стоявшихъ въ свѣжемъ весеннемъ уборѣ, царилъ тѣнь и прохлада.

Схватившись рукой за лобъ, я стоялъ, точно очарованный этимъ чуднымъ зрѣлищемъ. Я старался собраться съ мыслями, какъ будто только что пробудившись отъ ужаснаго мучительнаго кошмара. Вѣдь, мы только что цѣлыя недѣли медленно умирали среди раскаленныхъ песковъ, тащились по долинѣ мертвыхъ, а теперь —!

Куда ни взгляни кругомъ — жизнь, весна, птицы, цвѣты, зелень всехъ оттѣнковъ, тѣнь, а дальше, между безчисленными стволами деревьевъ, слѣды звѣрей и дичи: тигровъ, волковъ, лисицъ, оленей, антилопъ, газелей и зайцевъ! Въ воздухѣ жужжали мухи и комары, гудѣли, проносясь стрѣлой, жуки, звучали утреннія пѣсенки птицъ!

Лѣсъ становился все чаще; тамъ и сямъ стволы тополей были обвиты лианами. Иногда намъ преграждали путь непроходимыя баррикады изъ упавшихъ деревьевъ, сухого валежника и кучъ хвороста.

Въ 7 ч. 10 м. мы замѣтили, что лѣсъ порѣдѣлъ; между деревьями ясно виднѣлись слѣды людей и лошадей, лошадиный пометъ. Определить ихъ давность, однако, было невозможно, — въ чащѣ лѣса они были защищены отъ песчаныхъ буряновъ и могли сохраняться очень долго. Но какая радость, какое счастье! Теперь ясно было, что мы спасены.

Я предложилъ Касиму пройти весь лѣсъ насквозь и продолжать путь къ востоку, такъ какъ рѣка должна была находиться въ этомъ направленіи неподалеку. Но Касимъ полагалъ, что слѣды, безъ сомнѣнія, указываютъ дорогу и могутъ скорѣе привести насъ къ рѣкѣ. Такъ какъ тропинка, по которой шли слѣды, была удобна и, слѣдуя по ней, мы все время могли оставаться въ тѣни, то я и согласился съ Касимомъ.

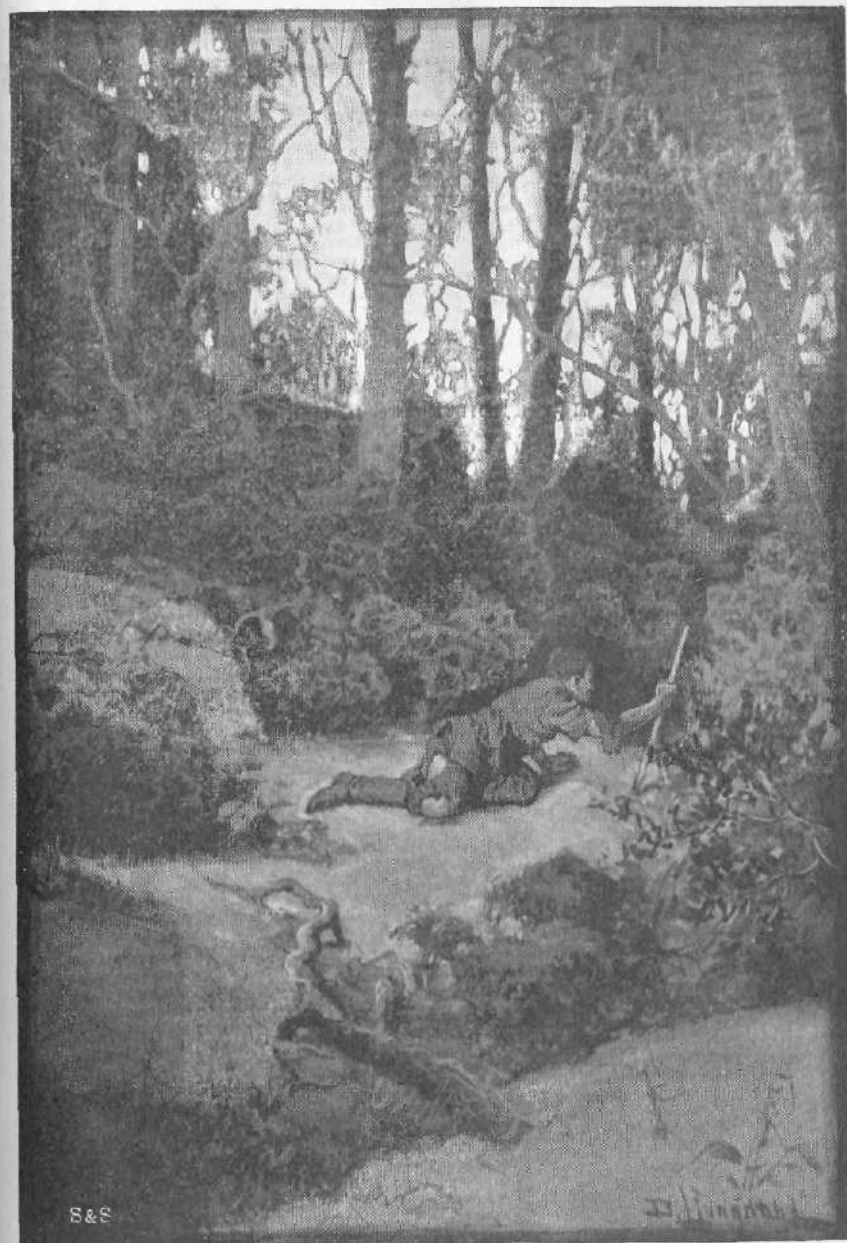
Спотыкаясь, пошатываясь, побрели мы по этой тропинкѣ къ югу, но уже въ 9 ч. утра тропическая жара сломила наши силы, и мы легли въ тѣни тополей. Руками вырылъ я себѣ яму между корнями и цѣлый день пролежалъ въ ней, ворочаясь отъ жары съ боку на бокъ; заснуть мнѣ такъ и не удалось ни на минуту. Касимъ лежалъ неподвижно на спинѣ, широко раскрывъ глаза и ротъ, и бредилъ, что-то бормоталъ, стоналъ и не отвѣчалъ мнѣ, какъ я ни трясъ его.

День показался мнѣ безконечнымъ; я изнывалъ отъ нестерпимости. Я чувствовалъ, что рѣка гдѣ нибудь тутъ, совсемъ близко, и томился по водѣ.

Только въ 7 ч. вечера я былъ въ состояніи одѣться и позвалъ Касима идти за водой. Но онъ только замоталъ головой и жестами далъ мнѣ понять, чтобы я шелъ одинъ, напился и скорѣе вернулся къ нему съ водой, не то онъ умретъ, гдѣ лежитъ.

Тогда я взялъ заступъ и снялъ желѣзный налопатникъ съ древка: последнее должно было послужить мнѣ посохомъ и орудіемъ для защиты, а налопатникъ я повѣсилъ на вѣтку, свѣшивавшуюся надъ тропинкой, чтобы мнѣ легче было потомъ найти это мѣсто. Въ то-же время во мнѣ вновь пробудилась надежда, что намъ удастся спасти и оставленные въ пустынѣ вещи, если мы съ этого мѣста отправимся назадъ по прямому направленію на западъ. Трехъ оставленныхъ нами людей я, напротивъ, считалъ погибшими.

Я двинулся по лѣсу по направленію къ востоку; лѣсъ нерѣдкѣ, и я нѣсколько разъ чуть не завязъ въ чащѣ, изорвалъ въ клочья одежду, исцарапалъ руки. Упадокъ силъ заставлялъ меня безпрестанно присаживаться отдохнуть то на пенъ, то на стволъ сваливашагося дерева. Стало смеркаться, потомъ стемнѣло, и я еле преодолевалъ сонливость, пробираясь то пѣшкомъ, то ползкомъ.

Авторъ пробирается ползкомъ по лѣсу, въ поискахъ за водой.

(Съ рисунка Д. Лонгдала).

Вдругъ лѣсъ разомъ пресѣкъся, точно обрѣзанный лѣснымъ пожаромъ, и къ востоку протянулась равнина, покрытая

плотно спрессованнымъ пескомъ и глиной. Такъ какъ равнина лежала приблизительно на 2 метра ниже полосы лѣса, и на ней не было и слѣда бархановъ, то я сразу понялъ, что это ни что иное, какъ русло Хотанъ-дарьи.

Я убѣждался въ этомъ еще больше, находя тамъ и сямъ высохшіе тополевыя стволы или вѣтви, до половины высохшавшія изъ почвы, а также борозды — глубиной до 1 фута — съ острыми краями, видимо, проложенныя потоками воды. Но песокъ здѣсь былъ такой-же сухой, какъ и въ пустынь, — рѣчное русло было сухо, въ ожиданіи лѣтняго притока водъ съ горъ.

Я, однако, не могъ допустить, чтобы мнѣ суждено было умереть отъ жажды около самого русла рѣки и, раскидывая умомъ и соображая свое положеніе, припомнилъ уклоненіе Яркендъ-дарьи къ востоку, а также старое рѣчное русло, которое мы перешли прежде, чѣмъ достигли полосы лѣса. Можетъ быть, и тутъ были однородныя условія, можетъ быть, и Хотанъ-дарья льнетъ больше къ правому берегу, около котораго я, слѣдовательно, могу ожидать найти наиболѣе глубокія мѣста русла. Я и рѣшился поэтому пересѣчь равнину прежде, чѣмъ отчаиваться.

Теперь я направился прямо къ юго-востоку. Почему же не къ востоку, какъ до сихъ поръ? Не знаю. Можетъ быть, меня загнипотизировала луна, узенькій серпъ которой блестялъ на юго-востокѣ, разливая блѣдный, голубоватый свѣтъ по безмолвной окрестности.

Твердой постуныю, подпираясь дровкомъ, шелъ я по прямой линіи къ юго-востоку, какъ будто меня вела чья-то невидимая рука. Временами меня одолевало искушеніе заснуть, отдохнуть. Пульсъ бился слабо, еле замѣтно, я напрягалъ всѣ силы, чтобы не поддаться сну. Я боялся, что онъ будетъ слишкомъ крѣпокъ, и я уже не проснусь больше.

Я не сводилъ глазъ съ мѣсяца, ожидая — не заблеститъ-ли подъ нимъ серебристая полоска воды. Но ничего такого не показывалось; востокъ тонулъ въ холодномъ ночномъ туманѣ.

Пройдя $2\frac{1}{2}$ килом., я различилъ темную линію лѣса, окаймлявшаго другой берегъ. По мѣрѣ моего приближенія къ ней, опушка лѣса выступала все яснѣе; тутъ оказалась густая заросль кустовъ и камыша; полусвалившійся тополь нахло-

вился надъ углубленіемъ въ рѣчномъ ложѣ. Мнѣ оставалось всего нѣсколько шаговъ до самаго берега, какъ вдругъ передо мной съ шумомъ взлетѣла испуганная утка. Я услышалъ всплескъ и въ слѣдующее мгновеніе стоялъ на краю небольшой, всего 20 м. въ длину, лужи съ свѣжей, чистой восхитительной водой!

Напрасно было-бы пытаться описать мои чувства въ этотъ моментъ. Но, куда я обратилъ свои мысли, передъ тѣмъ какъ напиться, читатель самъ догадается. Я сосчиталъ число ударовъ моего пульса: 49, а затѣмъ вынулъ изъ кармана жестянку изъ подъ шоколада, зачерпнулъ воды и сталъ пить. О томъ, какъ вкусна можетъ быть вода, никто, не умиравшій отъ жажды, не имѣетъ и понятія. Я тихонько подносилъ сосудъ ко рту и — пилъ, пилъ, пилъ! Какое наслажденіе, какое блаженство! Никакое вино, даже самъ нектаръ боговъ не могли быть вкуснѣе! Итакъ, надежда не обманула меня: моя счастливая звѣзда продолжала ярко сіять надъ моей головой.

Я не боюсь преувеличить, говоря, что въ теченіе 10 минутъ выпилъ 3 литра. Въ жестянку входилъ не совсѣмъ полный стаканъ, а я опорожнилъ ее 21 разъ. Въ тѣ минуты я и не думалъ о томъ, что, пожалуй, вредно пить такъ много послѣ столь продолжительнаго воздержанія. Но я и не чувствовалъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Напротивъ, вмѣстѣ съ этой холодной, свѣжей, прозрачной водой въ меня какъ будто вливалась жизнь, влага словно проникала во всѣ сосуды и ткани тѣла, впитывавшаго ее въ себя, какъ высохшая губка.

Пульсъ забился сильнѣе, и черезъ нѣсколько минутъ число ударовъ достигло 56. Кровь, за минуту передъ тѣмъ такая сгущенная, съ трудомъ обрацавшаяся въ сосудахъ, заструилась съ прежней живостью! Сморщенные, высохшія, жесткія руки стали разбухать. Кожа, походившая на пергаментъ, стала опять влажной, уругой, и на лбу скоро появилась благодѣтельная испарина. Словомъ, я ощущалъ, какъ все тѣло мое оживляется, обрѣтаетъ новыя силы; это были захватывающія минуты!

Никогда жизнь не казалась мнѣ прекраснѣе, богаче, дороже! Будущее было залито моремъ свѣта! Жить на свѣтѣ стоило. Всѣ толки о томъ, что земля юдоль печали, казались мнѣ пустой басней. Словомъ, я былъ въ восторженномъ состояніи, и мнѣ чудилось, что какое-то небесное существо провело меня среди ночнаго мрака къ этой лужицѣ; я какъ будто еще слышалъ надъ собой шумъ его крылъ.

Когда я напился и пришелъ понемногу въ болѣе нормальное состояніе, мысли мои вернулись къ дѣйствительности, а вниманіе устремилось на ближайшіе предметы. Лужа эта уцѣлѣла съ прошлаго года въ глубокой бороздѣ, проложенной теченіемъ вдоль отмели праваго берега. Вода скопилась въ небольшомъ углубленіи въ этой бороздѣ, поэтому я и не могъ замѣтить ея раньше, нежели подошелъ къ углубленію вплотную.

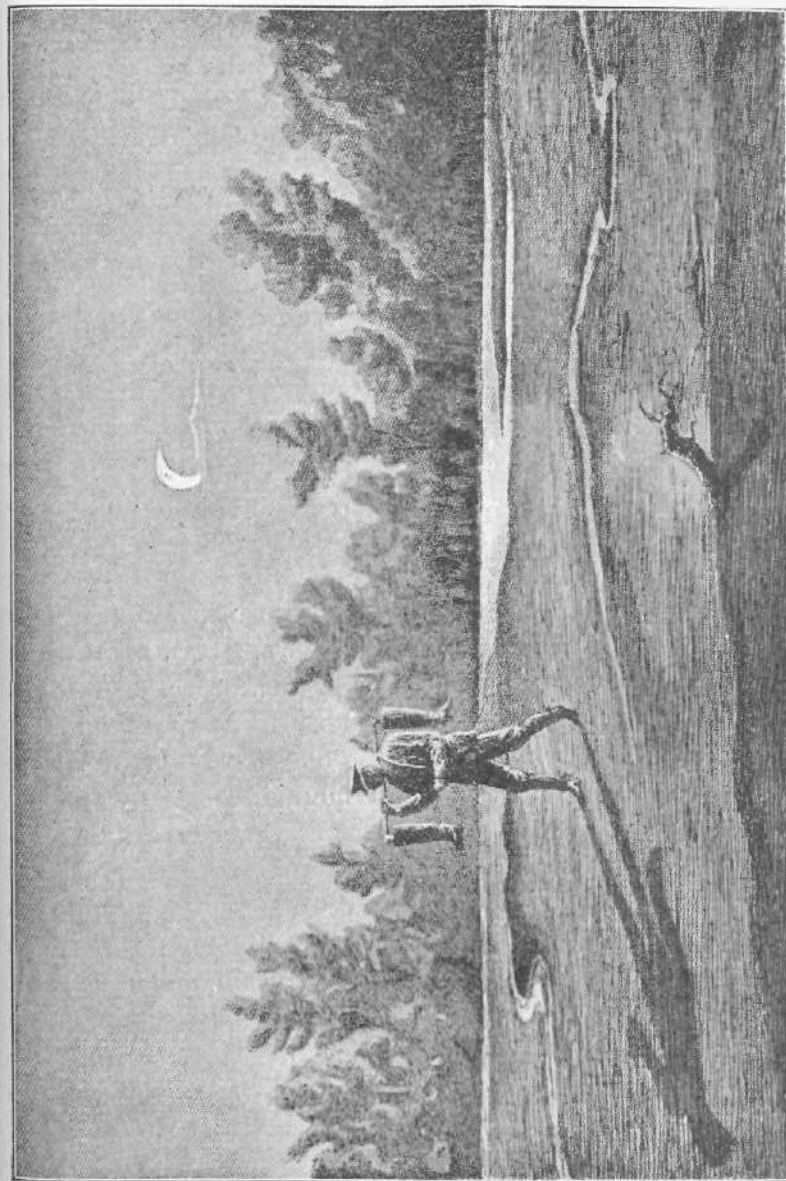
Пройди я отъ него шагахъ въ 50 вправо, или влѣво, я бы никогда не нашелъ его, а до ближайшихъ лужъ въ обѣ стороны было, какъ я убѣдился впоследствии, довольно далеко. Купцы, проходящіе весною съ караванами по дорогѣ между Хотаномъ и Акъ-су, знаютъ каждую лужицу и всегда останавливаются около нихъ на ночевки. Не наткнись я на эту лужу, я, пожалуй, заблудился-бы, а, можетъ быть, у меня и силъ не хватило-бы дойти до слѣдующей.

На восточномъ берегу виднѣлась густая заросль сухого, пожелтѣвшаго прошлогодняго камыша; между старыми стеблями пробивались и зеленые молоденькіе отрпыски. За камышевой опушкой грозно вставалъ темный лѣсъ; серпъ мѣсяца точно повисъ, зацѣпившись за верхушку тополя. Я сидѣлъ около самой лужи, блестящая зеркальная поверхность которой казалась совсѣмъ черной отъ тѣни, наводимой на нее темнымъ лѣсомъ.

Вдругъ въ камышевой заросли послышался шорохъ и шуршанье. Это могъ быть тигръ, но меня теперь и страхъ не бралъ, — недаромъ-же мнѣ была вторично дарована жизнь! Я даже радъ былъ-бы увидѣть высунувшуюся изъ чаши голову тигра съ горящими глазами. Я-бы посмотрѣлъ ему прямо въ эти глаза и спросилъ: посмѣетъ-ли онъ взять мою такую дорогою цѣною купленную жизнь!

Шорохъ и хрустъ сухихъ стеблей камыша, однако, пре-

кратились. Тигръ или какое другое животное, пробиравшееся къ лужѣ напиться, повидимому, сочло за лучшее держаться

Авторъ несетъ воду Касиму.
(Съ рисунка автора).

въ почтительномъ разстояніи, пока мѣсто было занято человекомъ.

Тутъ я вспомнилъ объ умиравшемъ въ лѣсу Касимѣ;

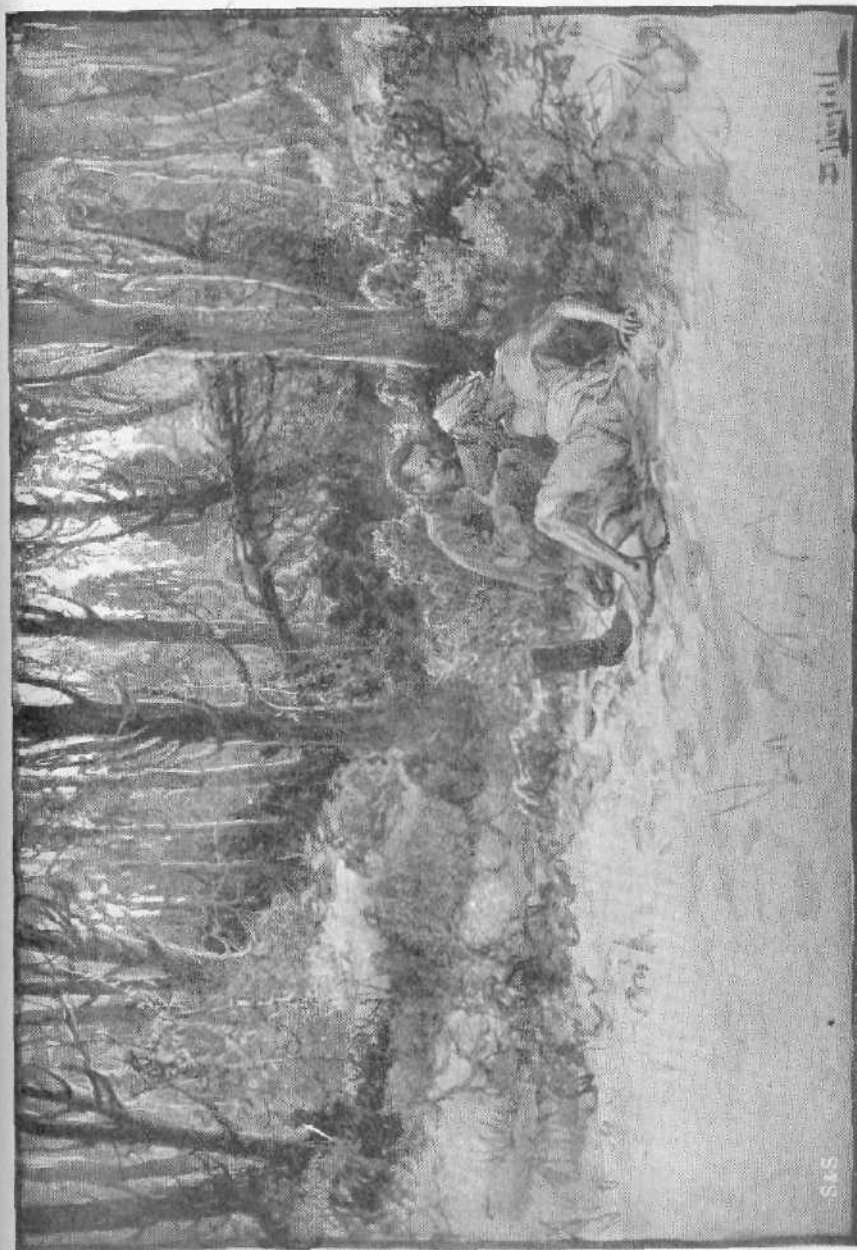
онъ не въ силахъ былъ двинуться съ мѣста, не то что идти цѣлыхъ три часа до воды. Ему нужна была скорая помощь. Но жестянка была слишкомъ мала; принесенной въ ней воды хватило-бы ему только помочить губы. Какъ-же быть? Въ чемъ снести ему воды?

Сапоги! Разумѣется, въ моихъ высокихъ, непромокаемыхъ шведскихъ сапогахъ! Какого сосуда еще лучше, практичнѣе? Съ бульканьемъ погрузились сапоги въ воду, затѣмъ я продѣлалъ въ ушки ручку заступа, перекинулъ послѣднюю черезъ плечо, какъ коромысло, и быстрыми шагами направился назадъ по собственнымъ слѣдамъ. Сапоги были до краевъ полны драгоценной влагой, которая должна была вернуть Касима къ жизни. Во время моей быстрой ходьбы часть воды расплескалась, но сквозь кожу не просочилось ни капли. Стокгольмскому сапожному мастеру Шенстрѣму врядъ-ли когда прежде приходилось выпускать въ свѣтъ сапоги, которые не только должны были спасти жизнь человѣку, но еще исколесить всю Азію вдоль и поперекъ. Зато они и приобрѣли нѣкоторую извѣстность.

Мѣсяцъ все еще бросалъ слабый свѣтъ на рѣчную долину, и я легко могъ держаться своихъ слѣдовъ. Идти было также не трудно: усталость мою, какъ рукой сняло, я почти легѣлъ къ лѣсу, окаймлявшему лѣвый берегъ. По лѣсу пробираться стало труднѣе. Чулки на мнѣ были очень тонкія, и мнѣ въ ноги то и дѣло вонзались иглы и щепочки. Но хуже всего было то, что мѣсяцъ заволокло тучами, въ лѣсу стало темно, и я потерялъ свои слѣды. Я чиркнулъ спичку, попытался прибѣгнуть къ помощи компаса, но напрасно; крикнулъ: Касимъ! но окликъ мой замеръ въ чащѣ, и я не получилъ никакого отвѣта. Нѣкоторое время я шелъ почти наугадъ, продолжая звать моего слугу изо всѣхъ силъ. Наконецъ, я понялъ всю бесполезность этого блужданья во тьмѣ—я только все болѣе и болѣе запутывался въ чащѣ лѣса—и рѣшилъ остановиться и дожидаться зари.

Наткнувшись на цѣлую баррикаду изъ вѣтвей и упавшихъ стволовъ, я поджегъ ее и образовался огромный костеръ. Сухой хворостъ и валежникъ такъ и трещали; снизу отлично поддувало, и пламя такъ и свистѣло, подымаясь столбомъ вверхъ и облиывая стволы тополей. Стало свѣтло, какъ

днемъ; какой-то зловѣщій, багровый отвѣтъ озарилъ темную до того чащу лѣса.

По моимъ предположеніямъ, Касимъ не могъ не видѣть пламени и не слышать треска огня, такъ какъ долженъ былъ

находиться неподалеку. Я опять принялся звать своего слугу и искать своихъ слѣдовъ при свѣтѣ костра, но опять тщетно, и скоро растянулся на мягкомъ пескѣ. Полюбовавшись яростью огня, я заснулъ и спалъ спокойно часа два въ такомъ разстояннн отъ костра, чтобы огонь не досталъ до меня, но и не позволилъ подойти ко мнѣ какому нибудь звѣрю.

Занималась заря, когда я проснулся; огонь значительно ослабѣлъ, остановленный свѣжими тополями, полными соковъ; стволы деревьевъ, однако, почернѣли и обуглились, и густой черный дымъ стлался надъ лѣсомъ. Изъ сапоговъ, прислоненныхъ къ дереву, не вытекло ни капли, земля подъ ними была суха. Я глотнулъ воды, снова принялся искать свои слѣды и скоро нашелъ ихъ.

Когда я добрался до Касима, онъ лежалъ все въ томъ-же положенн. Сначала онъ смотрѣлъ на меня безумно вытаращенными глазами, но, когда узналъ меня, сдѣлалъ усилнн подползти ко мнѣ и прошепталъ:—Умираю!—Хочешь воды?—спросилъ я спокойно. Онъ только качнулъ головой и бессильно опустился на землю. Онъ и не подозрѣвалъ, что было въ сапогахъ. Я взялъ одинъ сапогъ и, наклоняя его изъ стороны въ сторону, далъ Касиму послушать, какъ переливается въ немъ вода. Касимъ вздрогнулъ, испустилъ нечленораздѣльный звукъ, а, когда я поднесъ къ его губамъ край голенищи, приналъ къ водѣ и однимъ духомъ выпилъ всю сначала изъ перваго сапога, а потомъ и изъ второго.

6 мая. Послѣ того, какъ и Касимъ подвергся тому-же превращенн, какъ я наканунѣ вечеромъ, и снова пришелъ въ себя, мы посовѣтовались и рѣшили отправиться къ лужѣ, чтобы отдохнуть тамъ, какъ слѣдуетъ, напиться и вымыться, — этой роскоши мы не могли позволять себѣ въ теченн послѣднихъ недѣль.

Касимъ былъ, однако, еще такъ слабъ, что не могъ поспѣвать за мной, шелъ, пошатываясь, какъ пьяный, и безпрестанно присаживался.

Такъ какъ онъ находился на вѣрной дорогѣ къ водѣ, а я пока не могъ сдѣлать для него ничего больше того, что было уже сдѣлано, то я и поспѣшилъ впередъ одинъ, еще разъ напился воды, выкупался и ждалъ Касима съ часъ. О немъ все не было ни слуха, ни духа.

Тутъ далъ себя знать голодъ. Теперь важнѣе всего было отыскать людей; во первыхъ можно было раздобыть у нихъ пищи, а во вторыхъ попытаться съ ихъ помощью вернуться въ пустыню и спасти Ислама и наши пожитки. Я и представилъ пока Касима самому себѣ, а самъ быстрыми шагами поспѣшилъ вдоль праваго берега русла прямо на югъ. Сапоги мои были такъ мокры, что я не могъ надѣть ихъ и шелъ босой.

Въ 9 ч. поднялась сильная буря съ запада, подымавшая пыль и песокъ столбомъ, затемнивъ солнце. На жару поэтому жаловаться не приходилось, зато густая пыльная мгла застилала видъ во все стороны, и лѣса не было видно ни направо, ни налево.

Послѣ трехчасовой, безостановочной ходьбы, опять меня начала мучить жажда. Отъ горячаго летучаго песку и вѣтра просто духъ захватывало, и я вошелъ въ лѣсъ, росшн на правомъ берегу, чтобы отдохнуть въ чащѣ и поразмыслить о своемъ положенн. Тутъ пришло мнѣ въ голову, что до ближайшей лужи, пожалуй, нѣсколько дней пути, и что съ моей стороны неблагоприятно было покинуть первую, найденную мною столь чудеснымъ образомъ. Къ тому-же лучше было-бы соединиться съ Касимомъ, — вдвоемъ веселѣе.

Итакъ, я повернулъ назадъ и пошелъ по берегу къ сѣверу, но не прошло и получаса, какъ случай привелъ меня къ новой лужѣ, едва въ метрѣ въ окружности; вода въ ней оказалась мутная, чуть солоноватая. Я съ жадностью напился. Усталость одолѣвала меня, и я не зналъ хорошенько на что рѣшиться. Воду я нашелъ, а безъ Касима могу пока и обойтись. Продолжать путь къ югу я былъ не въ силахъ. Самое лучшее было подождать тутъ, пока буря уляжется, а тогда развести костеръ: по лѣсной тропинкѣ, по лѣвому берегу могутъ проходить люди, огонь и привлечетъ ихъ.

Я и отыскалъ около лужи чащу, въ которой можно было отлично укрыться отъ бури. Тутъ я улегся, подложилъ подъ голову вмѣсто подушки фуражку и сапоги и заснулъ крѣпкимъ долгимъ сномъ — въ первый разъ съ 1-го мая. Когда я проснулся, было уже темно, но вѣтеръ все еще вылъ въ лѣсу. Было 8 ч. вечера. Напившись воды изъ лужи, я развелъ большой костеръ, и долго просидѣлъ, глядя на пламя.

Голодъ опять началъ мучить меня. Я нарвалъ немножко травы, молодыхъ побѣговъ камыша и наловилъ въ лужѣ головастики, чтобы обмануть голодъ. Головастики были горьки, но я глоталъ ихъ цѣликомъ. Послѣ такого „ужина“ я набралъ цѣлую охапку хвороста, чтобы поддерживать огонь ночью.

Будь со мной мой Джолдашъ! А, можетъ быть, онъ живъ еще и пробрался къ рѣкѣ по нашимъ слѣдамъ? Я принялся пронзительно свистать, но Джолдашъ такъ и не явился, и я, наконецъ, опять заснулъ.

7 мая. Буря стихла, но воздухъ все еще насыщенъ пылью. Этотъ „черный буранъ“ навѣялъ на меня тяжелыя, мрачныя мысли. Это былъ первый буранъ, разразившійся послѣ гибели каравана. Онъ набросалъ теперь первыя горсти праха на тѣла моихъ слугъ и верблюдовъ! Онъ замелъ все наши слѣды, и Исламъ-бай, если онъ живъ еще, ни за что не найдетъ насъ даже съ помощью компаса. Да и намъ, если мы найдемъ людей, которые согласятся отправиться съ нами въ пустыню на розыски палатки, будетъ стоять большихъ трудовъ найти ее, такъ какъ и мы не можемъ болѣе руководиться нашими слѣдами.

Потомъ мнѣ пришло въ голову другое. Эта мѣстность казалась совершенно безлюдною. Можетъ быть, этой дорогой вовсе и не пользуются въ жаркое время года? Дожидаясь тутъ помощи, я, пожалуй, успѣю умереть съ голоду! Когда я въ послѣдній разъ смотрѣлъ на карту Пржевальскаго, я высчиталъ, что мы достигнемъ рѣки около Буксама, расположеннаго въ 250 верстахъ отъ Хотана. Отправиться развѣ въ Хотанъ? Я могу пройти это разстояніе въ 6 дней.

Рѣшено и приведено въ исполненіе. Въ 4¹/₂ часа утра я отправился въ путь и зашагалъ, держась, по возможности, прямой линіи, посрединѣ рѣчного русла, которое почти не дѣлало изгибовъ. Ширина его колебалась между 1 — 3 килом. На всякій случай я взялъ съ собой запасъ воды въ сапогахъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы, ноги у меня просто онемѣли и покрылись пузырями. Я обвернулъ ступни сложенными вдвое чулками и привязалъ послѣдніе длинными бинтами, изорвавъ для этого рубашку.

Въ слѣдующей попавшейся мнѣ лужѣ вода опять ока-

залась прѣсною, и я замѣнилъ ею взятую съ собой солоноватую. Затѣмъ я сталъ придерживать лѣваго берега и къ своей величайшей радости набрелъ на обнесенный плетнемъ загонъ для овецъ. Я тщательно осмотрѣлъ его и убѣдился, что онъ давно въ забросѣ. Пониже, въ самомъ рѣчномъ ложѣ, виднѣлись слѣды колодца.

Полуденная жара и усталость загнали меня въ 11¹/₂ ч. опять въ лѣсъ. Тутъ я сдѣлалъ привалъ, насобиралъ молодыхъ побѣговъ камыша и травы, искрошилъ ихъ ножомъ и смѣшалъ съ водою. Это былъ мой завтракъ.

Когда полуденная жара спала, я опять двинулся дальше, и шелъ часъ за часомъ до 8 ч. вечера, когда усталость принудила меня сдѣлать привалъ. Разведя, по обыкновенію, костеръ, я улегся спать.

8 мая я поднялся еще до восхода солнца и двинулся дальше, опять держась лѣваго берега, убѣжавшаго къ SSW. Странно! Людей все не попадалось! Но, можетъ быть, дорога шла лѣсомъ, и я могъ такимъ образомъ разминуться съ путниками?

Чтобы ориентироваться, я пересѣкъ лѣсъ въ западномъ направленіи. Ширина его оказалась всего въ 1 килом., и за его опушкой предо мной предстало зловѣщее желтое песчаное море, столь хорошо мнѣ знакомое, и заставило меня въ ужасѣ отступить. Въ часѣ ходьбы дальше барханы, вытянутые съ NNW къ SSO, стали подступать къ самому краю рѣчного русла.

Тамъ и сямъ росли одинокіе тополи, и я, изнуренный жарой, легъ подъ тѣнью одного изъ нихъ. По пути мнѣ попалось что-то около 8 маленькихъ лужицъ; большинство содержало солоноватую воду.

Отдохнувъ часа два, я продолжалъ свое одинокое путешествіе къ югу. Если дорога дѣйствительно существовала, она, ясное дѣло, не могла идти по лѣвому берегу, такъ какъ по песчанымъ грядамъ никто по доброй волѣ не пойдетъ и не поѣдетъ. Итакъ, надо было изслѣдовать лѣсъ на правомъ берегу. Ширина рѣчного русла равнялась здѣсь 2 килом. Но и на правомъ берегу я не нашелъ дороги. Я поэтому опять пошелъ по руслу, придерживаясь берега и опушки лѣса.

Приблизительно въ 300 м. дальше, на сухомъ песчаномъ

ложѣ рѣки показались два островка, покрытые кустарникомъ и тополями. Между южнымъ островкомъ и берегомъ я открылъ незадолго до солнечнаго заката слѣды двухъ босыхъ людей и четырехъ ословъ; слѣды вели въ противоположную сторону, т. е. къ сѣверу!

Человѣческіе слѣды! Я ожилъ. Значить, я болѣе не одинокъ въ этой пустынной мѣстности! Слѣды были такъ свѣжи, такъ отчетливы, что, очевидно, прошелъ самое большее день съ тѣхъ поръ, какъ люди эти проходили здѣсь. Странно, какимъ образомъ я не встрѣтилъ ихъ, разъ мы шли по противоположному направленію; но, можетъ быть, они шли ночью, а днемъ отдыхали.

Откуда и куда они шли? Гдѣ они въ послѣдній разъ дѣлали привалъ? Можетъ быть, около человѣческаго жилища? Или только около какой нибудь лужи? Возвращаться назадъ по ихъ слѣдамъ не стоило, — они, конечно, успѣли уже уйти такъ далеко, что мнѣ не догнать ихъ. Оставалось только идти туда, откуда шли слѣды, что я и сдѣлалъ, продолжая съ любопытствомъ разглядывать эти отпечатки человѣческихъ ногъ. Руководимый ими, я, слѣдовательно, шелъ все къ югу, вдоль праваго берега Хотанъ-дарьи.

XXVII.

Двѣ недѣли въ бесѣдкѢ. Исламъ-бай спасенъ.

Начинало уже смеркаться, когда мнѣ около края выдающейся мысомъ части лѣса послышался звукъ, заставившій меня остановиться и прислушаться, затаивъ дыханье. Звукъ не повторялся, и я подумалъ, что это былъ дроздъ, или какая нибудь другая птица, которая не разъ заставляла меня вздрагивать и останавливаться. Но нѣтъ! Въ слѣдующую минуту я уже ясно услышалъ крикъ и мычанье коровы. Звуки эти въ данную минуту показались мнѣ слаще самаго чарующаго пѣнія примадонны.

Поспѣшно надѣлъ я на себя мокрые сапоги, чтобы не походить на какого-то полоумнаго, и въ сильнѣйшемъ волненіи поспѣшилъ на звуки, продирался сквозь чащу, перепрыгивая черезъ поваленные стволы, спотыкаясь и падая. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе слышался людской говоръ и мычанье коровъ; наконецъ, черезъ просѣку въ чащѣ я увидѣлъ на полянѣ пасущееся стадо и пастуха съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ. Онъ былъ не мало пораженъ при видѣ появившагося изъ чащи человѣка въ лохмотьяхъ и синихъ очкахъ.

Пожалуй, онъ принялъ меня за лѣснаго тролля, или за одного изъ злыхъ духовъ пустыни, заблудившагося въ лѣсу; но крайней мѣрѣ, онъ какъ будто окаменѣлъ отъ испуга и только тараторилъ на меня. Я привѣтствовалъ его дружескимъ: „селямъ алейкумъ!“ (миръ вамъ) и вкратцѣ объяснилъ ему, какъ попалъ сюда. Но тутъ пастухъ мой вдругъ бросилъ стадо, кинулся бѣжать и исчезъ въ чащѣ.

Вскорѣ, однако, онъ вернулся съ другимъ пастухомъ, постарше, который оказался разсудительнѣе. Я встрѣтилъ и этого тѣмъ-же привѣтомъ и сталъ подробно рассказывать о нашихъ приключеніяхъ. Услыхавъ, что я недѣлю не ѣлъ и прошу немного хлѣба, пастухи повели меня въ низенькій шалашъ изъ вѣтвей, находившійся неподалеку.

Тутъ я расположился на рваной кошмѣ, и младшій пастухъ поднесъ мнѣ деревянный лотокъ со свѣжимъ маисовымъ листовымъ хлѣбомъ. Я поблагодарилъ, отломилъ кусокъ и сталъ ѣсть; съѣвъ небольшой ломтикъ, я почувствовалъ, что уже сытъ. Пастухи предложили мнѣ еще овечьего молока, которое я выпилъ съ удовольствіемъ. Послѣ того оба пастуха куда-то исчезли, а со мною остались только двѣ большія собаки, которыя все время лаяли на меня.

Когда уже стемнѣло, пастухи вернулись, приведя съ собой въ шалашъ еще третьяго. По близости отъ шалаша находился загонъ, куда и загнали стадо на ночь, чтобы оно было въ безопасности отъ нападенія тигровъ и волковъ; мы же, разведя большой костеръ, заснули все четверо прямо подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ я былъ спасенъ отъ смерти, отъ голода и жажды.

9 мая. На разсвѣтѣ пастухи ушли со своими стадами, и я опять остался одинъ. Шалашъ былъ расположенъ на холмѣ

около опушки лѣса, и между деревьями открывался видъ на русло Хотанъ-дарьи. Неподалеку отъ шалаша рѣка образовывала заливчикъ, и въ немъ находилась лужа съ прозрачной водой; чтобы обезпечить себя запасомъ свѣжей холодной воды, пастухи кромѣ того вырыли въ рѣчномъ ложѣ колодезь.

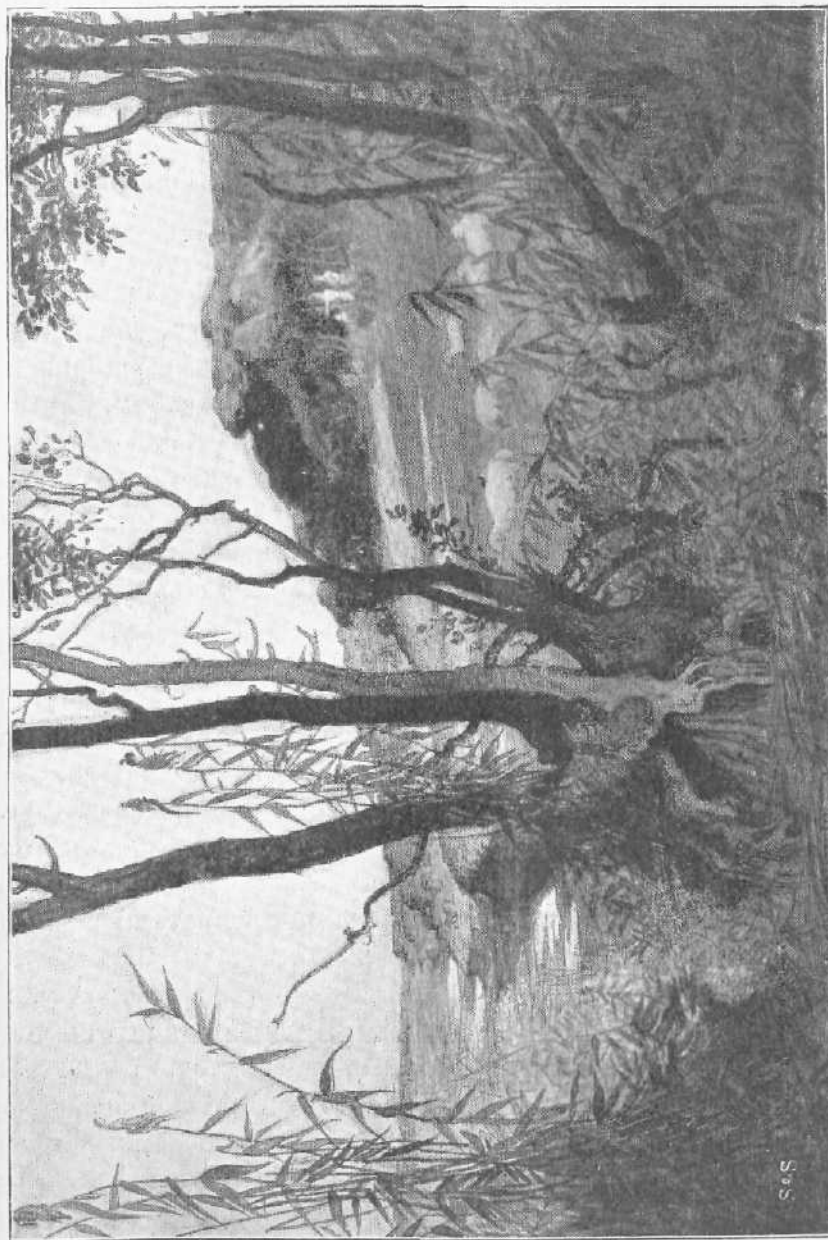
Около полудня они вернулись, чтобы провести со стадами жаркую пору дня около колодца. Во время этого полуденнаго отдыха я и имѣлъ случай поближе свести знакомство съ моими хозяевами. Одного изъ нихъ звали Юсуфъ-бай, другого Тогда-бай и третьяго Паси-ахунъ; пасли-же они 170 овецъ и козъ и 60 коровъ, принадлежавшихъ одному хотанскому баю.

Проводили они тутъ въ лѣсу и лѣто и зиму и получали за свой однообразный трудъ все вмѣстѣ 20 тенегъ (около 4 рублей) въ мѣсяцъ, да известное количество маисовой муки для хлѣба. Когда подножный кормъ на одномъ мѣстѣ истощался, они переходили на другое, и возводили себѣ новый шалашикъ, если тамъ не оставалось стараго съ прежнихъ лѣтъ. Здѣсь, гдѣ я нашелъ ихъ, они стояли уже пять дней и скоро должны были перекочевать на другое мѣсто. Лѣсная область эта называлась Буксамъ (частый лѣсъ, чаща).

Хотя жизнь они вели, повидимому, крайне однообразную и бѣдную радостями, видъ у нихъ былъ веселый и довольный. Тогда-бай былъ женатъ, но жена его оставалась въ Хотанѣ. Я спросилъ его, почему онъ не беретъ ее съ собой въ лѣсъ, и онъ сказалъ, что проѣзжіе китайцы не даютъ спуска туземнымъ женщинамъ, и поэтому пастухи предпочитаютъ жить бобылями. Раза два въ годъ ему удается навѣстить жену въ городѣ.

Мое появленіе внесло нѣкоторую перемѣну въ ихъ однообразное житье-бытье, но они все еще дичились меня и, видно, считали меня подозрительнымъ субъектомъ. То обстоятельство, что я говорю на ихъ языкѣ, впрочемъ, нѣсколько успокаивало ихъ, и бесѣда у насъ шла хорошо. Питались они исключительно маисовымъ хлѣбомъ, водой и чаемъ, сильно отзывавшимся перцемъ. Два раза въ день они пекли себѣ по большому хлѣбу, который дѣлили между собою. Хлѣбъ этотъ дѣлался изъ прѣснаго тѣста, замѣшаннаго прямо на водѣ; прибавивъ въ тѣсто немного соли, они валяли на деревянномъ лоткѣ

круглую лепешку, затѣмъ клали ее прямо на горячіе уголья, а сверху прикрывали теплой золой. Черезъ три часа хлѣбъ

Лѣсъ на правомъ берегу Хотанъ-Дарьи.
(Съ рисунка Г. Галлестрема).

былъ готовъ и выходилъ очень вкуснымъ. Я ѣлъ его съ наслажденіемъ, и хозяева мои не скупились на угощеніе, хоть

и видѣли, что у меня нѣтъ ни гроша, чтобы заплатить имъ за гостепрѣимство.

Имущество ихъ было не велико. Прежде всего надо упомянуть надѣтое на нихъ платье: на плечахъ рваный „чапанъ“—халатъ, на головѣ „тельпекъ“, т. е. косматая баранья шапка, вокругъ талии „бельбагъ“, или поясъ, въ которомъ запрятанъ запасъ чая, и на ногахъ, вмѣсто сапогъ, доскутья овечьей шкуры, прикрѣпленные ремешками, а вмѣсто чулокъ онучи.

Остальное добро заключалось въ большой деревянной чашкѣ—„казанъ“, средней „аягъ“ и маленькой „джамъ“, котелкѣ, тыквенной бутылкѣ для воды—„кабакъ“, ковшѣ—или „чумичкѣ“, грубо выдолбленномъ изъ тополевого корня, кошмы—„кигизъ“ и трехструнной гитары—„джевабъ“. Самымъ же важнымъ предметомъ изъ всего хозяйственного скарба считался топоръ—„балта“, топориче котораго образуетъ съ лезвиемъ прямой уголъ; этимъ орудіемъ они рубятъ себѣ шалаши, топливо, прорубаютъ просѣки въ чащѣ и обчищаютъ весной съ деревьевъ молодые вѣтви и побѣги на кормъ овцамъ и козамъ.

Необходимой вещью въ ихъ быту является также огниво, — „чакмакъ“. Разведя по прибытіи на мѣсто костеръ, который поддерживаютъ между прочимъ сухимъ пометомъ скота, они ужъ не даютъ ему погаснуть все время, пока остаются на этомъ мѣстѣ. Утромъ они прикрываютъ угли золою, а вечеромъ, подложивъ нѣсколько сухихъ вѣтокъ, снова раздуваютъ уголья. Мѣшокъ съ маисовой мукой они прячутъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими предметами на крышѣ шалаша, чтобы не стащили собаки.

Пастухи рассказывали мнѣ, что по лѣсному тракту, ведущему къ Хотану по обоимъ берегамъ рѣки, кочуетъ много пастуховъ со стадами, и чѣмъ выше вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ стойбища пастуховъ попадаются чаще. Вблизи-же самого Хотана нѣтъ пастбищъ, и „баи“, владѣльцы большихъ овечьихъ отаръ, оставляютъ свои стада круглый годъ въ лѣсахъ около Хотанъ-дарьи. Въ это время года, когда русло рѣки еще сухо, все ходятъ и ѣздятъ по самому руслу, представляющему ровную, твердую дорогу, но когда оно наполняется водой, приходится держаться лѣсной дороги.

Послѣ обѣда пастухи подняли стада и ушли въ лѣсъ. Въ это время мимо прошелъ изъ Хотана въ Акъ-су караванъ, состоявшій по крайней мѣрѣ изъ сотни навьюченныхъ рисомъ ословъ. Караванъ-баши проѣхалъ мимо, не замѣтивъ меня, но когда караванъ нагналъ пастуховъ, Паси-ахунъ поговорилъ съ купцами насчетъ меня.

Я только что ушелъ въ шалаши, чтобы отдохнуть, какъ услышалъ чужіе голоса и бряцанье уздечекъ и стремянъ и поспѣшилъ выйти. Со стороны Акъ-су ѣхали на отличныхъ коняхъ трое зажиточныхъ съ виду купцовъ.

Они быстро неслись по лѣсу прямо къ шалашу и тутъ, соскочивъ съ коней и учтиво поклонившись, безъ малѣйшаго колебанья направились прямо ко мнѣ, точно меня-то именно и искали.

Я пригласилъ ихъ сѣсть, и одинъ изъ нихъ, хорошо одѣтый, чернобородый человекъ, вступилъ со мной въ разговоръ и сообщилъ крайне радостное извѣстіе. Въ разстояніи одного дня пути къ сѣверу отъ Буксама, на лѣвомъ берегу рѣки, они наткнулись вчера на человекъ, скорѣе мертваго, чѣмъ живого, лежащаго около бѣлаго верблюда, который усердно щипалъ траву на опушкѣ лѣса.

Они, какъ евангельскій самарянинъ, остановились и спросили человекъ, что съ нимъ. Тотъ въ отвѣтъ прохрипѣлъ: „Су, су!“ (воды, воды). Они тотчасъ послали верховаго съ кунганомъ къ ближайшей лужѣ, и умиравшій отъ жажды человекъ (въ которомъ я сразу узналъ Исламъ-бая) выпилъ воду однимъ духомъ. Послѣ того ему дали орѣховъ, изюму и хлѣба, онъ поѣлъ, оправился и сообщилъ, какъ попалъ туда.

Въ заключеніе онъ попросилъ ихъ поискать меня,—хотя и не зналъ, живъ-ли я еще, такъ какъ вотъ уже два дня потерялъ мои слѣды, — и въ случаѣ, если найдутъ, дать мнѣ одну изъ ихъ лошадей, чтобы я могъ добраться до Хотана. Купцы все и искали меня, пока, наконецъ, не нашли.

Они предложили мнѣ сѣсть на одну изъ ихъ лошадей и ѣхать съ ними въ Хотанъ, но я, не колеблясь ни минуты, рѣшилъ, что мнѣ слѣдуетъ дожидаться Ислама-бая. Если ему повезло добратся съ однимъ изъ верблюдовъ до рѣки, то, пожалуй, удалось и спасти кое-что изъ нашихъ пожитковъ, — быть можетъ, мои записныя книжки и съемки марш-

рута по пустынь. Слѣдовательно, можетъ статья, намъ удастся вновь организовать караванъ.

Будущее опять прояснилось передо мною. Еще утромъ я раздумывалъ о крушеніи нашего каравана и ломалъ себѣ голову, какъ-бы закончить мое путешествіе съ возможно большими результатами, насколько позволяютъ обстоятельства. Я и полагалъ пристать попутчикомъ къ первому проѣзжему купцу, направлявшемуся въ Хотанъ, а изъ Хотана добраться до Кашгара и оттуда уже телеграфировать въ Европу о высылкѣ мнѣ новыхъ приборовъ и прочихъ предметовъ снаряженія. По полученіи ихъ я могъ на остатокъ моего капитала, уцѣлѣвшій въ Кашгарѣ, побывать на Лобъ-норѣ и черезъ Сибирь вернуться на родину.

Теперь же узнавъ, что Исламъ-бай живъ и даже спасся одинъ изъ верблюдовъ, я былъ увѣренъ, что намъ удастся разыскать и палатку и весь багажъ погибшаго каравана. Такимъ образомъ, я вмѣсто того, чтобы сузить свой планъ, могъ еще расширить его.

Трое купцовъ отправились дальше, снабдивъ меня изряднымъ количествомъ бѣлаго хлѣба и давъ мнѣ въ займы 18 серебряныхъ тенегъ. Въ Хотанѣ, гдѣ мы условились встрѣтиться, я могъ расплатиться съ ними. Теперь пастухи вполне увѣрились въ истинѣ моихъ рассказовъ и получили также надежду, что не останутся безъ награды за оказанныя мнѣ услуги.

10 мая. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ поднималъ густую пыль, и я весь день пролежалъ и проспалъ въ шалашѣ. Физическая усталость, которую я столько времени превозмогалъ въ концѣ нашего путешествія, теперь взяла свое, и я чувствовалъ себя, словно выздоравливающей послѣ долгой тяжелой болѣзни.

На закатѣ солнца меня разбудилъ ревъ верблюда, и я поспѣшно выскочилъ изъ шалаша. Паси-ахунъ велъ Акъ-тюю, а за ними шли Исламъ-бай и Касимъ. Славный мой Исламъ-бай бросился, рыдая, къ моимъ ногамъ и сталъ обнимать ихъ. Я поспѣшилъ поднять и успокоить его. Да, онъ такъ же, какъ и я, почти потерялъ надежду, что мы свидимся снова.

Вьюкъ бѣлаго верблюда состоялъ изъ двухъ переметныхъ сумъ; въ одной находилась большая часть моихъ при-

боровъ, мои замѣтки, съемки маршрута, бумага, перья и пр., а въ другой, нашъ запасъ китайскаго серебра, фонарь, чайникъ, папиросы и пр. Оба ружья, завернутыя въ кошму, тоже оказались цѣлы.

Успокоившись и съѣвъ кусокъ хлѣба, Исламъ рассказалъ слѣдующее. Оставленный нами въ ночь на 2-е мая, онъ лежалъ на мѣстѣ нѣсколько часовъ, но потомъ потихоньку потащился по нашимъ слѣдамъ, ведя четырехъ уцѣлѣвшихъ верблюдовъ, которые, впрочемъ, шли впередъ очень неохотно. Поздно вечеромъ 3 мая онъ видѣлъ нашъ большой сигнальный костеръ около 3 тополей: это очень его ободрило: значитъ, мы были живы и добрались до опушки лѣса, а, можетъ быть, даже нашли воду.

4 мая, послѣ полудня, онъ достигъ мѣста нашего привала и видѣлъ слѣды нашей попытки вырыть колодезь. Такъ какъ день былъ страшно жаркій, то Исламъ и остановился въ тѣни тополей. Глубоко вонзивъ въ одинъ изъ тополей топоръ, онъ собралъ изъ дерева цѣлую чашку сока, выпилъ его, и такимъ образомъ подкрѣпилъ свои силы. Здѣсь пришлось ему бросить вьюкъ одного изъ верблюдовъ.

5 мая онъ продолжалъ путь по нашимъ слѣдамъ и на слѣдующій день достигъ стараго пересохшаго русла рѣки, гдѣ нашелъ слѣды нашей новой попытки вырыть колодезь; тутъ отъ него убѣжалъ освобожденный отъ вьюка верблюдъ, который и направился на собственный страхъ прямо на востокъ. Здѣсь-же исчезъ Джолдашъ, до сихъ поръ неотступно тащившійся за Исламомъ; послѣдній полагалъ поэтому, что собака околѣла.

7 мая свалился мой „Богра“, а вскорѣ и „Нэръ“, несшія приборы для измѣренія абсолютной высоты, сигары, чай, сахаръ, свѣчи и макаронны. Исламъ съ однимъ бѣлымъ верблюдомъ дошелъ до берега рѣки, но найдя русло сухимъ, окончательно впалъ въ отчаяніе, легъ и сталъ ждать смерти.

Было это утромъ 8 мая, а около полудня, словно чудо какое послало на его путь трехъ купцовъ, которые и спасли его. Вскорѣ затѣмъ онъ встрѣтился съ Касимомъ, который сообщилъ ему, что я живехонекъ, но куда направился неизвестно. Честный Касимъ въ простотѣ душевной полагалъ даже, что я отправился ищкомъ къ сѣверу, въ Акъ-су. Къ

счастью, Исламъ оказался умнѣе и рѣшилъ искать меня на дорогѣ къ Хотану. Паси-ахунъ, котораго я послалъ ему на встрѣчу, далъ ему вѣрныя свѣдѣнія, и вотъ онъ добрался сюда.

Исламъ-бай такимъ образомъ совершилъ настоящій подвигъ. Въ противоположность Касиму и мнѣ, онъ не думалъ только о самомъ себѣ, но приложилъ все старанія спасти и часть багажа, которую считалъ наиболѣе цѣнной, перегружая вещи съ другихъ верблюдовъ на бѣлаго, болѣе бодрого, чѣмъ остальные. Итакъ, я могъ продолжать свои научныя работы.

Вечеромъ мы устроили около пастушьяго костра настоящій пиръ. Послѣ многихъ отговорокъ Паси-ахунъ согласился продать намъ за 32 тенгя овецъ, которую сейчасъ же и закололи. Я угостился почками, поджаренными на угольяхъ, а другіе сварили себѣ лакомые куски въ котелкѣ. Теперь пульсъ мой дѣлалъ 60 ударовъ въ минуту, а черезъ три дня отдыха и полного благополучія уже 82.

11 мая. Подножный кормъ былъ съѣденъ кругомъ до чиста, и пастухамъ предстояло перекочевать на другое мѣсто, расположенное въ 10 верстахъ дальше, внизъ по рѣкѣ, на правомъ ея берегу. Мы и отправились все вмѣстѣ пѣшкомъ, опять навьючивъ на Акъ-тюю все наши пожитки.

Мѣстомъ стоянки былъ выбранъ маленькій холмъ, окруженный густой порослью камыша и поросшіей тополями. Между двумя деревьями люди устроили мнѣ живую бесѣдку изъ густыхъ вѣтвей, дававшую отличную тѣнь. Грунтъ въ бесѣдкѣ уравнили и покрыли войлокомъ. Вмѣсто изголовья должна была служить мнѣ холщевая денежная сумка, а вмѣсто стола ящикъ съ папиросами. Около одного изъ стволовъ были разложены въ порядкѣ приборы, карты, записныя книжки и письменныя принадлежности. При настоящихъ обстоятельствахъ, нельзя было и желать лучшаго; я устроился въ своей бесѣдкѣ очень уютно, не хуже чѣмъ у себя въ кабинетѣ въ Стокгольмѣ.

Исламъ и Касимъ расположились около третьяго тополя, гдѣ поддерживали „неугасимый огонь“. Пастухи со своими стадами стояли неподалеку въ камышахъ. Два раза въ день Паси-ахунъ доставлялъ мнѣ кринку густого овечьяго молока

и свѣжій маисовый хлѣбъ, табаку у меня былъ теперь запасъ на нѣсколько недѣль, — чего же еще? Самый завзятый эпикуреецъ не могъ-бы наслаждаться жизнью больше, чѣмъ я въ эти дни, даромъ что наше уединенное житье-бытье въ лѣсу и напоминало примитивное житье-бытье Робинзона.

12 мая. Во второмъ часу дня завидѣли мы вдали небольшой караванъ, подвигавшійся съ сѣвера по рѣчному руслу, и съ нетерпѣніемъ стали поджидать его приближенія къ намъ. Исламъ и Касимъ успѣшили сойти съ холма, чтобы окликнуть купцовъ и позвать ко мнѣ. Оказалось, что это были четверо хотанскихъ купцовъ, которые тринадцать дней тому назадъ оставили городъ Куча, куда они передъ тѣмъ привезли виноградъ изъ Хотана, и гдѣ взаменъ приобрѣли 10 лошадей, нѣсколько ословъ и корову, которыхъ и вели теперь на продажу въ Хотанъ, — тамъ животныя были въ цѣнѣ.

Купцы сообщили, что Яркендъ-дарья около Зиля, т. е. тамъ, гдѣ въ нее впадаетъ Хотанъ-дарья, была уже такъ переполнена, что вода доходила всаднику до пояса. Слѣдующая по руслу Хотанъ-дарьи, можно было ежедневно останавливаться на привалъ около небольшихъ лужъ или, въ крайнемъ случаѣ, вырыть колодезь. Въ началѣ или срединѣ іюня надо было ожидать новаго притока водъ; самый же разгаръ половодья ожидался не раньше, какъ еще черезъ полтора-два мѣсяца.

Мы налетѣли на этихъ купцовъ, какъ коршуны, и въ полчаса сторговали у нихъ за 750 тенегъ трехъ отличныхъ лошадей, стоявшихъ въ Кашгарѣ 600 тенегъ. (Хотанская теньга = 2 кашгарскимъ тенгамъ = приблизительно 20 коп.). Кроме того, мы купили три вьючныхъ сѣдла, уздечки, мѣшокъ маиса для корма лошадямъ и мѣшокъ пшеничной муки для насъ самихъ, сапоги Исламу, который съ послѣдняго нашего лагеря ходилъ босикомъ, небольшое количество чая, кунганъ и пару фарфоровыхъ чашекъ — все за 65 тенегъ. Теперь можно было обойтись и безъ помощи изъ Хотана; мы полагали, что съ тремя лошадьми и однимъ верблюдомъ намъ удастся спасти вьюки послѣднихъ павшихъ верблюдовъ.

Вечеромъ къ намъ явилось двое молодыхъ охотниковъ съ длинными ружьями, снабженными трезубцемъ. Они недавно пришли въ лѣса Буксама стрѣлять мараловъ, рога которыхъ

китайцы охотно покупаютъ для приготовленія изъ нихъ лекарства. Мы немедленно завербовали охотниковъ на службу; они отлично знали всю мѣстность, и я рѣшилъ, что они отправятся съ Исламомъ и Касимомъ розыскивать послѣдній нашъ роковой лагерь.

13 мая купцы продолжали путь въ Хотанъ. Оба охотника скрылись въ лѣсу и черезъ часъ вернулись съ оленемъ (маралъ, „богу“), котораго застрѣлили вечеромъ наканунѣ. Оленя освѣживали, и Исламъ сварилъ изъ его нѣжнаго, вкуснаго мяса отличный супъ.

Одинъ изъ охотниковъ, Касимъ-ахунъ, сообщилъ, что и въ той части пустыни, которая находится между Хотанъ-дарьей и Керіей-дарьей, песокъ представляетъ мощныя толщи, но что въ первые дни пути можно дорыться до грунтовой воды. Но время теперь уже ушло, и я отказался отъ первоначальнаго плана пересѣчь и эту часть пустыни.

Сегодня пришелъ отецъ обоихъ молодыхъ охотниковъ, Ахметъ Мергенъ (т. е. охотникъ), типичный туземецъ, съ крупнымъ носомъ, бородой клиномъ, высокій, стройный и широкоплечій. Онъ оказался очень обходительнымъ человекомъ, заинтересовался нашей судьбой и принялъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ „спасательной экспедиціи“. Для насъ онъ былъ настоящей находкой; никто лучше его не могъ пригодиться намъ въ данномъ случаѣ. Онъ припомнилъ, между прочимъ, что увлекшись однажды охотой, забрался очень далеко въ пустыню и видѣлъ тѣ три одинокихъ тополя, возлѣ которыхъ мы съ Касимомъ жгли сигнальный костеръ.

Утромъ сборы были закончены, и въ 1 часъ дня „экспедиція“ выступила. Отправились: Исламъ-бай, Касимъ, Ахметъ Мергенъ и одинъ изъ его сыновей. Караванъ состоялъ изъ трехъ лошадей и верблюда. Изъ запасовъ были взяты: хлѣбъ, мука, мясо, три „кабака“ (тыквенныя бутылки) и „мишь“ (козій бурдюкъ) съ водой.

Передъ выступленіемъ Ахметъ посоветовалъ мнѣ лучше перебраться на островъ, находившійся въ самомъ руслѣ рѣки, такъ какъ тутъ, гдѣ я расположился, водились скорпіоны. Онъ былъ правъ; я потомъ часто видѣлъ этихъ паукообразныхъ, оставляющихъ на песокъ слѣды, похожіе на тонко-

сплетенное кружево. Но мнѣ было такъ хорошо въ моей бесѣдкѣ, перетаскиванье на новое мѣсто казалось такимъ хлопотливымъ, что я рѣшилъ махнуть рукой на скорпіоновъ.

Трое изъ членовъ „экспедиціи“ ѣхали на лошадахъ, Ахметъ-же, со своимъ длиннымъ ружьемъ на плечѣ, пошелъ пѣшкомъ. Приятно было смотрѣть, какъ онъ, словно мощный Немродъ, гибкой, быстрой походкой, почти бѣгомъ, пробирался между кустами. Къ вечеру „экспедиція“ полагала добраться до того мѣста, гдѣ я повѣсилъ въ качествѣ примѣты желѣзный налопатникъ заступа.

И вотъ, я опять остался одинъ съ тремя пастухами и долженъ былъ терпѣливо ждать, пожалуй, цѣлую недѣлю. Стойбище моихъ друзей-пастуховъ находилось отсюда въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, но Паси-ахунъ условился ночевать около моей бесѣдки, чтобы поддерживать огонь. Днемъ онъ три раза доставлялъ мнѣ хлѣбъ и молоко; воду-же я бралъ въ колодець.

14 мая я проснулся въ 5 ч. утра. Стоялъ густой туманъ, небо все было въ облакахъ; затѣмъ прыснулъ мелкій, непродолжительный дождичекъ, не успѣвшій даже замѣтно смочить почву, но все-же освѣжившій воздухъ и растительность. Рѣдкое и въ высшей степени пріятное явленіе въ это время года! Въ 7 ч. я всталъ. Дѣла у меня было въ эти скучные дни одиночества порядочно; я занялся разработкой моихъ путевыхъ набросковъ за послѣднее время и снялъ нѣсколько плановъ расположенія бархановъ. Въ часы отдыха я лежалъ на своемъ ложѣ и читалъ или библію или книгу псалмовъ, въ которой нашелъ не мало истинныхъ перловъ шведской поэзіи.

Сегодня по войлоку, служившему мнѣ подстилкой, поползъ большой желтый скорпіонъ, который яростно защищался, когда я напалъ на него съ цѣлью убить. Удивительно, какъ это во время моего одинокаго блужданья по лѣсу, когда я спалъ въ чашѣ, прямо на землѣ, меня ни разу не побеспокоили эти насѣкомыя. Въ томъ состояніи полнаго ослабленія, въ которомъ я тогда находился, я-бы, пожалуй, не отдѣлался въ случаѣ ужаленія, обычною злокачественною опухолью.

Сегодня-же проѣхали въ Акъ-су 10 купцовъ съ караваномъ изъ 40 ословъ, навьюченныхъ изюмомъ и коринкой.

Я купилъ у нихъ цѣлый мѣшокъ изюму для подкрѣпленія своихъ запасовъ; теперь и пастухи могли вдоволь полакомиться.

Относительно Мазаръ-тага купцы сообщили, что хребетъ этотъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ уваловъ, которые, однако, не заходятъ въ пустыню въ сѣверо-западномъ направленіи особенно далеко. Вблизи Мазаръ-тага нѣтъ высокихъ бархановъ, но преимущественно голый твердый грунтъ. Вся мѣстность вообще неплодородна и пустынна. Название происходитъ отъ „мазара“, мѣстоположеніе котораго указывается „тугами“. Охранителемъ святой могилы является шейхъ, проживающій обыкновенно въ Хотанѣ и только зимою на короткое время переселяющійся въ пустыню. Мѣстные „баи“, владѣльцы крупныхъ стадъ, ежегодно доставляютъ шейху въ общей сложности сумму въ 200 тенегъ.

Слѣдующіе дни протекли въ мирѣ и спокойствіи; я мало-помалу приходилъ въ себя и оправлялся отъ нечеловѣческаго напряженія силъ въ концѣ странствованія по пустынѣ. Приходилось только вооружиться терпѣніемъ, такъ какъ коротать дни и ночи въ бесѣдкѣ въ полномъ одиночествѣ оказывалось скучновато. Зато у меня было все необходимое, здоровье мое не оставляло желать лучшаго, и я могъ наслаждаться свѣжимъ лѣснымъ воздухомъ и прохладой, приносимой сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, шелестѣвшимъ вѣтвями тополей. Жара не особенно понимала меня, такъ какъ атмосфера была обыкновенно насыщена пылью, да и тѣни здѣсь было вдоволь. Тишиною-же и миромъ этотъ уголокъ напоминалъ необитаемый островъ. Только два раза въ день, да вечеромъ являлся Пасиахунъ, доставлявшій пищу, какъ мнѣ, такъ и огню. Вставалъ я въ 7 ч. утра, когда пастуха уже не было, и находилъ возлѣ себя кринку молока и хлѣбъ.

Замѣчательно, что мнѣ пришлось три дня брести вдоль русла рѣки, не встрѣчая людей, тогда какъ теперь здѣсь то и дѣло проходили караваны изъ Акъ-су въ Хотанъ и наоборотъ. Купцы обыкновенно заходили ко мнѣ въ бесѣдку; къ сожалѣнію, предметами караванной торговли являлись только изюмъ, войлока, шерсть, хлопокъ или скотъ, т. е. все ненужные намъ предметы. Но уже одинъ разговоръ съ купцами доставлялъ мнѣ большое удовольствіе; отъ нихъ я узналъ много

поваго и интереснаго о торговыхъ сношеніяхъ въ этой области, о рѣкѣ, о климатѣ и проч.

Слухи о нашей экспедиціи и чудесномъ спасеніи успѣли уже облетѣть всю область отъ Акъ-су до Хотана, и одинъ купецъ изъ послѣдняго города сообщилъ мнѣ, что о насъ толкуютъ на всѣхъ базарахъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ нашего прибытія. Я и самъ горѣлъ желаніемъ поскорѣе попасть въ Хотанъ, организовать новый караванъ и выступить въ Сѣверный Тибетъ.

15 мая съ сѣвера прибыли два купца, которые встрѣтили моихъ людей. Послѣднимъ понадобилось два дня, чтобы добраться до того мѣста, и они намѣревались остановиться тамъ на день, чтобы запастись водой.

На другой день меня посѣтилъ владѣлецъ стадъ и хозяинъ моихъ друзей, пастуховъ. Онъ прибылъ наблюдать за стрижкой овецъ, которая вообще производится здѣсь два раза въ годъ весной и осенью. Чѣрекъ шерсти стоитъ въ Хотанѣ 5 тенегъ (около 1 рубля). Если шерсть на овцахъ хорошая, густая, то съ 10 — 12 овецъ можно собрать цѣлый чѣрекъ, но такъ какъ эти овцы, пасущіяся въ лѣсу, выдираютъ много шерсти, пробираясь по чащѣ, то чѣрекъ можно собрать только съ 15—20 овецъ. Владѣлецъ ихъ рассчитывалъ, однако, въ общемъ собрать около 30 чѣр., такъ какъ у него было еще 500 головъ овецъ, пасшихся подальше, вверхъ по рѣкѣ.

Въ сумерки 21 мая вернулся Исламъ съ остальными людьми. Извѣстія они привезли не особенно утѣшительныя. Выйдя изъ лѣсу, они направились прямо на западъ, но, въ виду всеусиливавшагося зноя, не отважились углубиться въ пустыню до того мѣста, гдѣ была оставлена нами палатка.

Единственное, что имъ удалось спасти, былъ вьюкъ, оставленный Исламомъ около трехъ тополей и содержавшій сравнительно менѣе важные предметы. Отвратительный запахъ трупа моего „Богры“ руководилъ ими въ поискахъ этого мѣста.

Странное дѣло, однако, что они не нашли ни трупа Нѣра, ни его вьюка, содержавшаго три anerоида, гипсотермометры, полевой бинокль, два револьвера, 200 сигаръ, 50 патроновъ и проч. Мѣсто, гдѣ Исламъ оставилъ Нѣра, они легко могли узнать по кусту тамариска, къ которому Исламъ привязалъ

свой поясъ. Самый тамарискъ они нашли, но вмѣсто пояса Ислама, вѣтви его оказались перевязанными лоскуткомъ войлока. Кромѣ того, около куста видѣлись слѣды человѣческихъ ногъ въ сапогахъ, тогда какъ Исламъ шелъ босикомъ.

Посланцы мои обыскали все мѣста по близости, но ни верблюда, ни его драгоценнаго вьюка такъ и не нашли; всякій слѣдъ ихъ исчезъ. Но кто-же былъ этотъ человѣкъ, который унесъ поясъ и оставилъ лоскутъ войлока? Я спросилъ Ислама, не думаетъ ли онъ, что это Джолчи, который, можетъ быть, опять ожилъ послѣ того, какъ мы оставили лагерь съ палаткой? Но Исламъ не могъ допустить этого, ссылаясь на то, что Джолчи въ такомъ случаѣ давно догналъ-бы его, такъ какъ онъ подвигался впередъ очень медленно.

Можетъ быть, это былъ одинъ изъ трехъ купцовъ, которые нашли Ислама на дорогѣ и напоили его, а мнѣ дали 18 тенегъ? Нѣтъ, разставаясь съ Исламомъ, они отправились прямо къ Буксаму, чтобы отыскать меня, да и какъ вообще могли они отыскать брошеннаго на окраинѣ пустыни верблюда? Какъ мы ни ломали себѣ головы, загадка такъ и осталась неразгаданной. Если человѣкъ этотъ, кто-бы онъ ни былъ, напелъ верблюда живымъ и довелъ его до воды и подножнаго корма, то, — будь онъ человѣкомъ честнымъ — непременно отвелъ-бы животное къ намъ. Если-же онъ рѣшилъ украсть верблюда и вьюкъ, то во всякомъ случаѣ не могъ исчезнуть безслѣдно, такъ какъ передъ нимъ лежало только двѣ дороги: на сѣверъ въ Акъ-су и на югъ въ Хотанъ. Если-бы онъ отправился въ Хотанъ, мои пастухи замѣтили-бы его, такъ какъ зорко слѣдили за каждымъ путникомъ. Оставалась, слѣдовательно, дорога въ Акъ-су, и подозрѣнія наши насчетъ того, что тутъ дѣло не чисто, все росли.

Ахметъ Мергенъ увидѣлъ въ лѣсу слѣды верблюда и пошелъ по нимъ. Они привели его къ молодому верблюду, который убѣжалъ отъ Ислама и одинъ напелъ дорогу въ лѣсъ. Видимо, ему удалось найти и воду, и онъ успѣлъ уже за это время отгуляться. Ахметъ съ трудомъ поймалъ его. За двѣнадцать дней животное стало такимъ дикимъ, что убѣгало со всехъ ногъ, едва завидя человѣка.

Читатель, можетъ быть, удивится, что я такъ подробно трактую обо всехъ этихъ обстоятельствахъ, но я это дѣлаю

отчасти потому, что, благодаря имъ, разстроился весь планъ моего путешествія, отчасти потому, что эти событія завершились, годъ спустя, довольно таки драматическимъ эпилогомъ.

Отправиться теперь-же въ Тибетъ, какъ я предполагалъ, оказывалось невысказаннымъ, такъ какъ у меня не было приборовъ для измѣренія абсолютной высоты, да и вообще отъ всего богатаго снаряженія нашей экспедиціи сохранились только жалкіе остатки. Приходилось предварительно направиться въ Кашгаръ, чтобы пополнить потери. Оправиться туда я рѣшилъ черезъ Акъ-су, хотя путь этотъ былъ длиннѣе.

Но прежде, чѣмъ перейти къ краткому описанію нашего возвращенія въ Кашгаръ, я хочу сказать нѣсколько словъ о тѣхъ частяхъ теченія Яркендъ-дарьи и Хотанъ-дарьи, съ которыми успѣлъ ознакомиться во время своихъ странствованій.

Сравнивая эти двѣ рѣки, текущія сначала почти параллельно и затѣмъ сливающіяся вмѣстѣ, найдемъ, что онѣ въ сущности сильно различаются между собою. Яркендъ-дарья, важнѣйшая рѣка въ Восточномъ Туркестанѣ, течетъ круглый годъ, въ іюнѣ-же мѣсяцѣ притокъ воды въ ней достигаетъ огромныхъ размѣровъ; русло ея рѣзко очерчено и глубоко; сообщеніе черезъ нее поддерживается обыкновенно на паромахъ, исключая зимнихъ мѣсяцевъ, когда она сковывается льдомъ.

Хотанъ-дарья, напротивъ, пересыхаетъ на продолжительное время, и только во время лѣтняго половодья русло ея наполняется водою. При этомъ ширина ея такъ велика, а глубина бываетъ такъ незначительна, что переправа на паромѣ возможна лишь подъ самымъ Хотаномъ. Протекаетъ она въ самомъ сердцѣ пустыни Такла-маканъ, и ей приходится вести жестокую борьбу съ летучими песками, которые грозятъ засыпать ея русло и отрѣзать ее отъ главной рѣки, какъ Керію-дарью.

Лѣсная растительность по берегамъ Яркендъ-дарьи часто прерывается степной и болотами, по берегамъ-же Хотанъ-дарьи лѣсъ, вообще болѣе частый и дикій, тянется непрерывной полосой до самаго слиянія рѣкъ. Затѣмъ, первые песчаные барханы начинаются довольно далеко отъ Яркендъ-дарьи, тогда какъ въ области Хотанъ-дарьи они подступаютъ къ самой опушкѣ лѣса, идущаго по берегу.

Въ одномъ обѣ рѣки схожи; онѣ обѣ перемѣщаются къ востоку, какъ я убѣдился, находя старыя русла ихъ къ западу отъ нынѣшнихъ; къ востоку, напротивъ, старыхъ руселъ не оказывалось. Замѣчательно еще то, что дороги, идущія вдоль этихъ рѣкъ, ведутъ по лѣвому берегу, гдѣ онѣ въ безопасности отъ перемѣщенія рѣки, а также, что почти все селенія вдоль средняго теченія Яркендъ-дарьи расположены по этому-же берегу и обыкновенно въ нѣкоторомъ разстоянн отъ самой рѣки. На Хотанъ-дарьѣ, на всемъ ея протяженн по пустынѣ, вовсе нѣтъ селеній; тамъ кочуютъ только пастухи со стадами. Вдоль теченія Яркендъ-дарьи идетъ важный караванный путь, который соединяетъ Мараль-баши съ Яркендомъ и по которому китайцы поддерживаютъ почтовое сообщенн, караванный-же путь, идущнй вдоль русла Хотанъ-дарьи, имѣетъ чисто мѣстное значенн.

23 мая я проснулся въ 3¹/₂ часа утра; меня разбудилъ необычайно свирѣпый ураганъ, несшнйся съ запада и угрожавшнй выворотить съ корнями деревья. Буря совершенно разрушила мою полузасохшую бесѣдку; вѣтеръ свисталъ и вылъ въ вершинахъ тополей; стволы деревьевъ перегибались чуть не попаламъ и грозили переломиться, камышъ подъ натискомъ тирана-бури смиренно склонялся къ землѣ, сухія вѣтви трещали, ломались и падали на землю, а лѣсъ весь былъ окутанъ непроницаемыми облаками летучаго песка, которымъ и заметало ровное, сухое русло рѣки. Ураганъ продолжался всего съ полчаса и смѣнился, какъ и всегда бывало, полнѣйшею тишиною.

Въ 7¹/₂ часовъ я со своимъ караваномъ былъ готовъ къ выступленн послѣ столь продолжительнаго привала, съ которымъ у меня связалось столько воспоминаннй, часто заставлявшихъ меня впослѣдствн мысленно возвращаться къ этому времени съ чувствомъ признательности и тихой грусти. Здѣсь мнѣ вторично была дарована жизнь, здѣсь удалось мнѣ выбраться изъ ужасной пустыни, здѣсь я снова встрѣтилъ людей, которые приняли меня такъ привѣтливо и радушно, здѣсь я наслаждался благодѣтельнымъ, подкрѣпляющимъ отдыхомъ среди прекрасной лѣсной природы, богатой тѣнью и прохладой!

Поблагодаривъ пастуховъ за гостепрнмство и давъ имъ 30 тенегъ, чѣмъ они остались очень довольны, мы двинулись

въ путь съ двумя верблюдами и тремя лошадьми. Послѣдннй нашъ колокольчикъ звенѣлъ теперь такъ громко, весело, не напоминая о погребенн, но призывая къ надеждѣ, къ воскресенн.

XXVIII.

По руслу Хотанъ-дарьи. Возвращенн въ Кашгаръ черезъ Акъ-су.

Достигнувъ русла рѣки, партія наша раздѣлилась: Исламъ-бай и двое молодыхъ охотниковъ направились по лѣсной дорогѣ по лѣвому берегу, чтобы поискать слѣдовъ пропавшаго верблюда, а я съ Ахметъ-Мергеномъ и Касимомъ, который велъ обоихъ верблюдовъ, двинулся по самому руслу. Касимъ, впрочемъ, скоро отсталъ отъ насъ съ Ахметомъ, такъ какъ мы ѣхали на лошадяхъ быстрой рысью.

Вечеромъ мы поровнялись съ маленькой лужей, спасшей мнѣ жизнь. Она попрежнему была окаймлена камышевой зарослью, тополь все такъ же склонялся надъ водой; уровень воды понизился съ 6-го мая на 12 сантим., но форма лужи не измѣнилась. Я и остановился здѣсь на часокъ, чтобы подождать Касима и еще разъ напиться этой чудесной благословенной воды. Ахметъ-Мергенъ назвалъ лужу „Хода-верды-куль“ (Богоданное озеро).

Черезъ десять часовъ мы вновь соединились съ Исламомъ на лѣсномъ трактѣ Куяндеклекъ (Заячье урочище), гдѣ паслись стада овецъ. Исламъ такъ и не нашелъ слѣдовъ; да, если они и были, ураганъ замелъ ихъ.

24 мая сдѣлали привалъ, чтобы нѣкоторые изъ моихъ людей могли изслѣдовать съ собаками лѣсъ, имѣвшнй здѣсь въ ширину отъ 6 до 12 килом. Въ Куяндеклекѣ стояли уже четвертый день 5 пастуховъ съ 500 овцами и 60 коровами. Мѣсто это находилось всего въ 2 часахъ пути отъ „Богоданнаго озера“, но, если бы я 6 мая и отправился къ сѣверу, я, по всей вѣроятности, не нашелъ-бы здѣсь пастуховъ, такъ какъ они въ то время находились совѣмъ въ другомъ мѣстѣ; отъ

Куяндеклека до слѣдующаго пастушьяго стойбища было много дней пути, такъ какъ стойбище это находилось уже по близости слиянія Хотанъ-дарьи съ Яркендъ-дарьею.

Немного подальше за лагерьемъ, Хотанъ-дарья дѣлилась на 2 рукава: лѣвый, подъ названіемъ Инчке-дарья, узкій, извилистый и окаймленный частымъ лѣсомъ, и правый, широкій и по правому берегу совершенно лишенный лѣсной растительности. Въ лѣтнее половодье оба рукава наполняются водой, и правый рукавъ омываетъ тогда подошвы мощныхъ бархановъ, носящихъ названіе „Акъ-кумъ“ — бѣлый песокъ.

Пастухи утверждали, что рукавъ Инчке-дарья образовался всего лѣтъ 8 назадъ. Частый лѣсъ, окаймлявшій берега его, однако, ясно свидѣтельствовалъ, что какъ разъ этотъ рукавъ являлся старѣйшимъ русломъ, изъ котораго рѣка, въ своемъ стремленіи перемѣститься къ востоку, отчасти уже ушла. Отсутствие лѣсной растительности по правому берегу праваго рукава также являлось доказательствомъ, что растительность еще не успѣла развиться здѣсь настолько, чтобы выдерживать борьбу съ наступающими песками.

Караванный путь на Акъ-су идетъ во время половодья по острову, раздѣляющему рукава, и караванамъ приходится два раза переходить бродъ. Разстояніе же между двумя бродами проходятъ въ два дня. Лѣтомъ, рѣка пересыхаетъ, и только кое-гдѣ остаются небольшія лужи, расположенныя по большей части вблизи правыхъ береговъ обоихъ рукавовъ.

Трактъ этотъ пользовался прежде дурной славой; здѣсь водилось много воровъ и даже разбойниковъ, грабившихъ небольшіе слабые силами караваны. Новый амбанъ хотанскій повелъ противъ нихъ настоящую войну, и пойманныхъ разбойниковъ отвезли въ городъ и казнили.

25 мая славный нашъ Ахметъ-Мергенъ отправился обратно въ свое родное селеніе Тавекъ-каль около Хотана, и съ нами поѣхалъ дальше только одинъ изъ сыновей его, Касимъ. Ъхали мы по извилистому руслу Инчке-дарьи, окаймленному по обоимъ берегамъ молодымъ лѣсомъ. Подальше же шла настоящая непроходимая чаща.

Обѣ полосы лѣса, видимо, стремятся слиться, и это, безъ сомнѣнія, случится, когда вся водная масса устремится по

правому восточному руслу. Уже теперь русло лѣваго рукава, Инчке-дарья, имѣетъ въ ширину всего 30—40 метровъ. Послѣ долгаго пути мы остановились на ночевку около лужи посреди русла, на трактѣ Беделикъ-утакъ (участокъ клевернаго поля).

26 мая. Касимъ, сынъ, Ахмета боялся сопровождать насъ дальше, чтобы не удалиться отъ Куяндеклека болѣе, чѣмъ на одинъ день пути, — небезопасно было провести ночь одному среди лѣса, такъ какъ здѣсь приходилось остерегаться и волковъ и разбойниковъ. И такъ, мы продолжали путь втроемъ съ Исламомъ и Касимомъ безъ проводниковъ. Русло рѣки становилось все болѣе извилистымъ, и мы рѣшили сдѣлать конецъ по острову, представлявшему степные участки въ перемежку съ низенькими барханами и маленькими рошицами. Но оказалось, что идти по руслу было удобнѣе, и мы опять свернули туда. По берегамъ русла шель густой лѣсъ, и часто казалось, что идешь просто по дорожкѣ парка или по аллеѣ съ прозрачнымъ сводомъ изъ вѣтвей деревьевъ.

Наконецъ, достигли слиянія обоихъ рукавовъ, лѣсъ раздвинулся, словно въ немъ открылись ворота, и передъ нами оказалось ровное русло Хотанъ-дарьи, ложе котораго находилось на 1½ метра ниже ложа лѣваго рукава, влѣдствіе болѣе сильнаго размыва русла мощною массою воды. Мы сдѣлали привалъ немного подальше пункта слиянія рукавовъ, на трактѣ Бора-Тышкыпъ (буря ударила). Тутъ находился островокъ, но онъ до того изобиловалъ скорціонами и шершнями, что мы предпочли избрать для привала самое русло рѣки, подальше отъ берега.

27 мая. Какъ всегда, послѣ сильнаго западнаго вѣтра и смѣняющей его тихой погоды, сегодня съ утра уже стало жарко; въ 7 ч. утра температура равнялась 24.9°. Ровная, твердая дорога по руслу вела почти по прямой линіи къ сѣверу. Понемногу она сѣззилась, не превышая въ ширину полкилометра; берега то и дѣло вдавались въ русло мысами, поросшими лѣсомъ. Ясно, что водная масса, стремящаяся въ половодье по широкому мелкому руслу, сильно испаряется, и поэтому рѣка, чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ становится мельче и уже.

Скоро рѣка снова раздѣлилась на 2 рукава: лѣвый —

Янги-дарью (новая рѣка) и правый — Кохне-дарью (старая рѣка). Мы пошли по руслу первой и встрѣтили большой караванъ ословъ, навьюченныхъ колониальными товарами; вышелъ онъ изъ Акъ-су недѣлю тому назадъ. Кохне-дарья течетъ между барханами и, видимо, вопреки своему названію, новѣйшаго происхожденія, такъ какъ даже не успѣла обрости по берегамъ лѣсомъ. Какъ мы убѣдились, Хотанъ-дарья не вездѣ одинаково сильно стремится уклониться къ востоку, но обнаруживаетъ это уклоненіе только мѣстами и на небольшихъ протяженіяхъ, встрѣчая на пути нѣкоторое возвышеніе лежа вслѣдствіе наносныхъ отложеній.

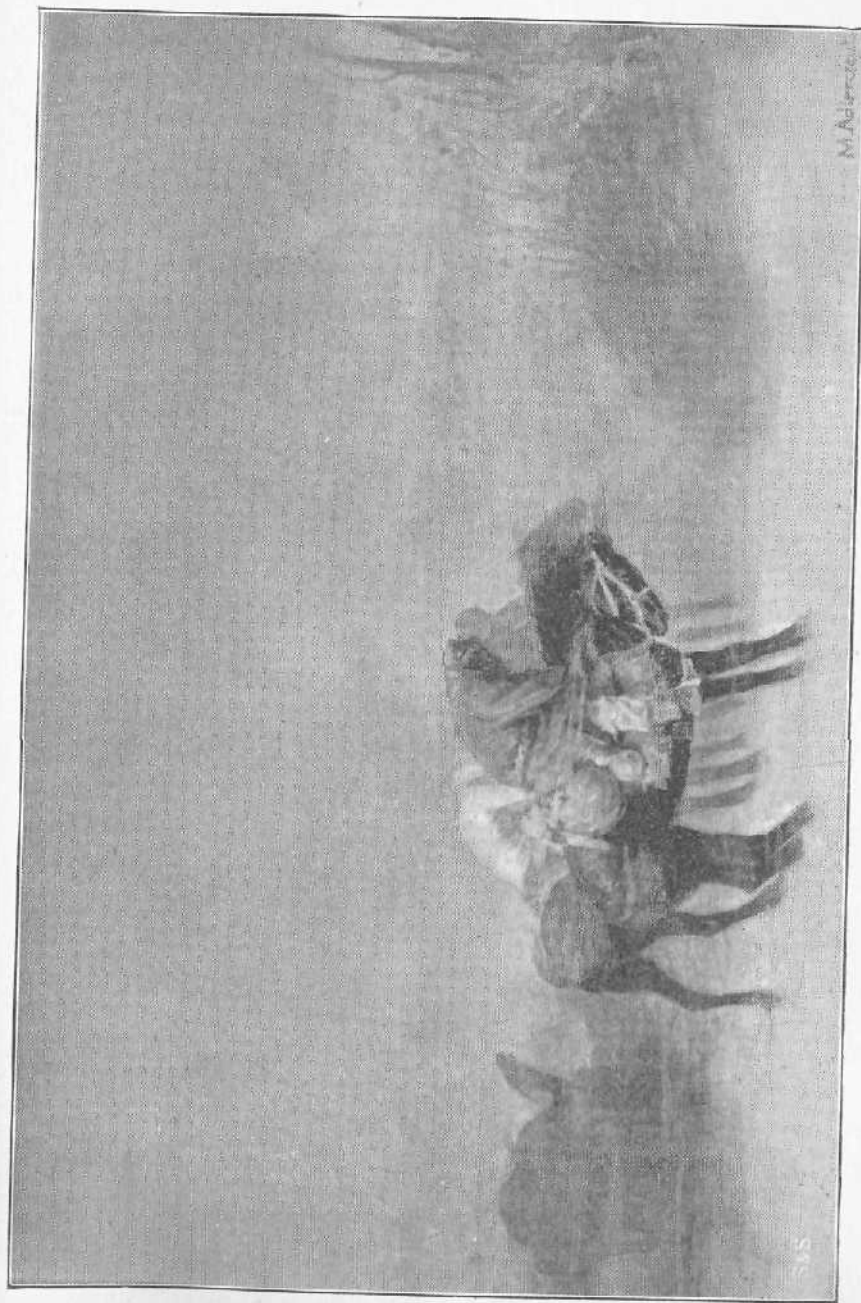
Вечеромъ встрѣтилось намъ чудесное озерко, въ 400 кв. метр. величиною, самое большое изъ попадавшихся намъ до сихъ поръ. На пригоркѣ, на берегу его мы развели костеръ и любовались открывавшимся оттуда видомъ. Теченіемъ промыло глубокую борозду вдоль берега, и въ этой бороздѣ мы на слѣдующій день нашли рядъ небольшихъ лужъ. Озерко около нашего привала оказалось настолько глубоко, что, купаясь, нельзя было достать до дна.

28 мая. Въ теченіе дневнаго перехода русло рѣки опять расширилось, и лужицы исчезли. Вообще, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русло становится ровнымъ, широкимъ, лужъ не встрѣчается, и борозды, промытыя потоками, становятся едва замѣтными; наоборотъ тамъ, гдѣ русло суживается, лужъ падается много, и борозды рѣзко очерчены.

Кромѣ того, я замѣтилъ, что лѣсъ по правому берегу гораздо рѣже, чѣмъ по лѣвому, и часто даже совсѣмъ прерывается, уступая мѣсто голымъ барханамъ. Вдоль лѣваго берега самое ложе рѣки кое-гдѣ поросло травой, чего не замѣчается около праваго берега. Словомъ, все указываетъ на то, что водная масса сильнѣе напираетъ на правый берегъ. Во всякомъ случаѣ перемѣщеніе рѣки къ востоку совершается такъ медленно, что лѣсная растительность успѣваетъ слѣдовать за нею. Только немногіе отсталые одиночки тополи, вродѣ тѣхъ, около которыхъ мы съ Касимомъ жгли сигнальный огонь 3 мая, указываютъ на западѣ прежнее направленіе рѣки, да и тѣ обречены на гибель.

Въ 6 час. вечера мы находились какъ разъ посрединѣ русла, и Исламъ-бай поѣхалъ было впередъ отыскать удоб-

ное мѣсто для привала; неожиданно горизонтъ на западѣ

По руслу Хотанъ-дарьи; «Кара-буранъ».
(Съ рисунка Д. Лонгвалла).

сталъ завлакиваться густой изжелта-сѣрой мглой, словно завѣсой, подымавшейся все выше и выше отъ земли къ небу.

По лѣсу пронесся гулъ отдаленнаго урагана, который затѣмъ сталъ быстро приближаться; послышался трескъ ломающихся вѣтвей, все сильнѣе, сильнѣе... На сѣверо-западѣ весь лѣсъ утонулъ во мглѣ, по руслу рѣки покатились, словно кулисы на невидимыхъ подставкахъ съ колесиками, пыльные и песчаные смерчи. Наконецъ ураганъ налетѣлъ и на насъ, и мы были окутаны непроницаемымъ облакомъ „чернаго бурана“.

Песокъ мелся по землѣ какими-то длинными хвостами, напоминающими хвосты кометъ; дорога, борозды, земля и воздухъ все слилось въ одинъ вихрь... Голова кружилась, думалось, что вотъ, вотъ онъ подхватитъ и тебя. Наступила черная ночь, и мы долго стояли, какъ вкопанные, на мѣстѣ. Исламъ сразу пропалъ изъ вида и нашелъ насъ лишь случайно, завидѣвъ во мглѣ какую-то черную движущуюся массу, которая и оказалась нашимъ караваномъ.

Видя, что ураганъ, самый свирѣпый изъ всѣхъ выдержанныхъ нами въ пути, все продолжается, мы стали осторожно пробираться къ ближайшему берегу, гдѣ и укрылись съ подвѣтренной стороны частаго кустарника. Тутъ-же около берега выкопали въ ложѣ рѣки колодезь; вода показалась послѣ нѣсколькихъ ударовъ заступа. Къ ночи люди развели костеръ, который, благодаря порывамъ вѣтра, разгорѣлся съ дикой яростью.

29 мая вѣтеръ продолжался, и атмосфера такъ была насыщена пылью, что съ трудомъ можно было ориентироваться. Къ счастью, мы шли около самаго берега и какъ-то печально замѣтили путевой знакъ — лошадиный черепъ, насаженный на коль и прикрѣпленный къ тополю. По ближайшемъ разслѣдованіи оказалось, что какъ разъ около этого мѣста дорога сворачиваетъ въ лѣсъ. Я сообразилъ, что это и есть дорога въ Акъ-су, и мы свернули по ней, т. е. по направленію къ сѣверо-западу.

Дорога эта повела насъ по ясно очерченному, сухому и частью занесенному пескомъ рѣчному руслу, по берегамъ котораго шли барханы, кустарникъ и тополя; повидимому, это былъ старый рукавъ Хотанъ-дарьи. Кое-гдѣ попадались путевые знаки, поставленные караванами.

На привалѣ вечеромъ мы расположились опять около

стойбища пастуховъ, преугодно устроившихся въ шалашахъ изъ вѣтвей и камыша. Пастухи были изъ Акъ-су, но проводили въ лѣсу со своими стадами круглый годъ. Сначала они отнеслись къ намъ нѣсколько недовѣрчиво, но скоро успокоились и угостили насъ хлѣбомъ, молокомъ и яйцами.

Они рассказали намъ, что находящаяся неподалеку рѣка, Яркендъ-дарья, обыкновенно замерзаетъ каждый годъ на 4 мѣсяца. Черезъ 25 дней ожидалось наступленіе лѣтняго половодья, которое должно было заставить пастуховъ перенести стойбища поглубже въ лѣсъ. Самый низкій уровень воды въ рѣкѣ наблюдался какъ разъ теперь, въ чемъ мы и могли убѣдиться, переходя черезъ нее на другой день въ извѣстномъ уже пунктѣ. Ширина рѣки равнялась 77 м., максимумъ глубины 0.43 м., а притокъ воды 7.5 куб. м.

Отутившись на другомъ берегу, мы продолжали путь къ сѣверу по дорогѣ, которая вела на селеніе Аватъ (Абатъ) по тракту, пользующемуся недоброй славой, черезъ чащи и густыя заросли камыша, степные участки, стойбища пастуховъ и небольшія селенія, находившіяся болѣе или менѣе по близости отъ праваго берега Акъ-су-дарьи.

31 мая вечеромъ мы достигли базара въ Абатѣ, селеніи, имѣвшемъ около 1,000 домовъ. Здѣсь проживалъ бекъ и китайскій сборщикъ податей. Приютъ мы нашли въ опрятномъ караванъ-сарай, содержимомъ однимъ индусомъ. Хозяиномъ онъ оказался гостеприимнымъ, но въ общемъ былъ большой плутъ и ростовщикъ, обиравшій мѣстныхъ жителей. Шерсть, отбираемую у нихъ за долги, онъ продавалъ въ Или (Кульджа), а пшеницу и маисъ въ сосѣднихъ селеніяхъ. Ростовщикъ самъ сознался мнѣ, что ежегодно откладываетъ въ кассу 15,000 кашгарскихъ тенегъ (около 1,500 рублей).

Главные мѣстные продукты: маисъ, пшеница и хлопокъ. Черезъ селеніе протекаетъ рукавъ Акъ-су-дарьи, Кохне-дарья, черезъ который перекинутъ мостъ, приходящійся на главной улицѣ селенія.

1 іюня. Весь день мы ѣхали словно по одной безконечной улицѣ, съ канавами по обѣ стороны, обсаженной тузовыми деревьями и ивами. На слѣдующій день вступили около селенія Бэшь-арыкъ-устанъ (арыкъ съ пятью рукавами) на проѣзжую дорогу, соединяющую Кашгаръ съ Акъ-су, и, переправившись

черезъ Акъ-су-дарью, миновали китайскій городъ Янги-шаръ (новый городъ), обнесенный пестрыми крѣпостными стѣнами.

Я послалъ было къ главному начальнику области, даотаю, человекъ съ моимъ паспортомъ и моею визитною карточкой съ китайскою надписью, но получилъ уклончивый отвѣтъ, почему и не считъ нужнымъ посѣтить мандарина, пользовавшагося репутациею заносчиваго обжоры и пьяницы.

3 іюня мы были уже недалеко отъ магометанскаго города Акъ-су, гдѣ аксакаль восточно-туркестанскихъ купцовъ, Магометъ-Эминъ, принялъ насъ очень радушно и приютилъ въ своемъ уютномъ, опрятномъ жилищѣ, а верблюдовъ и лошадей нашихъ помѣстилъ въ караванъ-сарай по сосѣдству.

4 іюня. Въ теченіе трехъ послѣднихъ дней Акъ-тюя, мой бѣлый верблюдъ, началъ худѣть, пересталъ ѣсть траву и только лѣниво пожевывалъ пшеничный хлѣбъ. Вчера, однако, онъ еще прошелъ, не останавливаясь, небольшой конецъ между Новымъ и Старымъ городомъ (между Янги-шаромъ и Акъ-су), но, когда къ нему подходили, онъ жалобно ревѣлъ, точно опасаясь, что ему хотятъ причинить боль. Ночью онъ не дотронулся до ѣды, и сегодня Касимъ съ грустью сообщилъ мнѣ, что Акъ-тюя боленъ. Я поспѣшилъ на дворъ караванъ-сарая и нашелъ животное лежащимъ на боку, съ вытянутой шеей; дышалъ Акъ-тюя тяжело, прерывисто и послѣ нѣсколькихъ глубокихъ, судорожныхъ вздоховъ околѣлъ на моихъ глазахъ.

Акъ-тюя спасъ важнѣйшіе предметы нашего снаряженія и немудрено, что я относился къ нему съ особеннымъ расположеніемъ. На каждомъ привалѣ во время пути въ Акъ-су я подходилъ къ нему и гладилъ и ласкалъ его. Но животное отворачивало голову, издавая недовольный ревъ, опасаясь, можетъ быть, что я потяну его за веревку, и, словно подозрѣвая, что это я былъ виною всѣхъ его страданій.

Околѣлъ онъ утромъ въ первый день байрама, и во дворѣ караванъ-сарая стояла праздничная тишина. Движеніе каравановъ приостановилось, дѣловая жизнь на время замерла. Всѣ гуляли. Улицы и площади кишѣли яркими пестрыми халатами, ослѣпительно-бѣлыми тюрбанами и шапками самыхъ кричащихъ цвѣтовъ. Видъ у всѣхъ гуляющихъ былъ веселый, довольный: даже самый послѣдній изъ работниковъ получаетъ въ этотъ день отъ своего хозяина подарокъ. Съ минарета

звучнѣе обыкновеннаго раздавались молитвенные возгласы муэззина. Какой контрастъ представляла эта пестрая картина праздничнаго уличнаго веселья со сценой на тихомъ дворѣ караванъ-сарая! Съ такимъ-же достоинствомъ, съ какимъ онъ недавно шелъ по убійственнымъ пескамъ пустыни, по сухому руслу Хотанъ-дарьи и ея тѣнистымъ лѣсамъ, Акъ-тюя оковчилъ теперь свое земное странствіе, путь, полный страданій, лишений, тяжелаго труда подъ властью тирана-человѣка. Онъ надорвалъ свои силы во время труднаго перехода черезъ пустыню и околѣлъ теперь среди полного изобилія и корма и воды.

Товарищъ его, молодой верблюдъ Чонъ-сарыкъ, настоящій великанъ среди верблюдовъ, оставилъ свои ясли и, руководимый инстинктомъ, приблизился къ бѣлому верблюду, внимательно и удивленно посмотрѣлъ на него, но затѣмъ спокойно вернулся къ яслямъ и вновь съ аппетитомъ принялся жевать зеленую сочную траву. Онъ одинъ уцѣлѣлъ изъ всѣхъ нашихъ 8 верблюдовъ. У меня духа не хватало продать его, не зная, въ чьи руки онъ попадетъ; къ тому-же люди въ караванъ-сарай полагали, что и этотъ верблюдъ, если заставить его работать, не долго протянетъ послѣ перенесенныхъ имъ лишеній и трудовъ. Я и подарилъ его Магомету-Эмину, который обѣщалъ дать ему отгуляться лѣтомъ на сочныхъ лугахъ около подошвы Тенгри-Хана.

Мы провели въ Акъ-су три дня, набирая небольшой временный караванъ для возвращенія въ Кашгаръ — мой главный опорный пунктъ въ сердцѣ Азіи. Такимъ образомъ я имѣлъ время бѣгло познакомиться съ городомъ, носящимъ такое оригинальное названіе („Акъ-су“ — бѣлая вода), вслѣдствіе изобилія чистой, прозрачной воды, текущей съ ослѣпительныхъ снѣжныхъ полей и ледниковъ.

Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу Акъ-су-дарьи. Лѣтомъ притокъ воды въ ней достигаетъ огромныхъ размѣровъ, зимою остатки воды въ руслѣ замерзаютъ. Подъ городомъ рѣка развѣтвляется на два рукава: Янги-дарью и Кохне-дарью, которыя, однако, опять сливаются раньше, чѣмъ впасть въ Таримъ (Яркендъ-дарью).

Недалеко отъ города, къ востоку, отвѣсною стѣною возвышается терраса, высотой въ 40—50 м.; терраса эта сложена

изъ конгломератовъ, сильно размытыхъ водой. Городъ окруженъ селеніями, пахатными полями, садами и цѣлой сѣтью оросительныхъ канавъ. Рисъ, пшеница, маисъ, ячмень, хлопокъ, опиумъ и разные плоды даютъ здѣсь богатые урожаи, и, вслѣдствіе этого Акъ-су, имѣющей всего 15,000 жителей и по величинѣ уступающей Кашгару больше чѣмъ вдвое, представляетъ гораздо большее значеніе для страны своею производительностью. Очень развито здѣсь и овцеводство, такъ какъ по берегамъ обѣихъ большихъ рѣкъ находятся прекрасныя пастбища.

Пришлое населеніе Акъ-су состоитъ изъ большого числа китайцевъ, сотни „анджиджанцевъ“, т. е. купцовъ изъ русскаго Туркестана и 3 афганцевъ, проживающихъ здѣсь 20 лѣтъ. Аксакаль русскихъ туркестанцевъ, Магометъ-Эминъ, родомъ изъ Ташкента, живетъ въ Акъ-су уже 12 лѣтъ. Русскіе туркестанцы ведутъ торговлю шерстью, хлопкомъ и кожами, которыхъ ежегодно отправляютъ на верблюдахъ въ Ташкентъ черезъ перевалъ Бедель, Кара-коль, Пишпекъ и Аулія-ата до 30,000 штукъ. Пользуются верблюдами только зимою, все же теплое время года они наслаждаются полнымъ отдыхомъ на окрестныхъ пастбищахъ. Лѣтомъ сообщеніе сильно затрудняется разлитіемъ рѣкъ, и поэтому караванная торговля почти приостанавливается.

Достопримѣчательностей въ городѣ, кажется, никакихъ нѣтъ. Главная мечеть, носящая обычное названіе — Мечеть-Джами, т. е. „мечеть пятницы“, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго по архитектурѣ, но расположена довольно живописно на открытой площади, къ которой ведетъ съ главной базарной улицы небольшой переулочекъ.

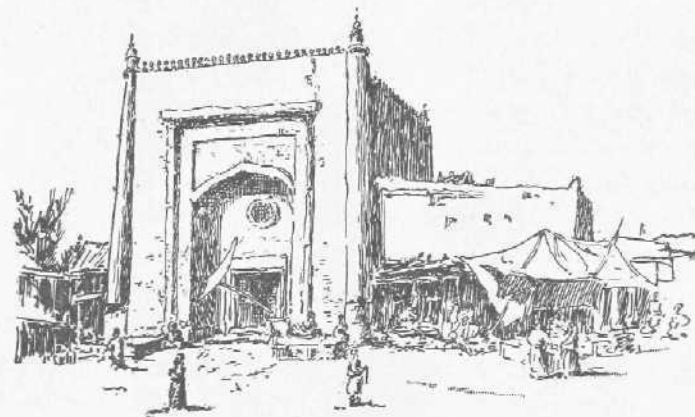
Площадь эта „Ригистанъ“, самый центръ городской жизни. Въ базарные дни здѣсь бываетъ настоящая давка; вся площадь покрывается палатками и лотками. Особенно бойко торгуютъ въ жаркое время льдомъ, нагроможденнымъ большими прозрачными плитами. Я тоже былъ однимъ изъ усердныхъ покупателей этого товара.

На базарной площади находятся два высшихъ духовныхъ училища Кокъ-медресе и Акъ-медресе (Голубое и Вѣлое). Архитектура ихъ очень незатѣйлива. Въ небольшихъ помѣщеніяхъ во дворахъ живутъ муллы; нѣкоторые изъ нихъ по

5 по 10 лѣтъ учились въ „Миръ-арабѣ“ въ Бухарѣ. Китайцы держатъ въ Акъ-су 2 „мензы“, да въ Янги-шарѣ 6; въ каждой самое большое по 100 чел. Въ Учъ-Турфанѣ гарнизонъ многочисленнѣе, такъ какъ предполагается, что онъ защищаетъ перевалъ Бедель отъ русскихъ.

Въ первые дни байрама, здѣсь какъ и во всемъ магометанскомъ мірѣ, принято сзывать гостей и задавать пиры. Я въ компаніи съ аксакаломъ побывалъ на нѣсколькихъ. Угощеніе состоитъ изъ аша (пилава) и „шуршы“ (супъ съ зеленью и макаронами), подаваемыхъ въ немовѣрныхъ количествахъ.

Больше всего мнѣ понравилась пирушка у самаго акса-

Мечеть-Джами въ Акъ-су.
(Съ рисунка автора).

кала, на которой я былъ единственнымъ гостемъ. Мы отправились съ нимъ въ его садъ, Соха-баши, расположенный въ 3 килом. отъ базара и изобилующій виноградомъ, абрикосами, дынями, сливами, вишнями и проч. Уходъ за садомъ порученъ нѣсколькимъ работникамъ, которые и проживаютъ тамъ круглый годъ.

Расположились мы подъ тѣнью тутовыхъ деревьевъ, на берегу арыка съ чудесной водой. Слуги закололи барана, и самъ аксакаль по всѣмъ правиламъ искусства приготовилъ рисовый пилавъ съ бараниной. Лучшіе куски грудинки и почки были поджарены въ маслѣ въ котлѣ, куда затѣмъ всыпали промытаго, бѣлаго, какъ сахаръ, риса, сдобреннаго

лукомъ. Хорошо приготовленный плавъ — превосходное блюдо.

Аксакаль является какъ-бы агентомъ консульства, и во всѣхъ городахъ Восточнаго Туркестана, гдѣ проживаютъ русскіе купцы, есть свой аксакаль, подчиненный русскому консулу въ Кашгарѣ. Другъ мой, аксакаль Магометъ-Эминъ, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ магометанъ, которыхъ я когда либо встрѣчалъ; этотъ сѣдобородый старикъ 60 лѣтъ, всегда веселый, и пріятливый, превосходно знаетъ страну, и рассказы его отлично помогли мнѣ ориентироваться.

Магометъ-Эминъ.
(Съ рисунка автора).

Еще до моего прибытія въ городъ, онъ распорядился, чтобы по всѣмъ трактамъ, ведущимъ въ Акъ-су съ юга, были наведены справки о таинственно исчезнувшемъ верблюдѣ; всѣ розыски ни привели, однако, ни къ чему. Затѣмъ онъ собирался оказать мнѣ еще большую услугу — проводить меня до Кашгара по хорошо знакомому ему пути. Въ сущности, онъ не могъ отлучаться съ своего поста безъ разрѣшенія консула, но я, зная любезность консула Петровскаго, бралъ отвѣтственность на себя.

До Кашгара было 450 верстъ, но спѣшить намъ некуда было, и мы рѣшили сдѣлать этотъ путь „съ прохладцей“. 7 іюня все было готово къ выступленію. Магометъ-Эминъ доставилъ намъ новые сартскіе ягданы и весь нужный провіантъ: чай, сахаръ, рисъ, зелень, медъ и проч. Баранину мы могли доставать по пути по мѣрѣ надобности.

Исламъ-бай и Касимъ — оба получили денежную награду за свою службу и кромѣ того были запово экипированы съ головы до ногъ. Лишась всего запаса одежды, я и самъ долженъ былъ облечься въ одѣяніе смѣшаннаго китайско-сарт-

скаго стіля и, такимъ образомъ, одинъ разъ за все путешествіе поступиться престижемъ европейца, поддерживаемымъ европейскимъ платьемъ. Къ тремъ имѣвшимся у насъ верховымъ лошадямъ мы наняли за 55 тенегъ еще четырехъ для нашего каравана.

Въ 5 ч. вечера 7 іюня мы выѣхали изъ Акъ-су, и въ этотъ первый день пути ѣхали всего 2 часа, до „Лянгара“ (постоялый дворъ), гдѣ сдѣлали привалъ на мягкомъ травяномъ коврѣ въ чудесной тополевои рощицѣ. Дорога отъ Акъ-су до Лянгара шла по сплошной аллеѣ, окаймленной съ боковъ затопленными рисовыми полями, пахатными полями, садами и домами. Десять лѣтъ тому назадъ Магометъ-Эминъ останавливался на этомъ самомъ мѣстѣ съ Пржевальскимъ, возвращавшимся изъ своего четвертаго путешествія. На сѣверѣ виднѣлась въ туманѣ бѣлая пирамидальная вершина Тенгри-Хана (7,320 м. выс.), но скоро исчезла въ сумракѣ ночи.

8 іюня мы переправились вбродъ черезъ Кумъ-дарью (Песочная рѣка), какъ обыкновенно называютъ здѣсь Акъ-сударью. Рѣка дѣлилась на нѣсколько рукавовъ, и переправа черезъ нее была сопряжена съ большими затрудненіями. Черезъ нѣсколько дней предполагалось установить переправу на паромѣ, но недѣль черезъ 5, въ разгаръ половодья, сообщеніе совсѣмъ должно было прекратиться на нѣкоторое время. Въ эту пору ежегодно погибаетъ съ полдюжины людей, пытающихся переправиться черезъ рѣку.

По ту сторону рѣки мы встрѣтили караванъ сотни въ двѣ лошадей и быковъ. Каждое животное тащило на спинѣ по два длинныхъ тополевыхъ ствола, волочившихся за ними по землѣ. Аксакаль сообщалъ мнѣ, что въ эту пору ежегодно приходится сооружать подъ городомъ, на протяженіи 25 верстъ по лѣвому берегу Акъ-су-дарьи, колоссальную дамбу, надъ которой трудятся до 3,000 рабочихъ. Назначеніе ея отгѣнять водную массу направо и препятствовать ей окончательно подмыть конгломератовую террасу, такъ какъ въ такомъ случаѣ вода неминуемо смыла-бы и старый и новый городъ. И такъ и Акъ-сударья обнаруживаетъ такое-же стремленіе перемѣститься къ востоку, какъ и Хотанъ- и Яркендъ-дарья, хотя и течетъ въ противоположномъ направленіи.

Спустя четыре съ половиною часа, мы переправились

черезъ Таушканъ-дарью (Заячья рѣка), сосѣдку Акъ-су-дарьи. Переправа черезъ нее оказалась еще затруднительнѣе, такъ какъ водные потоки слились въ одно сплошное широкое русло. Пришлось прибѣгнуть къ услугамъ 10 „сучи“, которые раздѣвшись до гола, отыскивали бродъ и осторожно перевели лошадей по каменистому ложу. 9 іюня мы достигли маленькаго городка Учъ-Турфана, все значеніе котораго въ томъ, что онъ расположенъ на трактѣ между Акъ-су и русской территоріей, куда направляются караваны съ шерстью, хлопкомъ, войлоками, коврами, кожами и проч. Здѣсь ведутъ прибыльную торговлю восемь купцовъ изъ Андижана, также находящихся подъ началомъ Магометъ-Эмина.

Городокъ окруженъ плодородными полями, орошаемыми водами Таушканъ-дарьи. Невдалекѣ виднѣются низкіе хребты горъ, вдали снѣжная стѣна Тянь-шаня. Учъ-турфанскій амбанъ принялъ меня очень привѣтливо и пригласилъ на обѣдъ. Онъ служилъ прежде въ Тарбагатаѣ и, часто сталкиваясь тамъ съ русскими, научился уважать и цѣнить ихъ.

Передохнувъ денекъ, мы 11 іюля выѣхали изъ Учъ-турфана въ сопровожденіи всѣхъ андижанскихъ купцовъ, облеченныхъ въ самые лучшіе халаты. Пестрая кавалькада наша привлекала по пути всеобщее вниманіе. Въ селеніи Сугетлыкъ (селеніе ивъ) намъ были предложены чай и угощеніе, и затѣмъ провожатые наши направились обратно, мы-же продолжали путь до Уть-баши (начало пастбища), гдѣ и сдѣлали привалъ въ роцѣ.

Къ концу слѣдующаго дня прибыли мы въ кышлакъ Башъ-ахма (начало притока), гдѣ нашли пріютъ въ большомъ киргизскомъ аулѣ, состоявшемъ изъ 19 юртъ. Киргизы, которые проводятъ здѣсь и лѣто, живутъ отчасти земледѣліемъ (пшеница, ячмень и опіумъ), а обитаютъ по большей части въ „кара-уяхъ“ (черныхъ юртахъ), рѣже въ землянкахъ. Они засѣиваютъ свои поля черезъ годъ, оставляя ихъ на другой годъ подъ паромъ; такимъ образомъ они являются земледѣльцами не каждый годъ, а только черезъ годъ. Кромѣ земледѣлія ихъ кормитъ скотоводство (овцы и козы).

Киргизы, промышляющіе исключительно перевозомъ товаровъ, проводятъ лѣто въ горахъ, зимою-же спускаются въ долину Таушканъ-дарьи. Семь „урюковъ“ или родовъ, живу-

щихъ въ этой области, подчинены одному „бію“ или предводителю. Остальнымъ 8 днямъ, которые мы еще провели въ пути, я посвящу лишь самое краткое описаніе. Путь нашъ шелъ по долинѣ Таушканъ-дарьи черезъ низкія горы, граничащія на югѣ съ рѣкою, и затѣмъ къ юго-востоку по степи и безплоднымъ областямъ вплоть до самаго восточнаго города китайской имперіи — Кашгара.

По пути мы познакомились съ киргизами, съ джагатай-тюрками, наслаждались послѣ перенесеннаго нами зноя въ пустынѣ, свѣжимъ горнымъ воздухомъ, который въ эту пору дождей былъ особенно прохладенъ отчасти отъ изобилія атмосферныхъ осадковъ, отчасти отъ западныхъ и восточныхъ вѣтровъ, пронесившихся по узкой долинѣ и вырывавшихся изъ нея, словно изъ дула ружья.

Миновавъ аулы и кышлаки Учъ-муздукъ (три ледника), Сюме-ташъ, Кызыль-эшме (красные ключи), Джай-тюбе (могильный холмъ), Сугунъ-караулъ, Кальты-яйлакъ (маленькое лѣтнее пастбище) и Бэшъ-керимъ (пять крѣпостей) мы 21 іюня, наконецъ, прибыли въ желанный Кашгаръ.

3 недѣли, проведенныя здѣсь, прошли въ усиленныхъ хлопотахъ. Старый другъ мой, консулъ Петровскій, произведенный теперь въ генеральные консулы, а вскорѣ, за свои неоцѣнимыя услуги моей экспедиціи, награжденный отъ короля Оскара командорскимъ крестомъ шведскаго ордена Вазы, очень обрадовался моему благополучному возвращенію и сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы облегчить мнѣ хлопоты по снаряженію новой экспедиціи.

Узнавъ отъ хотанскаго аксакала о нашемъ злополучномъ странствованіи по пустынѣ, консулъ Петровскій тотчасъ-же отправился къ дао-таю и заявилъ, что если тотъ не приметъ немедленно мѣръ къ розысканію слѣдовъ пропавшаго у насъ верблюда, то будетъ имѣть дѣло съ Цзунгъ-ли-яменомъ въ Пекинѣ.

Дао-тай сдѣлалъ все, что могъ, и можно представить себѣ наше изумленіе, когда онъ, пригласивъ насъ на обѣдъ, преподнесъ намъ шведскій офицерскій револьверъ, находившійся во вьюкѣ Нэра! Оказалось, что оружіе было подарено какимъ то неизвѣстнымъ всадникомъ одному жителю селенія Тавекъ-кель.

Розыски продолжались съ усиленной энергіей, но китайскимъ чиновникамъ такъ и не удалось напасть на слѣдъ вора, да я и не особенно заботился объ этомъ, поглощенный снаряженіемъ новой экспедиціи.

На другой день по моемъ прибытіи въ Кашгаръ, былъ отправленъ курьеръ въ Ошъ, съ письмами и телеграммами отъ меня. Между ними была телеграмма въ Берлинъ моему учителю и другу, барону Рихтгофену, содержащая просьбу о высылкѣ мнѣ новыхъ приборовъ — анероидовъ, гипсотермометровъ и т. п. Другой телеграммой въ Ташкентъ я просилъ о высылкѣ мнѣ одежды, провіанта и табаку. Патроны и порохъ мы добыли у казаковъ, состоявшихъ при консульствѣ. Раньше трехъ мѣсяцевъ нельзя было ожидать прибытія затребованныхъ изъ Европы предметовъ, между тѣмъ сидѣть въ Кашгарѣ столько времени безъ дѣла мнѣ вовсе не улыбалось, тѣмъ болѣе, что лѣтній зной заставлялъ меня томиться по лѣтней прохладѣ горъ.

Задерживала меня здѣсь только необходимость дожидаться почты изъ Керіи, куда консулъ Петровскій, согласно моему указанію, отправилъ всю пошленную безъ меня на мое имя корреспонденцію изъ Швеціи. Дао-тай и тутъ оказалъ мнѣ услугу, пославъ за нею въ Керію, экстреннаго курьера, который и вернулся въ Кашгаръ черезъ 12 дней. Расстояніе между этими двумя городами равняется 1,450 верстамъ, слѣдовательно, курьеры проѣзжали въ день по 120 верстъ съ лишкомъ.

Черезъ двѣ недѣли предварительное снаряженіе экспедиціи было закончено. Я никогда не забуду любезности и содѣйствія, оказанныхъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ консуломъ Петровскимъ, г. Мэкэртнеемъ и шведскимъ миссіонеромъ Гёгбергомъ, соперничавшими между собою въ готовности помочь мнѣ.

Первые двое одолжили мнѣ анероиды и гипсотермометръ, а послѣдній снабдилъ меня многими весьма полезными предметами. Кашгарскій портной изготовилъ для насъ изъ китайскихъ матерій одежду и палатку. Людей, сѣдла, продовольствіе мы купили на базарѣ, и въ концѣ концовъ, выступая 10 іюня изъ Кашгара, я едва вѣрилъ себѣ, что всего 2 мѣсяца тому назадъ потерпѣлъ такое крушеніе, которое считалъ окончательнымъ.

Но куда-же слѣдовало намъ направить путь? На сѣверъ,

къ Тянь-шаню? Но тогда мы попали-бы въ области, сравнительно уже извѣстныя. На югъ, къ Кунь-луню? Время не позволяло. На западъ? Но тамъ простиралось нагорье Памира, которое я уже изслѣдовалъ во многихъ направленіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, я выбралъ цѣлью этой небольшой экспедиціи именно Памиръ, намѣреваясь продолжать наблюденія, начатыя прошлымъ лѣтомъ, и провести жаркое время года въ горахъ-великанахъ, стерегущихъ „крышу міра“.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА I.

	Стран.
Предисловіе	I—VIII
Вступленіе	1
Глава I. Двѣ тысячи верстѣ въ тарантасѣ	25
” II. Киргизская стѣнь. Сыръ-дарья	41
” III. Отъ Ташкента до Маргелана. Сыръ-Дарья	55
” IV. Зимнее путешествіе по Памиру	75
” V. Черезъ переваль Тенгисъ-бай	90
” VI. На крышѣ міра	105
” VII. Народонаселеніе. — Географическій обзоръ. — Па- мирскій постъ	125
” VIII. На Мустагъ-ату и въ Кашгаръ	145
” IX. Воспоминанія о Кашгарѣ.	166
” X. Возвращеніе въ Китайскій Памиръ.	181
” XI. Черезъ Тагарму въ Су-баши. — Киргизскія „байги“	196
” XII. Вокругъ Малаго Кара-куля	210
” XIII. Страствованія по ледникамъ	230
” XIV. Восхожденія на Мустагъ-ату.	247
” XV. Лунная ночь на высотѣ 6,300 м. надъ уровнемъ моря	272
” XVI. Новое путешествіе по Памиру	285
” XVII. На Маломъ Кара-кулѣ	299
” XVIII. Среди киргизовъ. — Возвращеніе въ Кашгаръ	311
” XIX. Въ Маралъ-баши и Лайлыкъ.	327

Глава	XX. Паломничество	343
„	XXI. Въ пустыню	359
„	XXII. Райскій уголокъ	377
„	XXIII. Царство могильной тишины	388
„	XXIV. Воды пить!	403
„	XXV. Караванъ распадается и гибнетъ	416
„	XXVI. Пять сутокъ пѣшкомъ по безконечнымъ пескамъ. — Вода. — Спасены	432
„	XXVII. Двѣ недѣли въ бесѣдѣ. — Исламъ-бай спасенъ . .	452
„	XXVIII. По руслу Хотанъ-даря. — Возвращеніе въ Каш- гаръ черезъ Агъ-су	469